

Го Син

Медиум Пустоты и Анатомия Алчности

Го Син

**Медиум Пустоты и
Анатомия Алчности**

«Автор»

2026

Син Г.

Медиум Пустоты и Анатомия Алчности / Г. Син — «Автор»,
2026

- Люди не центр вселенной. - Ритуальная магия – артефакты из человеческих тел.- Серая мораль – нет добра и зла – только баланс. - Нет примитивных ГЕРОЕВ – антигерой не спаситель, а МИЛОСЕРДНЫЙ ПАЛАЧ. Мир сошел с ума. Люди пожирают сами себя в погоне за властью, пока феи и Король Леса защищают природу от человеческой алчности. В этой войне нет правых — есть только выжженная земля. Видение сожженного будущего показало Остину цену такого хаоса: когда истощенные силы людей и фей падут, придет истинный враг. Некромант Берлазар ударит в спину обеим армиям и поднимет Империю Мёртвых.Остин должен остановить это. Ему нужно примирить Клан Луны, спасти Гримуар Велеса и объединить заклятых врагов. В ином случае мир поглотит тьма.

© Син Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1. Видение.	6
2. Школа Эсперов и Круг Инициации.	13
3. Контракт Душ с Ведьмой Далией.	19
4. Королевство орлей.	29
5. Арка Королевство Орлей: события 2000 лет назад. Семья Саровских.	44
6. Аксель Милан Готье и Аннет Саровских. Рождение их сына Павла.	50
7. Павел в мире Нави. Испытание Духа.	53
8. Уроки Легендарной Ведьмы Ламии в Руинах Старой Селесты.	61
9. Артефакты из человеческих тел. Месть епископу Алларику.	67
10. Сен-Мари. Спасение Лео.	72
11. Святой Павел и Граф Готье. Лео обрёл семью.	77
12. Мир Нави: обучение Лео в Клане Волка. Шаман Дарлок и Егерь Ночной Волк.	79
13. Дикая Охота. Фенрис и Мира.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Го Син
Медиум Пустоты и Анатомия Алчности
Глава

1. Видение.

Я погружаюсь в сон — вязкий, туманный, будто сотканный из дымки и шёпота древних деревьев. Я направляюсь в лес, чтобы разведать обстановку: у меня задание от Хранителя Сарены. Рядом шагает незнакомый оборотень из клана Луны — его силуэт чёткий, но лицо размыто, словно память отказывается его запомнить.

Почему я здесь? Почему я вдруг стал выше, чем обычно? Я пытаюсь осмотреть себя, но тело не слушается — оно движется само, будто управляется чьей-то волей. Всё вокруг окутано густым, мерцающим туманом. Я понимаю: это не обычный сон. Это видение, подобное тем, что посещали меня раньше. Остаётся лишь наблюдать и впитывать каждую деталь.

Мы продвигаемся к сердцу леса — туда, где воздух густеет, а звуки затихают, уступая место тяжёлому дыханию природы. Наконец, среди вековых елей и искривлённых дубов мы находим источник силы — круг камней. Древние валуны, покрытые рунами, выстроены в идеальном порядке. Такие круги ведуны используют как порталы в Сокровенную Рощу.

Но едва мы подходим ближе, из тумана выскакивают фигуры. Атака молниеносна.

Оборотень бросается вперёд и закрывает ведьму своим телом, принимая удар на себя. Его шерсть встаёт дыбом, глаза сверкают яростью.

— Далия, это засада, — хрипит он, с трудом удерживаясь на ногах. — Используйте камень телепорта и спасайтесь. Я их задержу.

— Я не могу оставить тебя Абель, — голос ведьмы дрожит, но в нём звучит сталь. — Мы сразимся и победим... или погибнем вместе. Ты же знаешь: они не отпустят нас живыми. Даже если ты пожертвуешь собой, они всё равно меня убьют.

Они оказываются в кольце звероловов — тех, кто принял дар Сокровенной Рощи и потерял человеческий облик, став частью Лесного Союза. Их глаза светятся холодным огнём, когти блестят в полумраке.

Верховный друид в Короне Леса выходит вперёд. Его плащ сплетён из листьев, а лицо скрыто маской с оленьими рогами.

— У вас не выйдет сбежать, — его голос гудит, как гул далёкого грома. — Круг камней блокирует пространственные чары. Примите свою судьбу — и ваша смерть будет безболезненной.

Ведун с головой козла, ухмыляясь, делает шаг вперёд. Его смех звенит, как разбитое стекло:

— Хо-хо-хо! У Владыки Крольма, видно, совсем не осталось солдат... Или совести? Послать столь слабый отряд в сердце леса! Зачем вы сюда явились? Отвечайте!

Свиномордый зверолов, стоящий рядом, рычит:

— Неважно, зачем они пришли. За нарушение границ Сокровенной Рощи их ждёт смерть.

Ведьма сжимает кулаки. В её глазах — гнев и страх. Она догадывалась, что это задание — самоубийство, но не могла отказать Хранителю. Теперь она пытается выиграть время, затягивая диалог:

— Так это вы похищаете жителей общины! Но зачем? Ведунам? Королю леса, Владыке Вельдаару?

— Не заговаривай мне зубы, ведьма! — Лесной Король вскидывает руки, и его голос гремит, как раскат грома. — Твои мысли мне известны. Контроль разума, который ты так усердно накладываешь, не сработает в Сокровенной Роще. Круг камней подавляет твою силу. Ты не можешь использовать свои проклятия. Сейчас ты умрёшь!

Он воздевает руки к лесу, и деревья оживают. Ветви изгибаются, корни вырываются из земли, образуя чудовищных древесных созданий. Они бросаются на ведьму и оборотня, пытаясь их разделить.

Ведьма вскидывает ладони, и вокруг неё клубится тёмный дым. Она атакует деревья гниением — их кора трескается, древесина превращается в труху.

Оборотень с рычанием «Гр-р-р-р!» вцепляется в древесное чудище, отрывая от него куски древесины. Его клыки блестят, мышцы напряжены до предела.

Но ведуны лишь усиливают чары.

— Что вы стоите?! — кричит Верховный друид. — Убейте ведьму, а её пса — потом! Оборотень без хозяйки — всё равно что обычная собака. Не позволяйте ведьме колдовать, иначе она парализует нас, и зверь порвёт наши тела, как бумагу!

— Владыка, но у неё иммунитет к превращению, я не могу её обратить! — вскрикивает один из звероловов.

Оборотень, дожевывая остатки дерева, бросается на новое чудовище. Его рык разносится по лесу, заставляя содрогнуться даже древние деревья.

— Используйте энтов, чтобы сдержать его! — командует Верховный друид. — Мы не можем сражаться с оборотнем в ближнем бою!

В отчаянии ведьма пытается связаться с другим медиумом через видение. Она надеется на Хранителя Сарену, но вместо него перед ней возникает лицо пятнадцатилетнего мальчишки — того самого, кого все считали сумасшедшим.

— Ты должен спасти нас, — шепчет она, и её голос звучит так близко, будто она стоит рядом. — Прошу, помоги...

Её глаза впиваются в него, и он вдруг видит её лицо так отчётливо, что чувствует её дыхание на своей коже. Она повторяет, не отрывая взгляда:

— Ты должен спасти нас...

В этот миг древесное чудище протыкает ведьму острым корнем.

Струйки крови стекают из уголков её глаз. Она умолкает, взгляд становится пустым, устремлённым в никуда. А затем древесный монстр разрывает её тело пополам.

Меня обрызгивает тёплой кровью. Связь обрывается. Ведьма мертва.

Я просыпаюсь в холодном поту, сердце колотится, а в ушах всё ещё звучит её последний шёпот: «Ты должен спасти нас...»

— Что за чёрт? — Остин сжал кулаки, чувствуя, как дрожь всё ещё пробегает по телу. — Меня до сих пор трясёт... Это правда сон или?.. Мне нужно отправиться к Хранителю и сообщить о своём видении. Возможно, она уже знает о произошедшем. В любом случае я должен предупредить всех об опасности в лесу.

Остин не сомневался в своём видении — яркие, пугающие образы до сих пор стояли перед глазами. Он отчётливо помнил Сокровенную рощу: круг древних камней, покрытых мхом, зловещее шевеление в тени деревьев, жуткие силуэты древесных чудовищ и последний крик медиума, молившей о помощи.

Не теряя времени, он направился к Хранителю. Дверь в её покои была украшена резными узорами, изображающими Звезду Смерти, но сейчас этот символ казался Остину насмешкой. Он постучал и вошёл.

Сарена Гундьяй, Хранитель города Свидлун, восседала за массивным столом, заваленным свитками и амулетами. Её седые волосы были уложены в сложную причёску, а на пальцах сверкали перстни с тёмными камнями. Она подняла взгляд, и её губы изогнулись в холодной улыбке.

— У меня тоже бывают страшные сны, — пренебрежительно отмахнулась она. — Ты просто переволновался. Да и у тебя никогда не было дара — ты же обычный девиант.

— Но я точно видел, как их убили! — настаивал Остин, стараясь унять дрожь в голосе. — И медиум просила у меня помощи... Я запомнил всё: круг камней, древесных чудовищ, их глаза, горящие в темноте...

Он торопливо описывал детали видения, стараясь передать каждую мелочь, но Сарена лишь покачала головой и вздохнула с нарочитым терпением.

«— Ты впечатлительный мальчик и слишком ещё мал», — произнесла она, постукивая перстнем по столу. — Дар развивается с годами усердных тренировок. Так что ступай, мне нужно заняться делами общины. — Её губы растянулись в хитрой улыбке.

Остин сжал зубы. Он видел то, чего не замечала она: вокруг Сарены кружились тени — послания убитой ведьмы, едва уловимые, словно дым. Но Хранительница не обращала на них внимания. «Это говорит только о том, что она не имеет никакого таланта, — подумал Остин. — Она шарлатан, стоящий во главе клана».

«— Хранитель должен знать, — произнёс он твёрдо, — что способности либо есть, либо их нет». «Независимо от возраста дар — это не предмет, который можно передать или освоить тренировками.» Он всегда появляется с зарождением души. Исходя из этого, вы намеренно говорите откровенную чепуху.

Лицо Сарены потемнело. Она резко поднялась, и тени вокруг неё на мгновение сгустились.

— Не испытывай моё терпение, — прошипела она. — Покинь мой кабинет. Нужно следить за тем, что ты говоришь — любое твоё действие будет иметь последствия. За твою дерзость я могу изгнать тебя из города. Ты бесполезный девиант, и в моих силах испортить тебе жизнь. Но ты же послушный мальчик и сейчас же уйдёшь, иначе... — Она подняла указательный палец, и в её глазах мелькнуло что-то хищное.

Остин отступил на шаг. Внутри кипела смесь гнева и бессилия.

««— Какое разочарование, Хранитель Сарена», — произнёс он тихо, но твёрдо. — Я ухожу. Мне действительно здесь делать нечего».

Выйдя из покоев, он прислонился к стене и закрыл глаза. Мысли метались, как птицы в клетке. «Как я мог верить этой шарлатанке все эти годы?» — думал он. — Она твердила, что у меня нет способностей, но теперь ясно: она намеренно скрывала правду. Сарена — коварный манипулятор, задвигавший таланты на задворки жизни из-за своей жадности.

Она точно знала, что происходит в общине, и продолжала закрывать на это глаза. А может, она в этом замешана? К тому же она занимает должность Хранителя города Свидлун, несмотря на отсутствие способностей. Опираясь на свою власть и богатство, Сарена тщательно работала над образом «святой», наживаясь на доверчивых людях.

«Святая Сарена... — мысленно усмехнулся Остин. — Хищник, что ломает сильных и пожирает слабых на своём пути. Спорить с ней смертельно опасно. Лучше отступить».

Он глубоко вдохнул и расправил плечи.

— В общем, это уже и не важно, — прошептал он. — Нужно найти Прасковью. Она сможет помочь.

С этими мыслями Остин зашагал по улице, направляясь в ремесленный квартал города, где жила старейшина Шелкопрядица. В голове уже складывался план: если Сарена не желает слушать, он найдёт тех, кто поверит. И предупредит общину об опасности — несмотря ни на что.

В клане жители без специализации выполняли общественные работы, помогая всем понемногу. Свободные от благословения — обычные люди без способностей — не имели чёткой роли, в отличие от пробуждённых. Пробуждённые, или эсперы, обладали сверхъестественными дарами: они становились воинами, магами, целителями. А свободные люди — разнорабочие, фермеры, ремесленники, торговцы — держали общину на своих плечах.

Меня считали свободным. Но с рождения я был странным: не было явных признаков пробуждения, однако я слышал голоса призрачных царств и далёких миров. Мои видения и шёпот духов сочли помешательством. Никто и подумать не мог, что я — единственный медиум в этом поколении. Однако в будущем я стану врагом человечества и встречу жалкую смерть... Но об этом даже мне ещё неизвестно.

Прасковья находилась на общественных работах — её снова поймали за попыткой уйти за пределы общины. Шелкопрядица, суровая женщина с седыми волосами, собранными в тугой узел, наставляла её в назидательном тоне, пристально следя за каждым движением. В руке она держала указку — тонкий прут, которым время от времени постукивала по столу.

— Как ты можешь быть такой неумехой? — прошипела она и резко ударила Прасковью указкой по пальцам.

— Ааауч! — Прасковья потёрла ладонью ушибленное место, её глаза вспыхнули гневом. — Как вы можете быть такой злой, Шелкопрядица? Вы знаете, кто мой отец! — вызывающе окинула взглядом старуху девочка.

— Да, я знаю, кто твой отец, — холодно ответила Шелкопрядица. — Именно он просил тебя проучить и никогда не допускать до других работ. Так что тебе стоит быть сдержанней. Владыка Крольм накажет тебя намного строже, если ты продолжишь упрямиться.

— Оооох, но мне не даётся ни пряжа, ни вязание, да и готовить я не умею! Я должна быть охотником...

— Прежде чем стать охотником, ты должна пробудиться, — отрезала Шелкопрядица. — Но даже в этом случае...

В этот момент к ним подошёл Остин. Он остановился в нескольких шагах, слегка поклонился и произнёс:

— Да осветит ваш путь Свет Перуна, Шелкопрядица.

— Да наполнит твой живот Макошь, — ответила пожилая женщина, слегка смягчившись. — Что привело тебя сюда, Остин?

— Я пришёл помочь Прасковье с отработкой, — спокойно ответил юноша. — Да и я такой же свободный, как и остальные жители без благословления.

Шелкопрядица прищурилась, изучая его.

— Ты дитя Клана Тьмы, вас редко отправляют на работу в общину. Но меня радует, что ты сам пришёл выполнить долг перед обществом. Ты старательный и ответственный, твоё трудолюбие и усердие всегда радовало меня.

— Благодарю за добрые слова, наставница, — склонил голову Остин. — Я следую учению мудрости Велеса и добродетели Дивии.

Женщина взглянула на амулет, висевший на шее юноши, — тонкую серебряную луну с вкраплениями звёздной пыли.

— Я вижу твой амулет Лунного света, ты никогда его не прячешь. Амулет становится звёздным небом, если носящий солжёт, а он остаётся бледной луной — значит, ты всегда говоришь правду. Амулет светлый, как и твоя душа.

— Позвольте мне облегчить ваш труд и помочь Прасковье, — мягко произнёс Остин. — Вам стоит отдохнуть, наставница.

— Да, ты прав, я правда устала, — вздохнула Шелкопрядица. — Раз ты пришёл, я пойду отдохну, а ты помоги своей соученице.

Старуха развернулась и направилась к дому, шаркая ногами по земле. Как только она скрылась за дверью, Прасковья повернулась к Остину и начала сверлить его взглядом.

— И как у тебя получается так складно врать? — прошептала она.

— Ну, я, по сути, и не вру, — улыбнулся Остин. — Я просто искренне верю в то, что говорю. А это уже не считается ложью.

— Действительно, — пожала плечами Прасковья и, чуть улыбнувшись, повернула голову.
— Не зря тебя называют девиантом. Твои суждения не поддаются логике.

— Моя логика основана на моих видениях, — серьёзно ответил Остин.

— Дай угадаю: тебя привели сюда твои видения? — закатила глаза Прасковья, а затем посмотрела на него с недоверием, словно на сумасшедшего.

Остин выпрямился, его лицо стало серьёзным. Он посмотрел ей прямо в глаза и начал рассказывать — медленно, чётко, подбирая слова так, чтобы она поняла всю важность его слов:

— Сегодня ночью я видел рошу. Древнюю, полную теней. Круг камней, покрытых мхом и рунами, которые светились в темноте. Там были они... древесные чудовища. Их ветви-руки тянулись к медиуму, что звала на помощь. Я слышал её крик — он до сих пор звучит у меня в голове. И ещё я видел кровь на коре деревьев, слышал шёпот духов, предупреждающих о беде. Это не просто сон, Прасковья. Это видение. И если мы не предупредим общину, случится что-то страшное.

Прасковья замерла. Её насмешливое выражение сменилось тревогой. Она внимательно посмотрела на Остина, пытаясь понять, шутит ли он. Но в его глазах не было ни капли лжи — только глубокая уверенность и страх за тех, кто может пострадать.

— Ты... ты правда это видел? — тихо спросила она.

— Да, — кивнул Остин. — И теперь нам нужно действовать.

— Если всё обстоит так, как ты говоришь, нам нужно сообщить моему отцу, воеводе Крольму, — решительно произнесла Прасковья, сжимая кулаки.

— Я на это и рассчитывал, — кивнул Остин. — Я надеялся, что ты сможешь помочь убедить его.

— Да, хотела заметить: тебе удалось за полчаса сделать больше, чем я за весь день, — улынулась девушка.

Остин скривил насмешливую гримасу, затем встал и лениво потянулся:

— Тск, так у меня руки из нормального места растут.

Прасковья одарила его озорным взглядом и шутливо подметила:

— Будь ты дочерью моего отца, он был бы счастлив. Своими навыками ты сможешь ему угодить и потешить его величественное эго.

— На счёт этого не уверен, — усмехнулся Остин. — Но нам стоит предупредить Шелкопрядицу и отправиться к твоему отцу...

Друзья зашагали по дороге вдоль квартала ремесленников. Воздух наполняли ароматы свежее выпеченного хлеба, запах кожи из сапожной мастерской и лёгкий дымок от кузнечных горнов. Прасковья подняла взор к небу и указала рукой вдаль:

— Смотри, Остин! Это парящий остров! Я хочу служить в Парящей Крепости.

Остин проследил за её взглядом. В вышине, окутанный облаками, парил огромный остров с механическими башнями и энергетическим куполом, сверкающим в лучах солнца.

— Ты знаешь, что твой отец не допустит этого, — мягко ответил он. — Он скорее умрёт или испортит твою жизнь, чем позволит тебе обрести счастье. Но как бы он ни хотел — ветра судьбы подхватят тебя, и в своё время ты окажешься в водовороте событий. Это я тебе как гадалка говорю, — подмигнул он.

Прасковья опустила взгляд, её плечи слегка поникли.

— Я с тобой согласна. Он не станет меня слушать, — тихо произнесла она. — После смерти мамы я будто осиротела и стала совсем одинока. Владыка Крольм всегда был хорошим правителем, но никогда не был хорошим отцом... — В её глазах заблестели слёзы, но она сдержалась, а затем взяла за руку своего спутника. — Я рада, что ты всегда был рядом. Ты хороший друг, Остин.

— Чтобы сделать окружающих счастливыми, не нужно переворачивать небеса, — тепло улынулся Остин. — Не нужна магия. Достаточно тёплых слов, что идут от сердца. Проявлен-

ная доброта сделает мир куда лучше — и без божественного чуда или колдовства. Для этого не нужно быть ведьмой, чтобы облегчать боль или снимать тревоги. Достаточно твоего внимания и участия. Простая любовь и забота ставят на ноги даже тяжело больных.

— Спасибо, — Прасковья шмыгнула носом и улыбнулась. — Но ты и правда странный. Ведёшь себя как старичок и всегда говоришь странные вещи. Но ты единственный, кто меня хотя бы слушает и не требует ничего взамен. Каждый миг, проведённый с тобой, заставляет меня улыбаться и ждать следующего дня.

Тем временем они дошли до дворца воеводы — величественного здания с высокими башнями, увенчанными флюгерами в виде щита и меча. У входа красовались резные каменные статуи Тиадальмы и Брана, основателей клана Таранис и города Свидлун, что произошло более четырёх тысяч лет назад в эпоху богов.

— Мы уже пришли, — Остин окинул взглядом массивные двери. — Надеюсь, ты к своему отцу не по записи ходишь?

— Знаешь, с него станется, — усмехнулась Прасковья. — Я удивлена, что он меня под замок ещё не посадил как преступницу — после всех попыток сбежать из общины.

Дружинники у ворот дворца, облачённые в доспехи с гербом клана Таранис, почтительно распахнули двери. Друзья вошли в просторный зал с высокими сводами, полами из белого мрамора, украшенными фресками, и направились к приёмной владыки Крольма.

В кабинете воеводы царил атмосфера суровой власти. Массивный стол из тёмного дуба, карты на стенах, оружие на подставках. Владыка Крольм, могучий мужчина с тёмной бородой и пронзительными серыми глазами, стоял у окна. Услышав шаги, он обернулся.

— Ведьма и волк пошли на разведку в лес — осмотреть место происшествия и выяснить причины смерти жителей общины, — задумчиво произнёс воевода, опираясь руками о рабочий стол. — Но, как оказалось, самые опасные монстры — это люди. Ведуны убили медиума, а затем оборотня. Я примерно этого ожидал...

— Нужно что-то предпринять, отец! — взволнованно начала Прасковья, теребя рукав платья.

— Нет, мы не можем конфликтовать в открытую с ведунами, — жёстко отрезал Крольм. — Тем более, когда замешаны феи — эти бледные черноглазые твари, — выдавил он сквозь зубы и начал поглаживать бороду, на мгновение погрузившись в свои мысли. Затем резко поднял взгляд на Остина: — Так значит, твой спутник — медиум? Он из клана Тьмы?

— Да, отец, — подтвердила Прасковья.

— Простите, владыка, но я девиант, — склонил голову Остин. — Меня считают в клане свободным от благословения.

— Если с тобой связался погибший медиум, это может означать только одно, — медленно произнёс воевода. — У тебя определённо есть способности, и ты можешь пройти обряд инициации.

— Но Хранитель Сарена лишила меня шанса на испытание своего таланта, — прямо сказал Остин. — И сегодня она не поверила моим словам, несмотря на опасность ситуации.

— Ты, наверное, понял, что у Сарены нет никакого дара, и она — обычный человек, — прищурился Крольм.

— Так вы об этом знали, владыка? — удивлённо посмотрел Остин на воеводу.

— Хо-хо, конечно, — усмехнулся Крольм. — У неё нет дара, но всё же она талантливый правитель. Во главе должен стоять именно такой лидер. Пробуждённые играют иную роль в обществе, и ты поймёшь, юноша, когда придёт время. Мир на самом деле больше, чем ты думаешь... — Владыка загадочно посмотрел в глаза юного собеседника и постучал указательным пальцем по столу. Затем резко выпрямился: — Я принял решение. Завтра вы пройдёте обряд инициации вместе. Но о том, что вы сегодня рассказали, постарайтесь никому не говорить.

Мы решим этот вопрос мирным путём — у нас нет возможности вести войну и с ведунами, и с феями.

— Отец, и даже я могу пройти обряд? — затаив дыхание, спросила Прасковья.

— Да, ты не ослышалась. Ты завтра идёшь в школу Эсперов вместе со своим другом, — твёрдо произнёс воевода.

Остин и Прасковья переглянулись — на их лицах расцвели улыбки. Они поклонились владыке и, чувствуя, как в груди разливается радость и надежда, покинули дворец.

Улицы города Свидлун.

— Не ожидала такого исхода, — задумчиво произнесла Прасковья, глядя вдаль. — Я думала, он станет препятствовать этому, а затем выдаст меня замуж за того, кого я буду ненавидеть... Но всё оказалось подозрительно просто. Тебе так не кажется, гадалка?

Остин усмехнулся и наигранно похлопал в ладоши:

— Ты достаточно подробно обрисовала своё будущее — я впечатлён. Скорее всего, твой отец сделал этот шаг, чтобы мы на время забыли о ведунах и Сокровенной Роще. Это похоже на взятку за наше молчание. И, на самом деле, нам действительно лучше молчать: никто в это не поверит, а те, кто знают, будут это скрывать.

— Ты знаешь моего отца, — вздохнула Прасковья. — Он всегда закрывал глаза на правду и видел то, что было выгодно ему самому.

— Так же, как и Хранитель города Сарена, — добавил Остин, пряча руки в карманы потрёпанной куртки. — Единственный её дар — это наживаться на других. А это тоже своего рода талант.

— Ах-ха-ха-ха! — рассмеялась Прасковья, пихая его локтем в бок. — Ты невыносим! Ладно, пойдём — кто-нибудь услышит, и нам не поздоровится.

2. Школа Эсперов и Круг Инициации.

На следующее утро

Остин проснулся от того, что в его дверь кто-то настойчиво барабанил. Он застонал, зарылся лицом в подушку и пробормотал:

— Кого с утра пораньше...

— Угадай — ты же гадалка! — донёсся из-за двери звонкий голос Прасковьи.

Остин с трудом поднялся, протёр глаза и открыл дверь. На пороге стояла сияющая Прасковья с флягой в руке.

— Обычно тех, кто меня будит утром, я жестоко убиваю, — хрипло произнёс он, щурясь от света.

— Я об этом знала, — весело отозвалась девушка, помахивая фляжкой. — Поэтому принесла тебе энергетик. Иначе ты и к полудню на ритуал не соберёшься.

— Ладно, на этот раз тебя прощаю, — буркнул Остин, но уголки его губ дрогнули в улыбке. — И да, спасибо за энергетик. Без него я бы сейчас собирал себя по частям.

Через некоторое время он вышел к подруге, и они вместе отправились в Школу Эсперов. Утро выдалось прохладным, роса блестела на траве, а первые лучи солнца золотили крыши домов.

— Ты не говорил с Хранителем? — спросила Прасковья, поправляя ремешок сумки на плече.

— А зачем? — пожал плечами Остин. — Мне нечего ей сказать. Она видит только то, что хочет видеть.

— Наверняка они уже обсудили это с моим отцом, — предположила девушка, перепрыгивая через лужу. — Политика грязное дело.

— Уверен, это так, — кивнул Остин. — Но нам не стоит говорить об этом вслух. Стены здесь имеют уши.

Прасковья бросила на него внимательный взгляд:

— Ты сегодня какой-то странный, неразговорчивый. Обычно после моих шуток ты ворчишь минут десять минимум. У тебя всё в порядке?

Остин замедлил шаг, глядя под ноги на мозаичную мостовую.

— Я бы соврал, если бы сказал, что всё хорошо, — тихо произнёс он. — У меня опять были видения. Из-за этого я не мог с утра встать. Меня всю ночь мучили кошмары: я видел призраков и духов, пустоту... Но сегодня это происходило так, словно я сам погрузился в тень, а не просто смотрел сон...

— Может, это связано с твоим даром? — Спросила Прасковья понизив голос до шёпота.

— я видел убитую ведьму, — Ответил Остин коснувшись виска, будто пытаясь прогнать наваждение. — Она оставила на мне духовный след. Я его до сих пор ощущаю — он как холодное пятно на душе. Словно часть её сознания осталась во мне.

— Возможно, — вздохнула Прасковья, становясь серьёзной. — В любом случае у тебя всегда был дар. Ведьма помогла осознать это.

Они замолчали, шагая по узкой тропе, ведущей к Школе Эсперов. В воздухе витало ощущение грядущих перемен — тревожное, но в то же время волнующее. Остин глубоко вдохнул, пытаясь сосредоточиться на настоящем, но шёпот духов всё ещё звучал где-то на краю сознания, напоминая о том, что его путь только начинается.

Они прибыли к Великому Древу — древнему исполину, чьи ветви касались облаков, а корни, по легендам, уходили в самые недра земли и оплетали ядро планеты. За ним находился круг инициации: выложенный из чёрных камней с серебряными рунами, он пульсировал едва заметным светом. В нём проходило пробуждение способностей.

За кругом, чуть поодаль, возвышалась Школа Эсперов — серое десятиэтажное здание, увенчанное флюгерами в виде магических символов. Возле неё собрались представители всех кланов: Клан Тьмы с тёмными плащами, Клан Света в сияющих одеждах, Клан Солнца с золотыми знамёнами, Клан Луны с серебряной вышивкой, ведуньи в мантиях с узорами Сокровенной Роши, феи с бледной кожей и чёрными склерами глаз. Вокруг стоял гул сотен голосов.

— Ну вот, пришли, — Остин окинул взглядом толпу. — Надеюсь, твой отец не составил очередность специально для тебя.

— Знаешь, с него станется, — фыркнула Прасковья, хотя в её глазах читалось волнение. — Идём, «гадалка». Посмотрим, сможешь ли ты пройти инициацию со своими видениями.

Все собравшиеся хотели узнать талант дочери правителя города Свидлун — кем же она окажется: гордостью или разочарованием своего отца? Воздух был наэлектризован ожиданием, шёпоты перекачивались по толпе, как волны.

Первый претендент зашёл в круг инициации — Мойша Гундйя. К нему подошла Старшая Вдова Матрона — Вдовий Остов. Высокая, с седыми волосами, заплетёнными в косу, и глазами, полными древней скорби, она завела ученика в центр магического круга и начала обряд.

Старуха очертила круг косой в воздухе, воздела руки к небу и издала скорбный вопль. Тут же другие сёстры Крипты подхватили его, издавая жуткий вой безутешной вдовы. Их объёял синий свет — он струился, как морские волны, и полился к ученику, проходившему обряд. Тот закрыл глаза и замер, ожидая, пока синее свечение пройдёт сквозь него.

Через некоторое время старуха объявила:

— Обряд инициации прошёл успешно!

Она пригласила следующего участника на платформу пробуждения. Парнишку приветствовали другие соученики из Школы Эсперов, поздравляли с успешным пробуждением.

— Он стал эспером силового типа! — раздались возгласы. — Талант заслуживает внимания!

Следующий претендент получил магию рун, третий стал ворожеем, четвёртый — ведунгом. Толпа оживала, люди переговаривались, обсуждали дары, гадали, что проявится у следующих.

И наконец настала очередь Прасковьи.

Она с волнением вошла в центр платформы для пробуждения и замерла, ожидая. Всё прошло достаточно гладко: воздух вокруг неё заискрился, руны на камнях вспыхнули алым, а затем из центра круга вырвался столб света.

— Она пробудила силу Витязя! — провозгласила Старшая Вдова.

Толпа взорвалась ликованием.

— Чего и ожидалось от дочери правителя! — воскликнул кто-то.

— Видимо, талант у них в крови! — подхватил другой.

— Её мать была витязем, так что это и неудивительно, — добавила пожилая ведунья.

— Но разве она не погибла на войне? — спросил молодой ворожей.

— Да, это так, — кивнула ведунья. — Но никто об этом не говорит. Надеюсь, эта девочка не унаследует судьбу матери, а только лишь её талант.

— Ох, я тоже на это надеюсь, — вздохнула фея Айлин с серебристыми крыльями.

Остин наблюдал за разговором преподавателей, нервно сжимая кулаки. Он не понимал, почему они так радовались за Прасковью. То, что она пробудится витязем, было очевидно. Но у преподавателей был иной умысел: потешить самолюбие честолюбивого отца своими хвalebными речами, привлечь его внимание и заработать себе пару баллов.

Его беспокойство продолжало нарастать.

Старшая Вдова Матрона повернулась к нему и жестом пригласила на платформу.

«— Твой черёд, юноша», — произнесла она.

Остин глубоко вдохнул. Сколько ни оттягивай неизбежное, инициацию пройти придётся — даже несмотря на дурное предчувствие, сжимающее грудь.

Он вошёл в центр круга. Но вместо синего света его окружил тёмный туман. Воздух стал тяжёлым, в глазах потемнело, и он лишился сознания...

Снова тот же сон, что повторялся уже тысячи лет. Остин — одинокий скиталец, затерянный между мирами. Голоса призрачных царств, тихий шёпот мертвецов и тёмных душ наполняли пространство.

«Я — огонь, что нельзя обжечь, — звучало в его сознании. — Я — вода, что не может намокнуть. Я — тень, живущая в собственной тени. Я — узник, что никогда не освободится из лимба пустоты и одиночества. Я — дух тьмы, навеки заточенный в темнице душ царства Кошмара».

В своих грёзах он не был одинок. Он видел сон во сне и не мог проснуться. Его мир — туманный и загадочный — был лишь завесой, в которой не было ни правды, ни лжи, а лишь видения, являвшиеся независимо от его желаний.

Он забыл, кто он и кем был раньше. Но отчётливо видел свой дом — то место, где пребывал до пробуждения. Почему одно и то же пространство среди тёмных духов и мертвецов? Похоже, он спятил. Как это место может быть его домом?

Вопреки здравому смыслу, его чувства твердили: он испытывает непреодолимую тоску и привязанность к этому тёмному миру. Тот притягивал и звал вернуться — туда, где он провёл целую вечность и обрёл пристанище души.

Остин резко открыл глаза. Он всё ещё стоял в круге инициации, но толпа молчала. Все смотрели на него с изумлением и страхом. Тёмный туман, окутавший его, не рассеивался, а руны на камнях почернели, будто опалённые невидимым пламенем.

Старшая Вдова Матрона отступила на шаг, её глаза расширились.

— Что это за сущность? Он пришёл из Пустоты... из глубин Чистилища, Бездны Воплей... — прошептала она.

Затем он потерял сознание...

Очнулся Остин уже в клане Тьмы — в небольшой комнате с каменными стенами, освещённой тусклым светом электрических светильников. Рядом сидела его лучшая подруга Прасковья, с беспокойством наблюдавшая за ним. Её глаза были широко раскрыты, а пальцы нервно теребили край плаща.

— Ты наделал много шума, — вздохнула она. — Я думала, это мой звёздный час, но ты умудрился стянуть всё внимание на себя.

— Что произошло после моей потери сознания? — Остин попытался собрать ускользающие мысли после странного видения, но всё было впустую. Голова гудела, а в ушах до сих пор звучал шёпот тёмных духов и мертвецов.

Прасковья вздохнула и заговорила:

— Ты просто потерял сознание. Учителя объявили, что твой талант — гадать. Это максимум твоих способностей. По сути, ты обычный человек без силы эспера и самый слабый в городе среди пробуждённых. Им явно было неловко объявлять о твоём провале, но... ты теперь легенда. В городе Свидлун всем известно, что ты пробудил самый слабый талант из возможных. Да, и поздравляю — твоя популярность сильно выросла после этого.

Остин схватился за голову, пальцы впились в волосы. В груди закипала горечь.

— Эм-да... Теперь я не просто девиант, а самый известный девиант в городе, — саркастично произнёс юноша, криво улыбнувшись.

— Ах-ах-ах, самоирония — это хорошо, — Прасковья попыталась улыбнуться в ответ, но тут же посерьёзнела. — Но не переживай, тебя приняли в школу несмотря на твою слабость.

Она тут же прикусила губу, поняв, что сказала лишнее.

— Ох, прости, мои слова могли быть неловкими, — она осторожно взяла друга за плечо, стараясь утешить. Но в его взгляде читалось что-то далёкое, отрешённое.

— Не стоит, — Остин медленно убрал её руку и выпрямился. — Не твоя вина, что я провалил пробуждение и стал самым слабым классом среди эсперов. Однако я уверен: даже этот талант может пригодиться.

Он глубоко вдохнул, мысленно собрался и продолжил:

— Моя жизнь всегда была на дне, так что мне не привыкать. Люди взбираются вверх по лестнице, добиваясь успеха в жизни, а у меня ситуация ничем не изменилась. Они падают с десятого этажа, а я всегда стоял на первом — падать просто ниже некуда.

Прасковья закусила губу, в её глазах читалась неподдельная тревога.

— Твой провал осуждают многие в городе... Неужели тебя это не задевает? — с беспокойством спросила она. Ей было страшно, что это осложнит его жизнь. — Люди могут быть жестоки, и общественное мнение ещё никто не отменял. Ты правда с этим справишься?

Остин сложил руки в замок, посмотрел подруге прямо в глаза и уверенно произнёс:

— Я живу не ради одобрения незнакомцев. Мне нет дела до того, что говорят другие, даже если моя минута славы стала минутой позора на всю жизнь. Злые языки всё равно не заткнуть — пусть говорят. Проявлять примитивный интерес к чьей-то личной жизни, осуждая и тратя своё драгоценное время впустую... Видимо, жизнь этих людей совсем не имеет смысла, раз жизнь незнакомцев интересует их больше, чем своя собственная.

Прасковья помолчала, обдумывая его слова, затем понимающе кивнула:

— Ты прав, я об этом не подумала. Но Остин, тебе ненужно прятать свою боль за маской цинизма. Я твой друг и всегда буду рядом.

— Спасибо, — Остин слегка улыбнулся, и в этой улыбке впервые за долгое время промелькнуло что-то искреннее. — Лучше объясни, как твой отец отпустил тебя?

— Теперь я пробуждённая, — Прасковья расправила плечи, в её голосе зазвучала гордость. — Ему приходится считаться со мной. Да и тебя нужно было навестить — я беспокоилась.

— Спасибо, — тепло произнёс Остин. — Как видишь, я в порядке. В итоге один день изменил всю нашу жизнь — мы пробуждённые.

— Это точно, — улыбнулась Прасковья и протянула ему руку. — И знаешь, что? Я верю, что твой «слабый» талант окажется чем-то большим. Ты не такой, как все, Остин. И это — твоя сила.

Остин на мгновение замер, затем крепко сжал её ладонь. В этот момент он почувствовал, что, несмотря на все слухи и насмешки, у него есть то, чего нет у многих — настоящая дружба. И этого уже достаточно, чтобы идти дальше.

Однако его беспокойство нарастало.

— Тебе не кажется, что твой отец что-то замышляет? — тихо произнёс Остин, понизив голос и оглянувшись, словно опасаясь, что их могут подслушать. — Владыка Крольм всегда извлекает выгоду из всего, что он делает. Он намеренно отправил тебя в клан Тьмы — помочь пострадавшему подростку. Это явно привлечёт общественное мнение, создаст нужный ему образ.

Прасковья замерла, её пальцы непроизвольно сжали край плаща. Она опустила взгляд, будто разглядывая невидимые узоры на полу, а затем резко подняла голову.

— Я тоже об этом думала, — призналась она. — Но чего он хочет и чего добивается? Он не настолько опрометчивый человек, чтобы допускать небрежности в жизни. Он точно замышляет недоброе. Я его дочь и знаю своего отца... Он убил мою маму — вот это в его стиле: извлекать выгоду из страданий, окружающих любыми доступными способами.

Остин вздохнул, провёл рукой по волосам и осторожно возразил:

— Владыка Крольм — коварный человек, но не думаю, что он умышленно навредил твоей матери. Она была убита ведунами и феями Лесного Союза. Участники тех событий рассказывали, каким образом витязей лишили жизни: их разорвали бледные твари с чёрными глазами.

— Даже если ненамеренно, — голос Прасковьи задрожал, но она взяла себя в руки, — моя мама погибла по его вине. Он мог её уберечь, но предпочёл рискнуть ради своих амбиций. Ради Севера, во благо Свидлуна, в войне Кланов и Фракций где проиграли все.

Остин помолчал, подбирая слова.

— Боюсь, всё намного сложнее, чем простые эмоции, — наконец произнёс он. — Воевода Крольм готовится к войне. По этой причине он набирает одарённых детей из всех кланов и...

— Ты хочешь сказать, что он собирает армию? — перебила его Прасковья, её глаза расширились от осознания.

— Да, — кивнул Остин. — Но самое главное — он планирует поставить тебя во главе войска. Чтобы ты заняла место своей матери и выступила в роли ферзя на поле брани. Фигуры на доске начали своё движение: Крольм собирает знамёна и заключает союзы, наращивая свою военную мощь.

— При этих переменных неизбежно начнётся война, — тихо произнесла Прасковья.

Она окинула Остина волевым взглядом, расправила плечи и добавила с твёрдостью в голосе:

— Если это так, я сама пойду сражаться с «бледными тварями». Мой долг — отомстить за смерть матери.

Девочка подняла подбородок и встала в позу героя, излучая уверенность своей мускулистой фигурой. В этот момент она казалась не юной девушкой, а воином, готовым бросить вызов судьбе.

— Хм, впечатляет, — Остин слегка склонил голову. — Именно на это твой отец и рассчитывает — что ты с радостью ринешься в бой, ведомая жаждой мести. Однако это лишь предположение. По моим подсчётам, ближайшие два года планируют обучать новобранцев. И у нас всё ещё есть возможность изменить будущее...

— Пока рано утверждать, что и как произойдёт, — Но всегда предполагай худшее — и тогда результат тебя не разочарует.

Остин закончил свою речь и начал собираться.

— Нам пора на занятия в Школу Эсперов, иначе мы опоздаем.

Однако подруга остановила его, мягко коснувшись плеча.

— Мой дядя, мастер Витаар сказал, что ты можешь приступить к занятиям через неделю, а пока отдыхай и восстанавливайся, — она улыбнулась, но в её глазах читалась тревога. — Ты не знаешь...

Я услышала в школе: круг пробуждения смертельно опасен для обычных людей. Все учителя переживали, когда ты упал без чувств. Но оказалось, что ты всё же имеешь способности и смог пережить процесс пробуждения. Окажись ты обычным человеком — и всё могло закончиться твоей смертью. Я рада, что ты остался жив.

— Благодарю за тёплые слова, — Остин с благодарностью кивнул подруге. — И спасибо, что присмотрела за мной.

Прасковья взяла его за руку и легонько потянула.

— Нам пора прощаться. Я пошла на занятия, а ты отдыхай, пока не поправишься...

Подруга вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь.

Комната Остина была крошечной — всего 16 квадратных метров, её можно было пере-сечь за несколько шагов. Здесь юный медиум прожил одинокую и тихую жизнь, и этого пространства ему всегда хватало.

У стены стоял низкий столик, рядом — старая кровать. В углу — книжная полка, заполненная потрёпанными томами о древних духах и забытых пророчествах. Возле окна — простой ящик для одежды. Минимальный набор для комфортного проживания одного жильца, но в этой скромности было что-то успокаивающее.

Остин опустился на кровать, откинулся на спину и уставился в потолок, покрытый трещинами, напоминавшими созвездия. Мысли крутились в голове, как вихрь: планы воеводы, судьба Прасковьи, его собственный «слабый» дар, который, возможно, вовсе не так прост... Он закрыл глаза, пытаясь упорядочить хаос в сознании.

3. Контракт Душ с Ведьмой Далией.

Вскоре его затянуло в кошмарный сон. Перед глазами вновь возник тёмный туман круга инициации, он почувствовал, как силы покидают его, а сознание растворяется в шёпоте призраков. Видения нахлынули волной: бледные твари с чёрными глазами, окровавленные ветви деревьев, крики павших воинов... и Полудница Лира что уничтожила Свидлун. Он вздрогнул и с трудом открыл глаза, тяжело дыша. Сон был слишком реальным — словно не просто видение, а предупреждение о том, что грядет.

Затем Остин снова оказался в лесу — его затянуло в очередной кошмар. Воздух был густым и тяжёлым, словно пропитанным древними чарами. Деревья вокруг казались искажёнными, их ветви переплетались в зловещие узоры, а под ногами хрустели сухие ветки, будто чьи-то кости.

— Я вижу круг камней Сокровенной Роши — местность, где я уже был, — прошептал Остин, озираясь по сторонам. — Снова вижу эти события...

Перед его взором возникла ведьма. Её лицо было бледным, почти прозрачным, а волосы струились, будто подхваченные невидимым ветром.

«— Ты должен спасти нас», — произнесла она, и в её голосе звучала отчаянная мольба. — Прошу, помоги...

Из её глаз потекли струйки крови, а затем тело ведьмы разорвал древесный монстр — огромное существо с корявыми ветвями вместо рук и глазами, горящими зелёным огнём. Оно с хрустом разорвало её пополам, и бросило ведьму на землю.

Остин дёрнулся, ожидая проснуться, но что-то пошло не так. Чернокнижница, лежа на земле, вдруг подняла голову и уставилась на него. Её губы растянулись в жуткой улыбке.

— Чего?.. Что это за хрень? В моём видении не было такого! — воскликнул Остин, отступая на шаг.

Половина туловища ведьмы оперлась на руки и приподнялась.

— Тск, конечно, не было, — хрипло рассмеялась она. — Я просто хотела тебя напугать.

Её тело начало медленно соединяться, словно куски разбитой статуи, и вскоре ведьма встала перед Остином во весь рост, отряхивая несуществующую пыль с одежды.

— Это было жутко, — выдохнул Остин, пытаясь унять дрожь в руках.

— Знаю, пацан, — ведьма ухмыльнулась. — Вид твоего испуганного лица меня забавляет. Ах ха, прости, не удержалась.

Остин недоверчиво окинул взглядом восставшую из мёртвых и спросил:

— Ты что-то вроде мстительного духа?

Ведьма закатила глаза, а затем в мгновение ока оказалась рядом с ним и вцепилась когтями в грудь, едва касаясь кожи. Её жуткие белые склеры уставились прямо в душу.

— Отдай мне своё сердце, — прошипела она.

Остин вздрогнул, его пульс участился, а по спине пробежал ледяной пот. Лицо исказилось от ужаса.

— Что за хрень?! Я чуть не обделался! — выдохнул он.

— Ах ах ах ах, — ведьма разразилась хохотом и отпустила его. — Ты такой смешной! Я снова пошутила.

Её глаза вернулись к нормальному виду, а когти исчезли, словно их и не было.

— Пошутила?! На мою голову?! Да у меня чуть инфаркт не случился! — возмутился Остин, потирая грудь. — Себе так пошутить!

Ведьма отступила на шаг, склонила голову набок и улыбнулась.

— Ты, наверное, заметил, но я немного мертва, — подмигнула она.

— Конечно, я же видел, как тебя убили, — кивнул Остин. — Но почему ты пришла именно ко мне?

— Не глупи, малыш, — ведьма вздохнула, как будто объясняла очевидное ребёнку. — Это очевидно: ты единственный медиум в округе города Свидлун. Остальные в клане — обычные примитивы, а возглавляет их самый опасный шарлатан в общине — Сарена Гундйай. Она корчит из себя святую, манипулируя доверчивыми идиотами. Эта хитрожопая сука — ведьма осеклась и поправилась, — эта карга изображает добродетельный и дружелюбный вид, проявляя наигранную заботу к жителям общины, но на самом деле просто использует их.

— В этом я с тобой согласен, — кивнул Остин. — Зачем вообще кому-либо верить? Я сумасшедший, а не идиот, чтобы доверять этой коварной старухе.

— Верно, мальчик, — ведьма одобрительно кивнула. — Никому, никогда не доверяй. Говорят, о морали и давят на жалость только мошенники — это способ спекуляции на чувствах других. И это работает на глупых и впечатлительных, но ты не такой.

— Знаешь, ведьма, моя вселенная намного шире, чтобы созерцать свой пупок и во что-либо верить, — усмехнулся Остин. — Но другой вопрос: зачем ты пришла? Ты ведь теперь дух.

— Я пришла предупредить тебя об опасности и научить тебя управлять своим даром, — серьёзно ответила ведьма.

Остину стало неловко от этих слов. Он опустил взгляд и тихо произнёс:

— Ты, наверное, не знаешь... Я самый слабый пробуждённый нынешнего поколения. От меня не будет толку.

— Ха ха ха! — ведьма не смогла сдержать насмешку, но тут же прикрыла рот рукой. — Прости, я не над тобой сейчас смеюсь. Просто не ожидала таких слов. Я уверена, тебе внушили это в школе Эсперов. Они просто кучка невежественных идиотов и не понимают природу твоего дара. Поэтому в годы юности я отказалась проходить обряд инициации.

Она сделала шаг вперёд и положила руку на плечо Остина. Её прикосновение было холодным, но странным образом успокаивающим.

— Твой дар не в силе, а в восприятии, — прошептала она. — Ты видишь то, что скрыто от других. Это и есть твоя истинная мощь.

Остин окинул ведьму непонимающим и удивлённым взглядом, нахмурил брови и переспросил:

— О чём ты говоришь?

Ведьма улыбнулась — не насмешливо, как раньше, а почти по-доброму. Её полупрозрачная фигура мерцала в сумраке сна, словно сотканная из лунного света и тумана.

«— Ты пробудил дар Медиума», — произнесла она. — Эти примитивы ещё не умеют измерять потенциал пробуждения. Они измеряют наличие маны и её количество — а это в основном боевые классы. Однако твой класс уникален. Со временем ты станешь намного могущественнее всех воинов и магов. Твой дар — талант бесконечного роста и память всех жизней в бесконечной реинкарнации. Если душа цела, тело всегда можно заменить — ты можешь это сделать, а другие нет.

Остин сглотнул, пытаясь осознать сказанное.

— Но почему ты тогда не заняла новое тело? — спросил он.

— Я не хотела становиться Кошмаром, захватившим тело живого человека, — вздохнула ведьма. — А в мёртвое вселяться бесполезно. Да и реинкарнация — слишком долгий процесс: я могу возродиться через год, а может, и через тысячу лет — в теле младенца. Пройдёт слишком много времени, и я не смогу выполнить своё предназначение. В результате я пришла к тебе. Ты единственный можешь видеть меня и общаться с духами. Я предлагаю заключить контракт душ. Это позволит мне прожить вторую жизнь в качестве призванного духа, а взамен я начну твоё обучение духовным практикам.

Остин замер, обдумывая предложение. В груди зародилась искра надежды — шанс обрести силу, изменить свою судьбу, вырваться из роли «самого слабого пробуждённого». Он всё ещё сомневался и не мог до конца доверять ведьме, но её мотивы казались ясными. Она предлагала честную сделку, и у него не было причин отказываться от столь щедрого предложения.

— Я согласен на твои условия, — твёрдо произнёс он.

— Отлично! — ведьма хлопнула в ладоши, и её глаза сверкнули. — Я думала, ты окажешь больше сопротивления, но ты так быстро согласился.

— Мне незачем отказываться от такого шанса, — ответил Остин. — Иначе в моей жизни ничего не изменится. Если я сейчас откажусь, я утрачу своё будущее.

— Хорошо, — кивнула ведьма. — Для начала возьми Призрачное Таро.

Она протянула колоду карт — они мерцали, словно сотканные из звёздной пыли, и едва слышно гудели, будто наполненные древней силой.

— Чтобы призвать меня в мир живых, используй колоду, когда проснёшься, — пояснила она.

Остин осторожно взял призрачную колоду и внимательно осмотрел. Карты были холодными на ощупь, а узоры на них словно шевелились, перетекали, меняя очертания.

— Как мне её использовать? — спросил он.

— Возьми первый аркан — карту Мага — и призови меня. А теперь проснись!

Ведьма щёлкнула пальцами — резкий звук разорвал тишину сна, и Остин открыл глаза. Он всё ещё лежал на кровати в своей крошечной комнате. Но в руке он крепко сжимал колоду аркан, которую ведьма отдала ему во сне.

— Боже... — прошептал он. — Это действительно Призрачное Таро. Я и понятия не имел, что такое возможно.

Он достал карту Мага из колоды и произнёс:

— Призыв!

Карта зависла в воздухе, задрожала, а затем из неё полилось голубоватое свечение, окутывая комнату мерцающим туманом. В центре сияния постепенно проступила фигура ведьмы.

— Наконец то ты призвал меня, — выдохнула она, и её голос прозвучал так отчётливо, будто она всегда была здесь. — Ху у у у... Я снова среди живых.

— Я призвал, как ты и хотела, — кивнул Остин. — Что дальше?

— Не торопись, — ведьма подняла руку. — Сейчас начнём. Для начала я задам тебе вопрос: скажи, дитя, ты видишь чудовищ и разные миры?

— Как ты узнала о моих видениях? — удивлённо спросил юный медиум. Он точно никому не рассказывал о своих кошмарах и видениях. Да и ведьмы там не было. Так откуда она знает?

— Хм м, не удивляйся, — улыбнулась она. — Я тоже их вижу. Все Мастера Душ получают частицу тьмы из Чистилища и являются сосудом его силы — точно так же, как сёстры Крипты у богини Мары. Это помогает им противостоять духовным сущностям, но в то же время и притягивает их. Ты видишь Чистилище и Кошмары, что обитают в нём. Эти тёмные души используют медиумов как портал в мир живых. По этой причине ты притягиваешь к себе всех тварей из Чистилища — это плата за твой дар. Когда ты спишь, они будут пытаться прорвать завесу и завладеть твоим телом. Да и благодаря твоему дару я вернулась к жизни.

Остин помолчал, осмысливая услышанное. В груди нарастало странное чувство — не страх, а скорее осознание глубины своей судьбы.

— Значит, такова природа моей силы, — тихо произнёс он.

— Да, ты — мост между мирами и живой портал для различных духов. Для них ты как маяк в ночи, — ведьма склонила голову, её полупрозрачные волосы мерцали в полумраке комнаты. — Твоя сила — Мастер Душ. Ты сможешь управлять тёмными душами своей силой. С помощью этой колоды ты будешь вызывать их, я тебя научу. Но взамен ты окажешь мне услугу.

— Тск, что ты задумала, госпожа ведьма? Говори прямо, — Остин скрестил руки на груди и скривил надменную ухмылку, хотя внутри него бурлили любопытство и настороженность.

— В моих планах — отомстить Святой Сарене, — голос ведьмы зазвучал жёстче, а в глазах вспыхнули алые искры. — Я погибла из-за своей глупости, но убили меня не ведуны, а пресвятая Сарена. Теперь я верну долг — с твоей помощью, конечно же, юный чернокнижник.

Она на мгновение замолкла, и на её лице проступила мрачная улыбка — словно она уже видела, как Сарена теряет всё, чем так дорожит.

— Она шарлатанка, но у неё есть власть, — продолжила ведьма, задумчиво глядя в сторону. — Люди, наделённые властью, считают себя неуязвимыми. Их алчность выше неба, и даже у Вселенной есть предел, но их амбиции не имеют границ. Жадность затмила разум Хранителя — Сарена больше не может вести народ за собой.

Она сделала паузу, вспоминая слухи и шёпоты, что ходили по городу.

— В своё время в общине города Свидлун было много жадных хищников, но Святая сожрала их всех. А ныне живущие так её боятся, что даже поднять голову не могут: при первом проявлении жадности она тут же вцепится им в горло и разорвёт. Так она обрела неоспоримую власть и очистила ряды «негодяев» в правительстве. Однако на этом её добрые дела закончились...

Ведьма выпустила из руки голубое пламя души — оно трепетало, словно живое, а затем она сжала его в кулак, и пламя исчезло без следа.

— Мне нужна месть, — тихо произнесла она. — Но я не буду действовать столь очевидно. Я медленно лишу её влияния, а затем отниму то, чем она больше всего дорожит. Это власть, которой она так упивается, набивая свои карманы, наживаясь на своей должности Хранителя.

— Но Святая Сарена состоит во фракции Владыки Крольма, — неуверенно спросил Остин. — Его тоже нужно будет свергнуть?

— Ах ха ха, не глупи, малыш, — усмехнулась ведьма. — Крольм извлекает выгоду из всего, за что берётся, и благодаря своему таланту наживаться на других он занял пост главы города Свидлун. Ему не нужны слабые союзники. Он придерживается мнения, что пусть лучше все умрут, чем он понесёт убытки. Как только Хранительница потеряет свою ценность, он тут же избавится от неё.

— Мы займёмся выполнением плана, — ведьма выпрямилась, её взгляд стал строгим. — Но ты должен стать сильнее. С этого момента я — твой наставник, а ты — мой ученик. Начнём первый урок.

Она сделала шаг вперёд и пристально посмотрела на Остину.

— Ты понимаешь, чем отличается эспер маг от медиума?

Остин потёр пальцами висок, пытаясь собрать мысли воедино. Он вспомнил свои ощущения, слабости и странные способности, что проявлялись в снах.

— Я раньше задумывался об этом, — медленно произнёс он. — Есть одна догадка. У меня, к примеру, практически нет манны, но я могу предсказывать и видеть духов. Исходя из этого, мне приходит на ум только одно: их сила имеет разный источник.

— Верно, мальчик! — одобрительно кивнула наставница. — Их сила имеет разный источник. Маги черпают силы из объёма маны — это их топливо, их боевая мощь. Но ты используешь энергию души. Для всех эсперов важна энергия, что определяет боевую мощь, но твоя сила заключена в душе. И чем она больше, тем могущественнее ты становишься. По сути, это духовная практика, что совершенствует душу.

— Предвиденье, предсказание, сновидения — это основной талант, которым обладают все медиумы, — продолжила ведьма. — Различные проклятия и аномальные статусы развиваются в течение жизни — для борьбы против живых. Но основная сила мастеров духа — это Контракт Душ. Сделка на особых условиях, которую чернокнижник предоставляет контрак-

тору. Этот договор нельзя нарушить — это закон, вписанный в Систему Мироздания самим Создателем.

— Я знаю, учитель, — кивнул Остин. — Подобные контракты есть у фей. Я видел, как люди на торговой площади заключали сделки в лавке с феями.

— Именно так, — подтвердила ведьма. — У фей есть подобная сила. Сила Договора нерушима. И как только ты научишься создавать контракты, у тебя появится куча клиентов, желающих его купить. Сделки с риском для прибыли всегда можно подкрепить таким договором — подписавший его уже не сможет нарушить условия.

Она подняла руку, и Призрачное Таро в руках Остина слегка завибрировало, словно отзываясь на её слова.

«— Сегодня мы начнём с основ», — произнесла ведьма твёрдо. — Ты должен научиться чувствовать энергию души, отличать её от маны и научиться направлять её через карты. Это первый шаг к тому, чтобы стать настоящим Мастером Душ.

Остин сжал колоду в руках, ощущая, как от карт исходит едва уловимое тепло. В груди зарождалось новое чувство — не страх, а предвкушение. Впервые в жизни он почувствовал, что его дар — не проклятие, а возможность.

— Вторая сила медиума — это способность похищать годы жизни через проклятие, — ведьма говорила размеренно, её голос звучал почти напевно, а глаза мерцали в полумраке комнаты. — Одно из таких проклятий я создала сама — Проклятие Кармы. Если накопить карму и не искупить свой грех в течение семи дней, жертва этой кармы умрёт от старости, а годы жизни перейдут к мастеру душ. Также он может обменивать годы жизни, продавая их другим, используя договор.

Она сделала паузу, словно давая Остину осознать сказанное, и продолжила:

— Чтобы использовать Карму, нужно проклясть жертву, посадив семя греха или шип вины в его сердце. Затем предупредить грешника о карме и направить его на искупление злодеяний благими поступками. В ином случае он умрёт. Да, и основное! Грешник должен проявить искренность — или Карма убьёт его мгновенно.

Глаза ученика горели от радости полученных знаний. За эти полчаса он узнал о магии больше, чем за всю свою жизнь. Впервые он почувствовал, что его дар — не проклятие, а счастливый билет. Наконец то у него появился учитель.

— Какое опасное проклятие, — выдохнул Остин, сжимая в руках Призрачное Таро.

— Ха ха, Карма — это не проклятие, а способ проучить негодяев и невоспитанных придурков, — весело отреагировала ведьма, и в её взгляде промелькнула ностальгия. — В годы юности я была нетерпима к мерзавцам и убила этим проклятием пару десятков негодяев, а годы жизни отдала их жертвам. Эти люди так и не раскаялись в своих грехах — у них просто не было чувства вины за содеянное. Они искренне верили в безнаказанность своих поступков. Для таких, как они, смерть — это спасение.

Остин смотрел в глаза ведьмы — в них читались и сожаление о том, что она не смогла завершить начатое, и проблеск радости от совершённых благих деяний. Он на мгновение задумался, собираясь с мыслями, и решительно спросил:

— Учитель, какой проступок можно назвать достойным этого проклятия?

— Хм м, хороший вопрос, — ведьма слегка наклонила голову. — Но всё намного проще, чем ты думаешь. Душа негодяя всегда выглядит как кошмар — в виде чёрной тени. Это существо больше не является человеком. У тебя уже есть эта способность, но она разовьётся со временем. Духовная Эмпатия — талант чтения энергии через анализ души, восприятие мира духовным зрением. Ты сможешь видеть объём маны и характеристики всех существ в мире — будь то бог, демон или человек. В книгах, которые я тебе дам, есть «Техника Совершенствования Души» — ты легко её освоишь. Ну а теперь перейдём к основному — зачем я здесь...

Ведьма встала перед своим учеником, её полупрозрачная фигура отбрасывала причудливые тени на стены комнаты. Она указала на колоду в руках Остина:

— Теперь достань из колоды Таро аркан Мага. Сейчас мы заключим первый контракт. Впиши моё имя в аркан — и тогда между нами появится связь. Для этого нужно согласие духовного существа — и я даю своё.

Остин с волнением поднял взгляд на наставницу:

— Наставница, какое мне имя вписать?

— Моё имя — Далия, — с лёгкой ухмылкой ответила ведьма, пронзительно вглядываясь в мальчика. — Смотри не ошибись, юный медиум.

Старательный ученик осторожно достал карту Мага и, сосредоточившись, начал выводить на ней имя «Далия». Буквы вспыхнули тусклым светом, словно впитывая в себя частицу его души.

Как только последнее слово было дописано, их объяло голубоватое свечение с проблесками белого. Остин почувствовал, как в груди что-то щёлкнуло — словно что-то отпечталось в глубине духовного моря. Он инстинктивно прижал ладонь к груди.

— Теперь я привязана к миру живых клеймом души, — Далия показала на свою грудь, где проступил едва заметный знак первого аркана — тонкий узор, напоминающий переплетение ветвей и звёзд. — В ином случае на следующий день я могла отправиться в Чистилище или обратиться в «Мстительного Духа».

— Но, учитель, у меня тоже отпечталось клеймо души, — Остин поднял взгляд, в его глазах читалось изумление. — И я почувствовал энергию печати... словно пробудился.

— Естественно, — кивнула Далия. — Это же Контракт Душ. Ты наверняка почувствовал, как стал сильнее.

Остин замер, прислушиваясь к новым ощущениям. В груди разливалась непривычная теплота, а в сознании будто открылась новая дверь — он впервые осознанно ощущал потоки энергии вокруг себя. Воздух казался гуще, запахи — острее, а тени в углах комнаты словно шевелились, намекая на присутствие чего-то большего.

— Да, наставница, — прошептал он. — Я ощущаю, что впервые осознанно использую свои способности. Эта сила меня будоражит...

Далия улыбнулась — на этот раз по-настоящему, без насмешки. В её глазах мелькнуло одобрение.

— Хорошо, — произнесла она. — Теперь, когда связь установлена, мы можем приступить к настоящим урокам. Ты готов?

Остин выпрямился, сжал кулаки и твёрдо кивнул:

— Готов, учитель.

«— Я знаю это чувство — когда ты начинаешь осознавать себя особенным», — произнесла Далия, и в её голосе прозвучала нотка ностальгии. Ведьма самодовольно улыбнулась, глядя на реакцию впечатлённого подмастерья, чьи глаза горели от предвкушения новых знаний.

— однако, есть навык позволяющий бесконечно Расти.

— Да разве может медиум обладать такой силой? — Остин едва сдерживал волнение, пальцы непроизвольно сжимались и разжимались.

— Может, если это Мастер Душ, — подтвердила Далия. — Есть сила, которой легко злоупотребить. Испытав такое могущество, трудно будет устоять перед соблазном. Сила поглощения души может обратить тебя в Пожирателя Душ.

Она замолкла на мгновение, взгляд её затуманился, словно она вновь переживала давние события.

— Я боялась использовать эту силу при жизни, — продолжила ведьма тише. — Муки совести и добросердечие всегда останавливали меня от дурных поступков. Глядя сейчас на себя, я понимаю — мне стоило убить Сарену, но я не смогла. И вот я здесь.

Остин ощутил волну сожаления, исходящую от наставницы через клеймо души, что поддерживало их связь. Он выпрямился, взгляд стал твёрдым.

«— Через печать души я чувствую твои сожаления, учитель», — произнёс он уверенно. — Я отплачу Хранителю за твои страдания.

Далия слегка склонила голову, в её глазах мелькнуло одобрение.

— Послушай, Остин, — голос ведьмы стал серьёзнее. — Духовные практики, пошедшие по тёмному пути, могут поглощать души навыком «Улучшение», поднимая свои характеристики. Таким образом, поглощая других, сила будет расти бесконечно. Я передам тебе эту силу, но не используй её бездумно. Ты можешь обратиться чудовищем, что поглотит этот мир.

— Я обещаю, наставница, что не буду злоупотреблять этой силой, — Остин взялся за амулет Лунного Света, и тот засветился мягким белым светом, словно подтверждая искренность его слов.

— Хорошо, что ты понимаешь это, — кивнула Далия. — А теперь дай мне руку — я передам тебе силу поглощения.

Ведьма взяла ученика за руку. Её пальцы были холодными, но от прикосновения по телу Остина пробежала волна тепла. Голубоватый свет окутал их фигуры, воздух задрожал, наполняясь древней энергией. Через мгновение свечение угасло.

— Отныне, Остин, ты получил возможность обрести могущество за пределами жизни, за пределами смерти, за пределами неба, — торжественно произнесла Далия. — Сила, превосходящая богов.

— Спасибо, учитель, — юноша встал и почтительно поклонился на девяносто градусов перед ведьмой. В груди бурлила смесь эмоций: благодарность, трепет и решимость. Он понимал, что его путь только начинается. Эта ведьма дала ему в руки оружие, способное разрушить небеса. Он должен отплатить своей наставнице и помочь свершиться мести.

— На этом наше первое занятие завершено, — Далия слегка улыбнулась. — Теперь ты должен научиться гадать на арканах, костях и чайных листьях, варить приворотные зелья и создавать проклятия, а также освоить навыки поддержки — духовные практики и лечить умеют.

Юный медиум скривил гримасу и недоумённо посмотрел на наставницу:

— Наставница, ты верно шутишь? Зачем мне заниматься гаданиями и варить зелья?

— Тск, мелкий засранец, — ведьма закатила глаза, но в её голосе не было настоящей злости. — Я не шучу! Этим занимаются духовные практики в мирное время. А в беспокойные времена сражаются с кошмарами и демонами в Чистилище или с друидами, как я. Но ты разве не заметил? Я немного мертва.

— Ладно, наставница, — с недовольным видом Остин всё же решил согласиться с учителем.

— Не порть атмосферу, — мягко упрекнула его Далия. — Я впервые обрела ученика. Ты первый медиум в этом поколении.

— Скажите, наставница, почему так мало медиумов? — Остин поднял взгляд, в нём читалось искреннее любопытство.

— Это же очевидно, — вздохнула ведьма. — Их убивают ещё в младенчестве тёмные души, пока они уязвимы. Тебе повезло, что твоя ментальная защита достаточно прочна — ты смог выжить. Будь защита слабее, они бы прорвали завесу и утащили тебя в тень, а в твоём теле поселился бы древний демон. И представь себе: злого духа с силой поглощения...

Она сделала паузу, давая Остину осознать сказанное.

— Одержимых детей сразу лишают жизни, однако есть способ спасти такого младенца. Если другой медиум войдёт в кошмар ребёнка и сразит демона, то малыш сможет выжить. Однако если он проиграет бой, то погибнут оба. Но зачастую медиумов убивали в младенчестве просто из-за страха и невежества. А теперь ты — единственный в этом городе настоящий Мастер Душ. Остальные — просто шарлатаны.

Остин молча переваривал услышанное. В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием магических светильников. Юноша поднял взгляд на Далию — в его глазах читалась решимость.

— Я не подведу тебя, учитель, — твёрдо произнёс он. — Я стану достойным Мастером Душ.

— Простите наставница, что был непочтителен, — искренне произнёс Остин, слегка склонив голову.

— Хорошо, что ты понял, — кивнула Далия. — Я передам тебе написанное мной пособие по гаданиям, зельям, бытовой магии и проклятиям. Советую начать с основных заклинаний — «Паралич» и «Гниение». Удели особое внимание Духовной Эмпатии: твоё чувствительность должна расти, и вскоре появится духовное зрение. Также изучи «Духовную плоть» и «Духовный щит» — это магия поддержки, ты сможешь лечить союзников. Освой их — это твоё домашнее задание. Да, и обрати внимание: существует Наследие Чернобога из разных артефактов.

— каких учитель?

— Так, если выбрать Колокольчики, то получишь навык «Экзорцизм» и благословение могущественного духа или даже бога.

— Магический Орб, или Небесное Око, — позволяет видеть на расстоянии и связываться с другими мирами. Способность — «Глаза Бога».

Посох Вечного Странника — это оружие пророка, что открывает порталы и позволяет преодолевать огромные расстояния мгновенно.

Ведьма слегка улыбнулась, её глаза блеснули в полумраке.

— Я же выбрала свой путь. Арканы способны вызывать призрачную армию, как некромант. Однако эти духи не являются проклятой нежитью. Они заключают «Контракт Душ».

— Учитель, и я так смогу? — вопросительно посмотрел ученик на наставницу, в его взгляде читалось восхищение и предвкушение.

— Да, сможешь, — подтвердила Далия. — Я передала тебе свой инструмент, но сначала изучи материал, что я тебе дала. Следующее занятие пройдёт в переходных землях. А сейчас у меня есть свои дела.

С этими словами ведьма исчезла в тёмном вихре, оставив после себя лишь мерцающие искры и едва уловимый запах полыни.

Остин остался один. Он улыбнулся, держа в руках книги наставницы, и, не теряя времени, взялся изучать их. Юноша погрузился в чтение, впитывая знания, о которых мечтал всю жизнь. Затем он закрыл глаза и начал практиковать духовные техники, стараясь ощутить новые потоки энергии.

В процессе изучения он осознал важную вещь: таланты работают пассивно и оказывают постоянное воздействие, а навыки нужно активировать и применять — как на врагов, так и на союзников.

Таланты и навыки, которые удалось освоить:

Духовный Хранитель — оказывает поддержку всем союзникам вокруг навыками защиты и лечения:

Духовный щит — защищает союзников от любого урона.

Духовная плеть (восстановление) — лечит и восстанавливает запас энергии союзников. На противников она накладывает обратный эффект: поглощает жизненные силы и энергию (истощение), что восстанавливает духовную энергию и здоровье медиума.

Очищение — снимает негативные эффекты и аномальные статусы, развеивает навыки, выводит яды. Также можно очищать воду, пищу и любую материю.

Духовная экспансия — контроль над противником через проклятия:

Тишина — накладывает эффект безмолвия на навыки противника.

Страх — обезоруживает и заставляет паниковать.

Паралич — обездвиживает.

Ослепление — временно лишает зрения.

Усыпление — погружает в сон.

Подчинение — позволяет контролировать других.

Берсерк — накладывает эффект усиления и заставляет атаковать всех подряд.

Духовная Эмпатия — помогает лучше ощущать энергии и ауры окружающих и всего мира. Расширяет возможности духовного зрения. Определяет запас энергии и характеристики души. Видения становятся более чёткими, а предсказания — более точными. С развитием медиума этот талант также эволюционирует; при этом его не нужно активировать — он оказывает постоянный эффект.

Контракт Душ — талант, позволяющий создавать контракты как для себя, так и для других. Даёт возможность заключать контракты духовных инструментов с душами. Они становятся разумной экипировкой, которая может служить как в бою, так и в повседневных делах, повышая характеристики владельца. Эти инструменты также будут расти и эволюционировать вместе с их владельцем.

Мастер Проклятий — усиливает все ментальные чары, оказывает постоянный эффект, не требует активации, срабатывает при воздействии на противника. Этот талант усиливается от эмоций ненависти и обиды. Частое применение проклятий накапливает карму и в итоге обращает медиума в тёмную душу. Чем больше карма, тем сильнее он становится. Медиум, идущий по этому пути, обретёт могущество, но может потерять свою человечность.

· Гниение — базовое атакующее проклятие, разлагает материю, обращая в прах.

· Дробящая Темница — окружает цель световыми лучами и дробит тело и душу, поднимает в воздух и лишает возможности двигаться.

Пламя души — призрачное пламя, наносит урон духовным сущностям. Сила пламени зависит от вложенной в него энергии.

Пожиратель Душ — талант бесконечного роста:

Улучшение — навык, позволяющий поглощать души и повышать свои характеристики.

Похититель Жизни — позволяет отнимать годы жизни через проклятия:

· Карма — убивает жертву в течение семи дней, постепенно отнимая годы жизни, превращая в старика. Однако есть шанс снять проклятие, искупив свои грехи, но чаще всего это невозможно.

Длительность навыков и эффективность зависит от уровня мастерства и характеристик медиума.

В заметках о Призрачном Таро Остин выяснил, что колоду можно заполнить душами и призывать в сражениях как собственную призрачную армию. Однако для этого требуется выполнить условия, подходящие для аркана, и получить согласие духовного существа на заключение контракта. В ином случае принуждение не принесёт результата: медиум получит ментальный ожог, а сущность погибнет. Это приведёт и к другим последствиям — карма также продолжит расти.

«Если так пойдёт, у меня просто нет вариантов, — размышлял Остин. — Выбери любой путь — я всё равно накоплю карму. Мои навыки так или иначе будут её накапливать. Мне остаётся идти только по тёмному пути — быть мастером проклятий и пожирателем душ».

Он ещё уделил особое внимание «Карме» и «Улучшению», которые ему передала наставница лично. Через некоторое время тренировка закончилась, и Остин собирался проснуться, но его внезапно затянуло в кошмарный сон...

4. Королевство орлей.

Остин очутился в лесу в незнакомой местности и начал озираться по сторонам. Свинцово серое небо нависло над землёй, словно тяжёлое одеяло, а воздух был пропитан запахом сырости и тлена. Всё вокруг казалось безжизненным: ни пения птиц, ни шелеста листьев — лишь тишина, давящая на уши. Одинокая дорога, уходящая в густой туман, и городская стена вдали — вот и всё, что нарушало унылый пейзаж.

«Значит, учитель всё-таки начала обещанный урок», — подумал Остин, сжимая в руке аркан Мага. Он глубоко вдохнул, стараясь унять волнение, и громко произнёс:

— Наставница Далия, покажитесь — или я вас призову!

Из тумана донёсся лёгкий смех, и перед ним возникла фигура ведьмы. Её полупрозрачные волосы мерцали, словно покрытые инеем, а глаза сверкали озорным огоньком.

— Ха ха, какой догадливый ученик! — ведьма с гордостью похвалила своего подопечного. — Для меня это благословение, что я нашла тебя, Остин. Ты действительно умный юноша — тебя не проведёшь. Однако я надеюсь, ты хорошо подготовился к занятию?

— Конечно, мастер, — уверенно ответил Остин. — Я изучил все навыки, что вы мне передали.

— Отлично, — кивнула Далия. — Тебя ждёт испытание.

— Какое испытание, учитель? Неужели мне придётся сражаться? — в голосе юноши прозвучала тревога.

— Не переживай так, — успокоила его ведьма. — Духи переходных земель не агрессивны. Это не озлобленные кошмары, а всего лишь души людей. Исходя из этого, ты с лёгкостью сможешь их одолеть. Однако твои решения будут менять ход событий, за которые тебе придётся понести ответственность.

— Какую ответственность? — нахмурился Остин.

— Сам увидишь, — Далия недовольно поджала губы. — Если я буду тебе всё разжёвывать, ты ничему не научишься. Запомни одно: эти решения могут разбить твоё сердце — и в то же время закалить твой характер. Если сделаешь неправильный выбор, можешь лишиться жизни, так что выбирай с умом. Будешь ты отважным и глупым, или предприимчивым и подлым... а может, выберешь иной путь — только тебе решать.

Она сделала паузу, пристально глядя на ученика, и указала на городскую стену вдали:

— Твоя цель находится там. Это Святое Королевство, ты уже знаешь его предысторию — не ту сказочную чепуху, а настоящую версию.

— Да, учитель, — кивнул Остин. — Я прочёл ваши заметки о переходных землях.

— Так вот, будь осторожен, — голос Далии стал серьёзнее. — Святое Королевство Орлей — это оплот невежества. Местные жители оправдывают свою жестокость нелепой верой. Тем не менее не все люди одинаковы — возможно, ты найдёшь здесь поддержку и помощь. Однако не забывай, что не стоит слепо доверять, будь бдителен. Бойся тех, кто внезапно проявляет доброту или интерес — это может ввести в заблуждение или вовсе являться самообманом. Люди по природе своей жестоки. За маской добродетели всегда скрыты истинные намерения — нужно только видеть. Зачастую правда смотрит в глаза, даже если язык лжёт. А теперь мне пора — твоё задание приближается...

Ведьма слегка поклонилась и растворилась в тумане, оставив Остина одного.

В этот момент от городских ворот выбежала девушка в сером плаще с капюшоном. Она слегка прихрамывала — видимо, её нога была ранена. Остин замер, глядя на неё: «Если уж она — моё задание, то я возьмусь за него прямо сейчас...»

— Прошу, юная леди, подойдите сюда, — позвал он девушку.

Та испуганно приблизилась, её глаза были полны отчаяния. Дрожащими руками она вцепилась в рукав Остина.

— П п пожалуйста, помоги мне, — запинаясь и тяжело дыша, судорожно просила она, умоляюще глядя на юношу. Будто она стояла на краю пропасти и пыталась убежать в никуда, но луч надежды забрезжил на горизонте — и девушка решительно схватилась за него. — Агх... кха кха... — прокашлялась беглянка, её лицо исказилось от боли. — Всхлип... хмпф... умоляю, помоги!

— Ты слишком громкая, — тихо произнёс Остин. Он взял её за руку и завёл за кусты. — Веди себя тише. Во всех ситуациях паника приводит только к смерти, так что успокойся и тихо посиди.

Он успокаивающе положил ладонь на её плечо, мысленно перебирая варианты происходящего.

От городских ворот вышел отряд стражников — они шли по следам беглянки. Достигнув леса, воины остановились, о чём-то коротко переговорили, нервно оглядываясь на тёмные деревья, а затем развернулись и вернулись обратно за городскую стену. Видимо, они опасались войти в проклятый лес.

Остин выдохнул, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Он посмотрел на девушку, которая всё ещё дрожала, и мягко спросил:

— Кто тебя преследует? И почему?

Девушка подняла на него заплаканные глаза и прошептала:

— Они... они хотят меня убить...

Остин внимательно оглядел девушку. Она совсем не походила на преступницу — скорее была жертвой чьих-то интриг. «Сначала нужно узнать доступную информацию, а затем принять решение, что делать дальше, — размышлял он. — Но до этого необходимо подлечить девчонку».

Медиум сосредоточился, ощущая потоки духовной энергии внутри себя, и активировал навык «Духовная плоть: восстановление». Мягкое голубоватое свечение окутало девушку, проникая в её тело. Жизненные силы беглянки стали возвращаться: цвет лица наполнился здоровым румянцем, а кровоточащая нога мгновенно исцелилась — на ткани плаща остался лишь след засохшей крови.

Остин с удовлетворением отметил про себя: «Вовремя я изучил эти навыки поддержки».

Девушка устремила на юношу взор, полный надежды и отчаяния, и начала торопливо задавать вопросы:

— Скажи, ты волшебник?

— Тебя прислал Круг Магов?

— Ты сможешь меня спасти?

Остин медленно выдохнул и взялся за голову, обдумывая ответ. «Она — часть моего испытания, — размышлял он. — Какой мне дать ответ? Смогу ли я её спасти или повлиять на что-либо ещё? Сценарий этого задания явно завязан на девчонке. Я должен попытаться ей помочь».

— Да, я волшебник, — наконец произнёс он вслух. — Сейчас не лучший момент задавать вопросы. Нам нужно найти безопасное место. Что ты стоишь? Идём за мной!

Они двинулись вперёд по дороге, уходя глубже в лес. Остин уже успел оценить обстановку: эта область оказалась островом переходных земель, а за пределами леса проходила граница измерения. Туманный барьер, окружавший эти земли, никому не позволял покинуть пределы Святого Королевства — сколько ни иди, всё равно вернёшься к исходной точке.

Юноша решил остановиться и передохнуть. К тому же было необходимо опросить беглянку.

«— Судя по твоим чистым, ухоженным рукам и дорогой ткани, что ты носишь, ты явно дворянка», — произнёс Остин, внимательно разглядывая девушку. — А теперь расскажи: кто ты такая и почему стража преследовала тебя?

Девушка удивлённо уставилась на него, всхлипнула и тихо произнесла:

— Да, вы правы, я принцесса. Моё имя — Мария. Мой отец король Генрих желает мне смерти. На Святое Королевство пало проклятие, и только моя смерть может снять его. Он уверен: туман рассеется и проклятие спадёт только после принесённой жертвы. Однако его преосвященство, епископ Павел, обещал меня спасти. Помогите мне добраться до святой земли и получить убежище в храме.

Остин выслушал историю девушки и недовольно покачал головой.

«— У чудовищ много голосов, и невежество — одно из них», — произнёс он.

Медиум погрузился в свои видения. Перед его внутренним взором пронеслись картины прошлого: жители Святого Королевства, погрязшие в невежестве, сжигали невинных девушек на кострах — и однажды сожгли Святую. Этим грехом они обрекли себя на вечный кошмар в переходных землях Туманных Островов. Слепая вера вела к вратам чистилища, и люди сами сотворили свой ад.

Он вновь посмотрел на Марию. Теперь он отчётливо видел её ауру — чистую, почти святую, но скованную тьмой проклятия. «Девушка не осознаёт, что умерла тысячи лет назад и проживает день своей мучительной смерти каждый раз, начиная его заново, — понял Остин. — У этого сценария должен быть босс — возможно, демон или ещё какой озлобленный дух, что продолжает мучить жителей королевства».

В голове юноши вихрем крутились мысли: «Стоит ли предупредить Марию о том, что она уже мертва? Или поддаться течению сценария и завершить задание? А может, мне удастся вырвать из этого кошмара убитую девушку и спасти её? Но для этого она должна решиться покинуть это место и согласиться на Контракт Душ. Однако, как сообщить призраку Святой об этом?»

Он глубоко вдохнул, собираясь с мыслями, и мягко произнёс:

— Мария, послушай меня внимательно. То, что ты рассказываешь, — лишь часть правды. Здесь всё не так, как кажется. Я могу помочь тебе, но для этого ты должна довериться мне. Готова ли ты пойти на это?

Мария подняла на него глаза, в которых смешались страх, надежда и недоверие. Она медленно кивнула:

— Я... я готова.

Остин посмотрел на девушку, а затем погрузился в свои видения.

— Что делать, господин волшебник? — прервала его мысли Мария, её голос дрожал. — Этот проклятый лес нас не выпустит...

— Ты права, — кивнул Остин, задумчиво глядя на клубящийся туман у кромки леса. — Мы не можем выйти за пределы тумана. Нам придётся вернуться в город и найти убежище там.

Они покинули лес и направились к городским воротам. Других вариантов действительно не было — да и сценарий задания, вероятнее всего, решится именно в городе Святого Королевства Орлей...

У ворот стояли стражники в дозоре. Они лениво изображали деятельность, делая важный и снисходительный вид — словно в этом мире они достигли небес, и выше уже просто никого нет. Чувство превосходства и самодовольство буквально сочились из их поз и жестов.

«Эти парни уже безнадежно испорчены, — мысленно отметил Остин. — Они подхватили синдром уборщицы и охранника: вспышка внезапного высокомерия, изгнавшая остатки здравого смысла и заменившая его на нелепую гордыню. Что я думаю по этому поводу? Просто делайте свою работу. Ничего личного».

— Господин волшебник, как мы минуем стражу? — прошептала Мария, нервно оглядываясь по сторонам.

— Я временно их усыплю и скрою нас духовным восприятием. Так что не бойся и следуй за мной, — уверенно произнёс Остин и направился к городским воротам, анализируя духовным зрением стражников.

Они оказались обычными людьми — юноше не хотелось сражаться с ними, привлекая излишнее внимание. Он сосредоточился, активировал навык «Духовная экспансия: усыпление» — и стражники на мгновение замерли, затем слегка покачнулись, но остались стоять на месте, погружившись в глубокий сон. Путники без лишнего шума прошли мимо и вошли в город.

Мария с восхищением посмотрела на юного мага. Искра надежды зажглась в её сердце: возможно, ей действительно удастся спастись, и небеса сегодня на её стороне.

«— Нам нужно добраться до собора», — сказала она. — Епископ обещал мне помочь. Я верю, что он добр и сможет защитить меня.

— На пути в собор слишком много стражников, — возразил Остин. — Храм находится на дворцовой площади, вверх по центральной улице, где сосредоточено наибольшее количество солдат. В текущей ситуации нам не удастся тихо пройти. Сначала отдохнём и составим план, а после решим, куда двигаться дальше.

— Есть ли в этом городе трактир? — озираясь по сторонам, спросил медиум.

— В нижнем городе, в квартале рабочих есть таверна, — ответила Мария. — Но это опасный район.

— Не опаснее стражников, что охотятся за тобой, — усмехнулся Остин. — Нужно двигаться дальше — у нас не так много вариантов.

Они отправились вдоль городской стены в район для бедняков. Улицы оказались неожиданно чистыми — зловонных запахов не было, и не виднелось ни одного попрошайки, что выглядело неестественно для трущоб.

— Я ожидал намного худшего, — удивлённо произнёс юноша. — Но, как оказалось, не так уж и плохо.

— Город поддерживает порядок, — пояснила Мария. — Но люди здесь всё же суровые, будь осторожен.

— Да, ты права, — согласился Остин. — Нам не стоит терять бдительность.

Он вдруг опомнился и мысленно проанализировал ситуацию: «Она всего лишь задание. Мне не стоит привязываться — я скоро покину это место».

Тем временем спутники подошли к таверне. Над дверью висела вывеска с изображением большой пинты. Остин толкнул дверь, и они вошли внутрь.

В глаза ударил яркий свет, в нос ударил приятный аромат жареного мяса и свежеспечённого хлеба. Помещение оказалось просторным, с добротной деревянной мебелью. На столах стояли блюда с едой, посетители беседовали вполголоса, атмосфера была уютной и располагающей.

Остин подошёл к стойке и обратился к трактирщику:

— Можно ли снять комнату и заказать еду?

За стойкой стоял грузный мужчина с суровой внешностью, но приветливой улыбкой.

— Конечно, можно, — добродушно ответил он. — А у юных господ есть деньги?

Мария молча показала кошель.

— Нам одну комнату на двоих, — твёрдо произнесла Мария.

— Хо хо, как скажете, юная госпожа, — рассмеялся трактирщик. — Вот ваш ключ. Поднимайтесь на второй этаж, ваша комната под номером 16. Еду вам принесут.

Путники поднялись по скрипучей лестнице и, найдя нужную дверь, заперлись внутри. Мария глубоко выдохнула и опустила плечи — будто всё это время она держалась из последних сил. На мгновение она даже забыла о своём спутнике, а затем прошла к окну и уселась за стол.

Остин проследовал за ней и разместился, напротив. Девушка расстегнула и сняла серую накидку. Под ней оказалось шёлковое платье с голубыми розами, подол которого был порван — видимо, во время побега.

— Не думаю, что твоя смерть сможет повлиять на ситуацию с проклятым лесом, — задумчиво произнёс Остин. — Должно быть иное решение.

— Но как в этом убедить других? — с отчаянием в голосе спросила Мария.

— Для начала успокойся, — мягко сказал юноша. — А там и ответ найдётся. Проигрывает всегда тот, кто поддаётся панике, а на кону — твоя жизнь.

Остин достал свою колоду Таро и начал неторопливо перемешивать карты — пальцы ловко скользили, перебрасывая арканы один за другим. Затем он протянул колоду Марии:

— Сдвинь на себя левой рукой, — спокойно произнёс он.

— Что ты делаешь? — настороженно спросила девушка, нерешительно протягивая руку.

— Гадаю на твоё будущее, — ответил медиум с лёгкой улыбкой, стараясь скрыть нарастающее беспокойство.

Юная дворянка неуверенно сдвинула часть карт, и Остин начал раскладывать их на столе, создавая пасьянс из тринадцати арканов.

«— Первые три аркана — прошлые события», — объяснял он, выкладывая карты. — Вторые три — текущая ситуация. Следующие три покажут ожидаемый результат. Затем — недалёкое будущее. И последняя, тринадцатая карта объединяет все остальные и означает судьбу.

Карты лежали рубашкой вверх, их значение оставалось тайной. Но как только Остин начал переворачивать их одну за другой, его лицо исказилось от изумления.

— Что за чёрт?! — воскликнул он. — Почему они все одинаковые?

— Что это значит? — с тревогой спросила Мария.

Перед ними лежали тринадцать карт — и все до единой оказались XIII — Арканом Смерти.

«В этой ситуации, что бы я ни делал, она встретит именно такой конец, — пронеслось в голове у Остина. — У этой истории изначально не могло быть хорошего финала. Если она погибнет в этот раз, то уже встретит окончательную смерть. Видимо, в результате моего вмешательства весь сценарий пошёл не так, и сейчас она действительно умрёт...»

Сердце сжалось от тяжести осознания. «Остаётся только один вариант — попытаться убедить Марию заключить Контракт Душ. Это спасёт её жизнь», — решил он.

Вернувшись к разговору с девушкой, медиум натянул улыбку и начал толкование:

— Не переживай, всё будет хорошо... — произнёс он, но тут же мысленно упрекнул себя: «Нельзя начинать разговор со лжи — этим я похож на шарлатана. Но скажи ей правду — и она будет напугана».

— Что ты имеешь в виду под этим «хорошо»? — обеспокоенно спросила Мария, вглядываясь в призрачные арканы.

Остин взял в руку Аркан Смерти и показал девушке:

— Это смерть, — прямо сказал он.

Мария закрыла рот ладонями и замерла, глаза наполнились слезами.

— Прости, — продолжил медиум. — Я не хотел тебя обманывать, но ожидал именно такой реакции. Нет времени подробно объяснять, но я не смогу тебе помочь, если ты не согласишься заключить со мной Контракт Душ.

— Что значит «контракт»? Это как сделка с демоном? — дрожащим голосом спросила она.

— Да, ты права, — кивнул Остин. — Это и правда похоже на сделку с демоном. Но я не демон, а Мастер Душ. Демон пожирает души, а я пытаюсь тебя спасти.

В этот момент раздался глухой стук в дверь комнаты:

— Бух бух бух. Примите заказ в номер, — донёлся голос снаружи.

Остин быстро проверил пространство духовным зрением — за дверью стояли стражники. Он мгновенно принял решение:

— Минуточку... Сейчас... — громко произнёс он, делая вид, что открывает дверь. — Нам нужно уходить, Мария! Трактирщик узнал тебя и доложил страже, бесстыжая рожа! — прошипел он сквозь зубы.

Он быстро собрал арканы и распахнул окно.

— Здесь невысоко, прыгай. Нам нужно уходить, — уверенным, но мягким тоном направил он девушку.

— Я не смогу, мне страшно! — Мария трясла головой и смотрела умоляющим взглядом на Остину.

— Не бойся, ты же не забыла, что я волшебник? Возьми меня за руку — и спрыгнем вместе, — он улыбнулся ободряюще, и в этой улыбке было столько уверенности, что девушка невольно поверила.

Она судорожно сжала его ладонь, и мастер душ произнёс заклинание:

— Духовный щит!

Их укрыл круглый барьер из голубоватого света, структура которого походила на медовые соты. Они выпрыгнули в окно и приземлились с глухим хлопком, не получив вреда.

— Видишь, а ты боялась, — выдохнул Остин.

Но не успели они опомниться, как с металлическим звоном на них опустился удар клинка. Барьер защитил от атаки, и Мария инстинктивно спряталась за спину юного медиума.

Остин мгновенно активировал навык:

— Духовная экспансия: паралич!

Стражники замерли на месте, не меняя позы, по-прежнему сжимая оружие в руках. Однако область действия навыка оказалась шире — на первом этаже трактира несколько посетителей тоже попали под эффект паралича.

Тем временем стражники вломились в комнату наверху — но беглецы уже сбежали.

— Задержите их! Им не скрыться! — раздался крики вслед.

— Нам нужно бежать! — крикнул Остин.

— Но куда? — в панике спросила Мария.

— Понятия не имею, просто беги! — он схватил спутницу за руку и рванул вперёд, одновременно активируя навык Хранителя:

— Духовная плеть: восстановление!

Тёплая энергия, согревающая и дарующая ощущение изобилия жизни, влилась в Марию через энергетический поток. Она почувствовала, прилив сил и воодушевилась.

Остин же ощутил, как его собственные силы тают. «Мне не стоит расходовать энергию так бездумно», — мелькнула мысль.

Впереди их ожидала целая дюжина стражников — и они незамедлительно атаковали. Звонкие удары оружия о барьер угрожающе обрушились на беглецов. Но мастер душ не сдавался:

— Экспансия: паралич! Духовная плеть: истощение! — выкрикнул он.

Стражники застыли, а затем сквозь их тела прошёл энергетический поток, который вливался в медиума, постепенно лишая противников жизненных сил. Остин начал восполнять энергию с огромной скоростью — чем больше целей, тем эффективнее работал навык.

Лишившись энергии, стражники начали падать, теряя сознание. Если бы Остин продолжил осушать их, они бы погибли, обратившись в иссохшие трупы. Но юноша не хотел убивать без нужды — и остановил поток силы.

— Быстрее, — он потянул Марию за собой. — У нас мало времени!

Со стороны таверны бежал ещё один отряд разъярённой стражи. Они практически нагнали беглецов — городские ворота были закрыты, и Остину с Марией пришлось продолжить путь по центральной улице в сторону дворцовой площади.

Остин ощущал нарастающее напряжение: у него создавалось отчётливое впечатление, что их намеренно загоняют в ловушку. «Даже если это так, других вариантов всё равно нет», — мысленно заключил он, сжимая руку Марии чуть крепче.

Мария в отчаянии пыталась найти помощи у горожан, но те, едва завидев её, тут же прятались за закрытыми дверьми, словно боялись даже взглянуть в её сторону.

Медиум резко развернулся к приближающимся солдатам, сосредоточился и активировал навык:

— Духовная экспансия: берсерк!

Стражники, только что преследовавшие беглецов, вдруг обернулись друг против друга. Яростные крики, звон оружия, глухие удары — они начали сражаться между собой, убивая друг друга в приступе необъяснимой ярости.

Когда число противников заметно уменьшилось, Остин применил следующий навык. Он вытянул перед собой руку — из ладони полилась голубоватая энергия, окутывая оставшихся солдат призрачным сиянием.

— Пожиратель душ: улучшение! — произнёс он твёрдым голосом.

Пятнадцать солдат, ещё стоявших на ногах, начали рассеиваться, словно дым на ветру, и исчезать без следа. Их души были успешно поглощены и преобразованы.

Остин почувствовал, как его наполняет новая энергия — уровень мастерства и характеристики немного подросли. Но эффект оказался куда скромнее, чем он ожидал. «Видимо, у поглощения есть определённые условия, — подумал юноша. — Нужно будет спросить у наставницы, как оно работает на самом деле».

Мария, наблюдавшая за происходящим, попятилась назад, прикрыв рот ладонями. В её глазах застыл неподдельный ужас.

— Пожиратель душ... — прошептала она. — Я и подумать не могла, что ты окажешься чудовищем...

Её спаситель, который ещё минуту назад казался добрым волшебником, теперь предстал перед ней монстром.

— Мария, — окликнул её Остин, медленно подходя ближе. — Успокойся, всё хорошо. Они пытались нас убить, и мне пришлось это сделать. Но главное, что ты в безопасности, — он старался говорить как можно мягче, чтобы не напугать девушку ещё сильнее.

Девушка опомнилась — она вдруг осознала, что повела себя грубо с тем, кто уже не раз спасал ей жизнь.

— Прости, — тихо произнесла она. — Я поняла тебя, просто испугалась... Даже если ты монстр, ты — мой единственный защитник. И мне стоит быть благодарной за то, что я до сих пор жива.

— Нам пора двигаться дальше, иначе стража нас настигнет, — решительно сказал Остин.

Он взял девушку за руку, и они продолжили путь в сторону собора, надеясь найти там убежище.

Казалось, победа уже близка — но внезапно им навстречу выступил отряд из двухсот рыцарей. Броня сверкала на солнце, ауры мощно пульсировали духовной силой.

— Это плохо, — нахмурился Остин. — Они все эсперы с сильной аурой. Мне их не одолеть...

Мария вцепилась в рукав юноши, с тревогой ожидая приближения грозного отряда. Но в этот миг они услышали спасительный голос из приоткрывшейся двери одного из домов:

— Мария! Моя девочка! Скорее иди же сюда!

Дворянка обернулась и мгновенно переменялась в лице.

— Тётушка Тамар! — воскликнула она и кинулась в объятия полной женщины с добрым лицом. Затем они быстро вошли в дом.

— Спасибо, тётушка! Вы спасли мне жизнь — в который раз, — выдохнула Мария, прижимаясь к няне.

— Ох, что ты, деточка, — мягко улыбнулась Тамар. — Я всего лишь служила твоему отцу и всегда выполняла свой долг как следует.

Женщина подошла к кухонной тумбе, взяла платок и медленно направилась к гостям, сохраняя тёплую улыбку. Остин, наблюдая за ней, немного расслабился — от женщины исходило ощущение искренней доброты и заботы.

Тамар заботливо расспросила девушку, выражая искреннее беспокойство:

— Скажи мне, кто твой спутник? Познакомь нас со своим спасителем.

— Ах, да, тётя Тамар, — радостно начала Мария. — Это мой друг, он волшебник!

Тётушка подошла к Остину и с благодарностью посмотрела ему в глаза:

— Так значит, вы волшебник? Такой молодой талант... — восхищённо покачала головой добрая женщина.

— Да, я волшебник, — с лёгкой улыбкой ответил юноша, чувствуя, как напряжение последних минут понемногу отпускает его.

Но в тот самый миг, когда Остин позволил себе расслабиться, тётушка Тамар резко махнула платком — и с неожиданной силой ударила его в живот. Удар был настолько внезапным и мощным, что юноша не успел среагировать.

— Ты колдун, — прошипела женщина, и в её голосе больше не было доброты. — Значит, у тебя слабое тело и плохая реакция!

— Ах! Кха-кха... А а ах! — Остин, задыхаясь, схватился за живот. Боль пронзила всё тело, перед глазами заплескали тёмные пятна. Он попытался схватить женщину за руку, но тщетно — она оказалась чудовищно сильной.

Мария отшатнулась, широко раскрыв глаза от ужаса. Она не могла поверить, что тётушка, которую она считала своей защитницей, только что атаковала её спасителя.

— Тётушка... что вы делаете?! — вскричала она, бросаясь к Остину.

Тамар лишь холодно усмехнулась, отступая на шаг и поправляя платок:

— Прости, девочка, но колдун не должен жить. Таков приказ моего господина.

— Прошу, прекратите! — Мария подбежала, пытаясь остановить тётушку, но Тамар резким движением отшвырнула девушку в сторону. Мария отлетела к стене, ударилась о неё и сползла на пол, ошеломлённо глядя на происходящее.

Тамар вновь повернулась к Остину, продолжая проворачивать нож в его животе с той же добродетельной улыбкой на лице.

— Ладно, эта глупая девчонка... У неё бабочки и цветочки в голове, — прошипела женщина. — Но для колдуна ты оказался туповат. Разве тебя не учили не доверять никому?

Остин пытался собрать энергию для контратаки, но острая боль мешала сконцентрироваться. Тётушка продолжала мучить его, растягивая своё удовольствие.

— Какой стойкий мальчишка, — усмехнулась Тамар. — Большинство заурядных колдунов от такого уже померли бы, но ты оказался живуч.

Предчувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Остин судорожно схватился за Луну, висящую у него на шее. Собрав остатки воли, он произнёс:

— Свет Луны богини Дивии защитит меня!

Амулет вспыхнул ослепительным светом — волна энергии оттолкнула от юноши «добродетельную» тётушку и ошеломила её. Тамар отлетела на несколько шагов и упала на пол, растерянно моргая.

«Благословение сработало, — мысленно выдохнул Остин. — Богиня Дивия защищает меня». Он дал себе обещание: «Если выберусь из этой ситуации, стану жрецом и буду нести обеты добродетели Святилища Чистоты».

Преодолевая боль, юноша вытащил нож из живота и активировал навыки один за другим. — Экспансия: паралич! — произнёс он.

Тётушка Тамар замерла на месте, продолжая смотреть на юношу с той же тёплой улыбкой, будто только что пила чай, а не пытала человека. Её выдавали лишь пятна крови на руках и подоле фартука — они делали её похожей на мясника на скотобойне.

— Духовная плоть: истощение! — продолжил Остин, вытягивая жизненную энергию из женщины и исцеляя собственные раны. «Я реально чуть не помер, — пронеслось в голове. — Если у этой толстухи такое сильное тело, лучше поглотить её — она явно сильнее тех стражников. Улучшение пройдёт эффективнее, может, даже силы добавится».

— Пожиратель душ: улучшение!

Мария тем временем поднялась на ноги. Она молча смотрела то на раненого Остина, то на умирающую тётушку Тамар. Губы девушки дрожали, из глаз лились слёзы. Она не ожидала, что человек, которого она считала защитницей, окажется благочестивым монстром.

— П п прости... — выдавила Мария, сложив трясущиеся ладони вместе.

Остин, исцелившись и поглотив душу женщины, отметил про себя: «Результат улучшения оказался вдвое больше, чем от пятнадцати солдат. Эта тётка словно монстр с силой дракона — она и тигра разорвёт голыми руками. Мне повезло, что у неё нет ментальной защиты».

Он собрался с мыслями и обратился к принцессе:

— Я потерял бдительность. Нельзя доверять людям — в силу своей глупости я чуть не погиб. Эта женщина служит дворцу, а значит, её прислал твой отец. Мы должны уходить, немедленно!

— Но как же твоя рана? У тебя кровь! — Мария указала на мантию юноши, пропитанную кровью в месте удара ножом.

— Ничего, я уже исцелил себя ценой жизни этой «добренькой» тётки, — ответил Остин. — Мне уже намного лучше. — Он коротко кивнул девушке. — Нам нужно уходить.

Медиум и святая покинули злополучный дом благочестивой и добродетельной женщины, чуть не лишившей их жизни. Они направились к городским воротам — у Марии появился шанс добраться до собора.

— Несказанное везение, — прошептал Остин, оглядываясь по сторонам. — Никого нет.

— Идём же скорее! — поторопила его Мария.

Не встретив на пути солдат, они добрались до собора. Двери храма распахнулись, и из ворот вышел епископ Павел.

— Стойте! — громко объявил клирик, его голос разнёсся по площади.

Остин замер. «Вот же чёрт, — пронеслось у него в голове. — Так вот оно — логово демона! Собор — это не святая земля, а сердце Кошмара, где засел пожиратель душ. Я сделал явно неправильное решение. Это может стоить мне жизни... Кажется, я облажался. Однако я уверен: именно здесь финал сценария».

В этот момент за спиной беглецов показались жители города и стражники. Они окружили Остина и Марию, отрезав пути к отступлению. Беглецы оказались в ловушке — стоя на площади перед храмом, они были полностью во власти толпы.

Епископ поднял руку, и солдаты мгновенно замерли, отступив на несколько шагов. Затем он обратился к медиуму — голос его звучал низко и властно, словно окутывая сознание невидимой пеленой:

— Юный чародей, тебе не стоит защищать эту ведьму, — священник сделал паузу и распрямил плечи, придавая голосу ещё более величественное звучание. В воздухе вокруг него задрожали едва заметные магические волны — навык очарования в действии.

«Это точно какой-то навык по типу очарования, — пронеслось в голове у Остина. — Даже не зная его способностей, можно увидеть ауру. Одно ясно наверняка: этот жрец — чудовище этих земель. Вот где спрятан босс подземелья... Мне его не победить при любых расчётах».

— Ты можешь спокойно уйти, — продолжил епископ. — Просто не мешай нам выполнять долг и казнить ведьму... — он усилил воздействие, пытаясь проникнуть в разум Остина.

Но в этом жрец просчитался: Остин обладал высокой сопротивляемостью к ментальным атакам. На него просто не действовали навыки контроля. Ментальную атаку отразить было легко, но вот физической мощи такого монстра он мог и не пережить...

«Что же делать? — лихорадочно размышлял юноша. — Притвориться, что контроль подействовал? Сейчас главное — выжить и завершить задание».

Остин медленно опустил руки, изображая пустой, остекленевший взгляд. Его спутница, увидев это, опустилась на колени, погрузившись в отчаяние. Святые рыцари подхватили Марию и повели к месту казни возле собора.

— Господин епископ, вы же обещали спасти меня! — жалобно выкрикнула Мария, пытаясь вырваться.

— Я обещал спасти твою душу, но не твою жизнь, — холодно ответил святой Павел и издал короткий, жуткий смех: — Ах ах ах...

Священник подошёл к медиуму, покачав головой:

— Быстро ты нашёлся. Можешь не притворяться — я знаю, что на тебя не действует мой навык.

— Так вы заметили, ваше преосвященство? — осторожно спросил Остин.

— Ты умнее, чем кажешься, Мастер Душ. Я вижу клеймо души на тебе. Не только ты владеешь навыком духовного зрения, — епископ улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли доброты.

Остин испуганно округлил глаза — его личность была раскрыта.

— Не удивляйся так, — продолжил священник. — За тысячи лет я видел много гостей, подобных тебе. И я точно не хочу сражаться с твоим наставником. С момента твоего появления я знал, где ты находишься. Этот туманный остров переходных земель — моё царство, а эти души — моя скудная пища.

— Что теперь? Вы меня отпустите? — с волнением спросил юноша, мысленно взывая к наставнице: «В какой момент ты вмешаешься? Чего мне ждать?»

— Не спеши. Останься на церемонию у собора. Я сделаю для тебя дар, — продолжал священник. — Ты смог меня приятно удивить своим талантом. Быть может, через сотню лет и у тебя появится такой же остров. А теперь пойдём — сейчас самое интересное.

Тем временем святые рыцари привязали Марию к столбу. Они начали раскладывать хворост и поливать его маслом. Девушка отчаянно смотрела в лица жителей и солдат, не понимая, почему с ней поступают так несправедливо.

Жители, собравшиеся на площади, начали выкрикивать:

— Сжечь ведьму!

— Сжечь её!

— Она — причина наших страданий!

Мария умоляюще плакала, но в глазах толпы видела лишь ненависть. Она отчаянно искала взглядом своего спасителя — и увидела, что он стоит подле епископа и не собирается её спасать.

«Он предал меня...» — мысль обожгла, отчаяние накрыло с головой, и девушка издала крик, разрывающий пустоту:

— Нет!

Не выдержав этого зрелища, Остин шагнул вперёд:

— Мария! Я могу тебя спасти! Контракт душ — ты должна дать согласие!

Рыцарь бросил факел. Вспыхнуло пламя, языки огня охватили хворост вокруг Марии. Она поняла: выбора больше нет. Либо сгоретьсию минуту, либо заключить рабскую сделку с колдуном — но остаться в живых. Ответ был очевиден.

— Я согласна... — прошептала она.

Остин достал пергамент и быстро вписал имя Марии. Девушку объяло голубоватое свечение, контуры её тела начали размываться, растворяясь в магической энергии. В следующий миг она перенеслась к мастеру душ, обратившись в посох с голубым кристаллом на навершии.

Мария приняла эту форму, находясь в окружении врагов, — став первым духовным оружием заклинателя. Посох мягко засветился в руках Остина, словно подтверждая заключённый контракт.

Епископ наблюдал за происходящим с лёгкой улыбкой:

— Впечатляет, — произнёс он. — Ты сделал правильный выбор, Мастер Душ. Теперь у тебя есть верный союзник — и урок на будущее. Помни: в этом мире выживает не самый сильный, а самый расчётливый.

Остин сжал посох в руке, чувствуя, как через него проходит тонкая нить связи с душой Марии. Он кивнул епископу, понимая, что игра только начинается.

Тем временем Остин с силой ударил посохом по каменной плитке площади. Раздался глухой удар, и в тот же миг высвободилось огромное количество духовной энергии — силы души Святой.

Клубящийся дым, пронизанный голубоватым сиянием, стремительно расходился от посоха, накрывая площадь. Горожане, солдаты и рыцари, попавшие под волну этой святой силы, мгновенно лишались жизни — их тела рассеивались, словно пепел на ветру. Благочестивые души грешников святого королевства очищались под воздействием этой чистой энергии.

Мария, чья душа теперь была связана с посохом, ощутила всю глубину своей новой миссии. Её боль и страдания трансформировались в длань милосердия — сила, исходящая от неё, очищала тёмные души, даруя им последнее прощение. Она сложила руки в молитве, и по её невидимым щекам текли слёзы прощения — даже после смерти она продолжала нести свет.

Епископ Павел испуганно попятился назад, указывая дрожащим пальцем на медиума:

— Леоморд! Мой Рыцарь Тьмы, удержи колдуна, а я вознесу молитвы о спасении твоей души!

Святой пожиратель душ стремительно скрылся за воротами храма. В этот момент капитан рыцарей, Леоморд, двинулся к юноше, подняв руки в жесте капитуляции.

«— Молодой мастер», — произнёс он низким, но твёрдым голосом, — я не хочу сражаться. Позволь мне присоединиться к тебе и покинуть этот остров.

Он склонил голову, пытаясь выразить искренность намерений, но остальные рыцари рядом замерли в замешательстве.

— Лео, ты наш командир! Неужели ты хочешь предать Святого Павла? — воскликнул один из рыцарей.

— Предать? — удивлённо переспросил Леоморд. — Это не так. Лучше ты скажи: хочешь ли ты продолжить служить епископу? Бремя власти оказалось для него слишком тяжёлым, и в итоге он обратился в заурядную нечисть. Я не могу больше следовать за ним. Как видишь, он проиграл этому юноше. И нам, падшим рыцарям, более нет смысла служить столь слабому Лорду Тьмы.

Остин посмотрел на рыцарей и командира Лео. Он не был готов к такому развитию событий — сердце забилося чаще, мысли путались.

«— Простите, но мне нужно подумать», — произнёс юноша, стараясь говорить уверенно. Он понимал, что пока не может принять столь большой отряд в свою свиту. Единственный разумный вариант — отложить решение на время.

— Как скажете, молодой господин, — кивнул Леоморд. — Тогда позвольте нам проводить вас за городские ворота.

— Спасибо за предложение, но в этом нет нужды. Я ещё вернусь, — твёрдо ответил Остин.

В тот же миг он исчез в клубах тёмного дыма, оставив рыцарей в изумлении.

— Командир, почему вы отпустили мальчишку? — спросил один из рыцарей, хмуря брови.

— Этот мальчишка станет новой силой переходных земель, — задумчиво произнёс Леоморд. — Мы присоединимся к нему. За юным дарованием — будущее. Да и я не могу более оставаться в этом кошмаре. После того как пробудился, меня тяготит груз прошлого... — он повернулся к собору и с горечью добавил: — Отец...

Остина перенесло с площади в лес за городскую стену. Он тяжело выдохнул, окидывая взглядом густой сумрак деревьев, и недовольно закатил глаза:

— Наставница! — воскликнул он. — Не могла раньше вмешаться? Знаешь ли, я чуть не погиб! — негодуя, он продолжал возмущаться. — А ты говорила, что это простые люди и они не опасны!

Из тени деревьев выступила высокая фигура — наставница Далия. Её глаза сверкали холодным светом, а губы изогнулись в лёгкой усмешке.

— Конечно, я так говорила, — ответила она ровным голосом. — Но разве ты научился бы, не получив и пары царапин? Всегда виноват тот, кого обманули. Не доверяй никому, иначе утонешь в выгребной яме. Я тебя предупреждала об опасности, глупый ученик.

— Пары? Царапин? Серьёзно? — Остин недовольно показал на следы крови и дыру в мантии. — Посмотри на это!

Но наставница не собиралась слушать его причитания.

— Меня вот никто не обучал, и я страдала намного больше твоего, — гордо подняла профиль ведьма и окинула ученика уверенным взглядом. — Тебе следует принять с благодарностью этот урок.

— Да-да, наставница, буду воспринимать ваши слова как волю неба, — скривил гримасу Остин и наигранно поклонился.

— Тск, мелкий засранец, — фыркнула Далия. — Ты получил на этом острове больше, чем я за всю свою жизнь. Ты должен благодарить меня за душу Святой, с которой ты так ловко заключил контракт, и за вот эти монеты.

Она передала кошель, который когда-то принадлежал Марии. Остин взял его, даже не задумываясь, собираясь убраться.

— Это непростые монеты, а монеты Чистилища, — пояснила наставница. — Заплатив Стражу Гробниц за проход такой монетой, ты сможешь перемещаться по островам Чистилища не в духовной проекции, а в своём теле.

— Спасибо, учитель, — искренне произнёс Остин, осознавая, насколько ему повезло получить такие сокровища.

— Молодец, ты отлично справился с заданием, — улыбнулась Далия. — Было весьма весело наблюдать за твоими решениями.

Остин лишь вздохнул, пряча кошель и поправляя разорванную мантию. Впереди его ждали новые испытания, но теперь у него было больше сил, знаний — и союзников.

— Ты изначально выбрал невыполнимое задание, — начала наставница Далия, её голос звучал ровно, но в глазах читалась глубокая задумчивость. — Хотя мог завершить его без мук: передать девушку страже или вовсе выбрать вариант ничего не делать. Так или иначе, её смерть была неизбежна. Ты предвидел это, разложив пасьянс на Таро, — и всё равно продолжал пытаться спасти Марию. Почему ты просто не оставил её?

Остин опустил взгляд, вспоминая бледное лицо Марии, её отчаянный взгляд, когда она стояла у столба, окружённая пламенем.

— Я не мог стоять в стороне и наблюдать, — тихо ответил он. — Это всё равно что встать на сторону негодяев.

Наставница одобрительно кивнула, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на гордость.

«— Мой ученик поступил храбро и глупо», — произнесла она. — Я горжусь тобой! — Затем её тон стал более наставническим. — К тому же твои навыки меня впечатлили: невероятный контроль и скорость духовного восприятия. Но ты упустил самое главное. Ты мог поглотить душу Святой и значительно повысить свои характеристики, но не сделал этого.

— Мне действительно было жаль Марию, — признался Остин. — Я просто не мог поступить так. Да и вы, наставница, разве одобрите такой ужасный поступок?

— Нет, конечно, не одобрю, — ответила Далия. — Но я полагала, ты сразу ухватишься за этот вариант. Однако ты ещё наивное дитя, и тебя не испортили годы жизни, как этих жадных до власти алчных стариков в переходных землях.

Юноша задумчиво провёл рукой по коре дерева рядом с собой.

«— Я понимаю, о чём вы, учитель», — произнёс он. — Люди Святого Королевства словно демоны: владеют человеческой речью, но не понимают её. Я смотрел на них и видел кровожадную нечисть, желающую пожрать душу Святой.

— Верно, ученик! — подтвердила наставница. — Они действительно нечисть, которую нужно уничтожить. Но когда ты встретил епископа и понял, что тебе его не одолеть, ты всё равно выбрал спасти Марию.

— Я сделал выбор из собственной веры в справедливость, — твёрдо сказал Остин. — И не мог поступить иначе. Мне просто не позволила моя совесть пойти иным путём.

Далия вздохнула, и на её лице появилась горькая улыбка.

— В этот раз ты проявил себя, однако в будущем тебе нужно научиться принимать правильные решения. Когда ты поймёшь, что, продолжая цепляться за излишнюю мораль, ты не добьёшься успеха, а растратишь свою жизнь... — закончила она с печальной усмешкой.

— Учитель, разве вы не следовали морали всю жизнь? — спросил Остин, внимательно глядя на наставницу.

— Следовала, — кивнула Далия. — И ты видишь мой результат: я мертва. Эта девушка была обречена изначально, но, несмотря на это, ты умудрился её спасти и завершил задание с идеальным результатом. Я довольна твоими успехами — даже я не смогла бы сделать лучше.

Она на мгновение замолчала, взгляд её устремился куда-то вдаль, словно она видела картины прошлого.

— В годы юности, путешествуя по островам Чистилища, я просто истребляла души как заурадную нечисть, — продолжила ведьма. — Но потом поняла, что совершила ошибку, загубив множество хороших жизней... — Она печально вздохнула. — Я не понимала тогда, чем отличаются твари из Чистилища от обычных душ. Но теперь я знаю точно: тебя может убить даже обычный человек. И чаще всего людей убивают не демоны, а люди. Они выдумывают монстров, чтобы в собственных глазах выглядеть не так чудовищно.

Наставница хитро улыбнулась и посмотрела прямо в глаза ученику:

— Понимаешь, к чему я говорю?

— Наставница, вы говорите о Марии? — уточнил Остин.

— Верно, ученик, — подтвердила Далия. — Я говорю о Марии и подобных жертвах. Да разве твоя жизнь отличается от жизни этой девушки? Задумайся об этом и запомни этот урок.

Остин надолго замолчал, обдумывая слова наставницы. В его памяти всплыли эпизоды из прошлого: насмешки сверстников, презрительные взгляды взрослых, унижительные слова, брошенные в спину. Он вспомнил, как болезненно реагировал на них поначалу, как сжималось сердце от несправедливости.

— Хорошо, я запомню ваши слова, наставница, — наконец произнёс он с пониманием. — В моей жизни и правда хорошего было мало. Окружающие относились ко мне с предубеждением, делали замечания, называли девиантом лишь из-за моей слабости. Порой надсмехались и говорили гадости в лицо. Раньше это задевало меня, вызывало обиду. Но в какой-то момент я понял: лучше помнить о своих недостатках и нести их с гордостью. Тогда никто не сможет тебя задеть или обидеть — ведь о твоих недостатках люди будут помнить всегда.

Далия внимательно выслушала его и мягко улыбнулась — впервые за долгое время в её улыбке не было ни насмешки, ни горечи, только искреннее одобрение.

«— Ты начинаешь понимать», — сказала она. — Это первый шаг к настоящей силе.

— И ещё, — продолжила наставница, её голос стал строже, а взгляд — пронзительнее. — Ты видел реакцию Марии на поглощение души. Тебе не стоит использовать навыки так бездумно. Люди будут бояться твоих способностей — нужно скрывать их. В ином случае могут отвернуться даже те, кому ты доверяешь.

— Простите, я допустил ошибку, наставница, — Остин виновато склонил голову. Он отчётливо понимал: случись подобное в общине города Свидлун, на костёр вели бы уже его. Сейчас же единственное, чего он по-настоящему хотел, — вернуться домой.

— Можно уже вернуться обратно? — нетерпеливо спросил юноша, теряя терпение. У него больше не осталось ни капли желания находиться на землях Святого Пожирателя Душ. Воспоминание о Святом Павле вызывало неприятное ощущение — перед глазами вставал образ Хранителя Сарены и от этого внимания становилось душно. Лорд Тьмы его похвалил, и от этой похвалы Остина пробирала дрожь.

— Да, мы можем отправляться дальше, — одобрительно кивнула Далия.

В тот же миг они исчезли в клубах тёмного дыма, оставив позади лес и мрачные воспоминания о Королевстве Орлей.

В Небесном Городе, в Святилище Добродетели.

Богиня Дивия стояла у алтаря, её серебристые волосы струились, словно лунный свет, а глаза, глубокие как ночное небо, были устремлены вдаль. Она ощутила отголосок силы — той самой, что пробилась сквозь границы миров.

«— Свет моей Луны проник даже в самые тёмные уголки Чистилища», — произнесла она, и её голос звучал, как далёкий гул забытых эпох. — Этот юноша игнорирует волю мира. Я должна выяснить, что он такое.

Она взмахнула рукой, и перед ней возник ангел — Габриэль. Её крылья мерцали, словно сотканные из звёздной пыли, а взгляд был исполнен преданности.

— Габриэль! — обратилась к ангелу богиня. — Найди Несущего Свет Луны. Ты должна выяснить, кто он и что несёт миру. Если он опасен — удали его за пределы мира. Пусть отправляется в Бездну, из которой пришёл.

— Как скажете, госпожа, — склонила голову ангел. — Но как я найду его?

— Это Тёмная Душа, что балансирует на границе миров Жизни и Смерти, — объяснила Дивия. — Ходящий во снах, возносящий Свет Луны из глубин Чистилища. Этот юноша находится за Вратами Севера, в городе Свидлун.

— Следуя вашей воле, — ответила Габриэль. — Я отправлюсь в мир смертных и начну наблюдать за ним.

Ангел расправил крылья и исчез в сияющем портале, оставив после себя лишь мерцающие искры.

Богиня взволнованно подошла к Небесному Оку — огромному кристаллу, отражающему события во всех мирах. Она взглянула на Остину: юноша шёл по лесной тропе рядом с наставницей, его аура пульсировала странной, противоречивой энергией — смесью света и тьмы.

Прежде Дивия не могла настолько отчётливо слышать голоса смертных, но он преодолел границу трёх миров, и она ощутила его зов, невольно испустив искру божественной силы.

— Для смертных это просто невозможно! — возмутилась богиня, сжимая кулаки. — Как он смог преодолеть закон мира? Возможно, он падший бог... а может, и тварь из Бездны.

Её взгляд задержался на Остине чуть дольше. В нём читалось не только недоумение, но и что-то ещё — интерес, тревога, предчувствие грядущих перемен.

5. Арка Королевство Орлей: события 2000 лет назад. Семья Саровских.

Столица святого королевства утопала в утреннем тумане. В ремесленном квартале, где каменная мостовая блестела от ночного дождя, а из печных труб тянулись сизые струйки дыма, семья Саровских готовилась к новому дню.

В тесной подсобке за прилавком пахло пчелиным воском, дублеными кожами и свежей выпечкой. Марта аккуратно закалывала шпильками кружевной чепец на голове дочери.

— Аннет, доченька, — голос матери был теплым, как парное молоко, — тебе вот-вот исполнится двенадцать лет. Скажи честно, чтобы ты хотела получить на день рождение в подарок? Мы с отцом сбились с ног, выбирая ткань на платье.

Девочка стояла смирно, позволяя материнским рукам расправлять складки её лучшего фартучка. Она подняла свои огромные, цвета первой весенней листвы глаза, обрамленные пушистыми ресницами, и мягко улыбнулась:

— Спасибо, мама... Вы с отцом такие замечательные родители, что бы вы ни подарили, я всему буду рада. Мне ничего не нужно, лишь бы мы всегда были вместе.

Марта тихо вздохнула, прижалась губами ко лбу дочери, целуя едва заметную россыпь веснушек, и смахнула невидимую пылинку с её плеча.

— Ты моя умница. Нам пора открывать магазин, я пойду помогать твоему отцу считать вчерашнюю выручку. А тебе следует подготовиться к началу рабочего дня, солнце уже встало над ратушей.

— Хорошо, мама, — кивнула Аннет.

Она поправила накрахмаленный белый фартучек поверх скромного серого платья, одернула рукава и вышла в торговый зал. Скрипнула тяжелая дубовая дверь, звякнул латунный колокольчик. Девочка взяла чистую льняную тряпицу и начала протирать полки, осматривая витрины. Солнечные лучи сквозь высокие стрельчатые окна падали на стекло банок со специями, заставляя их играть всеми оттенками охры и кармина. Она старательно поддерживала чистоту в магазине и уютную обстановку, расставляя мешочки с сушеным тимьяном ровными башенками. Аннет всегда одаривала искренней, светлой улыбкой всех входящих, отчего многие горожане с радостью сворачивали именно сюда, предпочитая эту маленькую лавку холодным рядам центрального рынка. Они приходили не столько за товаром, сколько погреться у огня этой детской непосредственности.

Аннет в отличие от своих сверстников с малых лет отличалась редким для ребенка трудолюбием и усердием. Пока другие дети гоняли деревянных лошадок по брусчатке или воровали яблоки в садах знати, она предпочитала работать и учиться вести grossбух вместо того, чтобы гулять. Соседи часто качали головами: «Саровские воспитывают ангела». Многие жители района отмечали семью как идеальную и приводили в пример окружающим на воскресных проповедях.

Несмотря на это, Марта и Бен всегда оставались скромными и законопослушными людьми. Они любили и гордились своей дочерью, искренне молились Единому Свету перед сном и продолжали праведно жить в своём маленьком мире, надежно укрытом от имперской суесть стенами их лавки.

Утро начиналось как обычно. Её отец, высокий мужчина с проседью на висках, открыл тяжелый замок. Щелкнул механизм, и над дверью снова приветливо зазвенел колокольчик. Мама помогала ему за прилавком, ловко отсчитывая медные монеты и обслуживая ранних посетителей. Юная Аннет порхала между стеллажами, показывая и рекомендуя товары.

— Господин Гаспар, посмотрите, какой шелк! — ворковала она, перекатывая в тонких пальцах отрез ткани. — Он прохладный, как вода в фонтане на площади Согласия. Ваша супруга будет неотразима.

Пожилой портной только причмокивал языком, щупая материал.

Она очень нравилась местным жителям. Золотые локоны, выбивающиеся из-под чепца, и пронзительные зелёные глаза делали её похожей на херувима с древних храмовых фресок. Торговцы пряностями с соседней улицы специально заходили купить иголки у Бена, просто чтобы посмотреть, как девочка заворачивает покупку в пергамент.

Это приносило дополнительную прибыль и неплохие чаевые для маленькой работницы семейного бизнеса — то лишнюю краюху свежего хлеба, то блестящую пуговицу, то пару монет, которые Аннет тайком опускала в копилку-церковь на подоконнике.

Родители гордились тем, что у них растет такая смышлёная и предприимчивая дочь. Они были вполне счастливы и не знали бед до того рокового дня, когда на пороге их магазина оказался представитель церкви.

Дело в том, что незадолго до этого их лавку посетил сам святой Алларик — человек с лицом восковой куклы и пустыми, мертвыми глазами фанатика. Он пришел за свечами для ночной молитвы, но задержался, пристально глядя на девочку, подметавшую пол. Его взгляд лип к ней, словно смола.

Однако истинная причина его возвращения сегодня была очевидна: церковь давно положила глаз на успешное предприятие и решила принудить семью добровольно пожертвовать магазинчик на благо Святого Престола.

Но Бен Саровских тогда нашел в себе смелость отказать святому и буквально выпроводил его за порог, бормоча извинения. После чего на их пороге появилась инквизиция.

Дверь распахнулась так резко, что жалобно тренькнул, ударившись о стену, несчастный колокольчик. По полу застучали тяжелые сапоги с окованными носами. Вошел епископ Алларик. Черная сутана с кроваво-красной подкладкой казалась провалом в бездну, а массивная золотая цепь с символом Ока впивалась в дряблую шею. За его спиной маячили двое рыцарей-храмовников в глухих шлемах-ведрах, от которых пахло железом, гарью и дешевым элем.

— Ваше преосвященство... зачем вы пришли? — с плохо скрываемым недовольством спросил Бен, выходя из-за кассы. Его руки, привыкшие к мягким тканям, сами собой сжались в кулаки. — Я уже сказал вам через посыльного, что не буду продавать дело всей моей жизни.

Епископ медленно оглядел полки, затем перевел взгляд на Марту, прижимавшую к груди стопку полотенец.

— Ха, а ты самоуверенный торгаш, — губы Алларика искривились в презрительной усмешке. — Даже при виде святого отца не преклонил колена. Да и кто тебе сказал, что я пришел с тобой разговаривать, еретик?

Сегодня ты отправишься на суд божий. Ты обвиняешься в ереси, сокрытии доходов от десятины и сношениях с духами домашнего очага. Будешь казнен на дворцовой площади у храма, сразу после полуденной службы.

— Что вы такое несёте, ваше преосвященство?! — ахнула Марта, роняя полотенца. Ткань рассыпалась по грязному полу белыми птицами. — Вы не можете нас казнить без доказательств. У нас есть грамота гильдии, подписанная самим королем! Я прошу о милости, провести справедливое расследование!

— Святая церковь уже нашла доказательства, — лениво процедил клирик, доставая из рукава свернутый пергамент с болтающейся на шнурке сургучной печатью. — И получила одобрение дворянских семей, чьи долги вашему мужу будут списаны.

Епископ самодовольно ухмылялся, играя печаткой на пальце, а мужчина впадал в отчаянье. Холодный пот выступил на лбу Бена. Он понимал, что для него всё кончено. Дворянские

семьи охотно подпишут любую ложь, чтобы избавиться от долгов перед простолюдином. Его семья пострадает из-за его глупой гордыни.

Он сожалел в этот момент, что не отдал бизнес сразу, проявив слабость плоти. Им стоило бросить всё и бежать из города еще вчера ночью, пока ворота не заперли на ночь, но он упустил этот шанс.

— Как же так? — ноги Бена подкосились. Он упал на колени прямо в лужу натекшей с плащей грязи и схватился за голову скрюченными пальцами. — Забирайте всё! Весь товар, золото из-под половиц, дом за рекой! Только семью пощадите... — умоляюще смотрел он снизу вверх на епископа, готовый целовать край его грязной сутаны.

— Тц-тц-тц, — покачал головой клирик, и звук был похож на шипение змеи. — Ты думаешь, мне нужна твоя жалкая торговая компания? — загадочно улыбнулся священник. Его желтые зубы напоминали черепки старой посуды. Он медленно поднял взгляд, водя им по фигуре Марты, и наконец остановил его на дочери.

Аннет замерла с тряпкой в руке. Она попала в поле его зрения уже достаточно давно, и теперь являлась большей ценностью, чем все векселя и специи их семейного бизнеса. Епископ облизнул пересохшие губы кончиком языка.

Бен поймал этот откровенно похотливый, раздевающий взгляд епископа на своей дочери, и его сердце наполнилось такой первобытной яростью, что в ушах зашумела кровь.

— Ах ты гад, святоша-потаскуха! — взревел он раненым зверем, бросаясь вперед. Он хотел вцепиться в горло Алларика голыми руками.

Но рыцари оказались быстрее. Массивные фигуры метнулись тенью. Первый храмовник принял удар на стальной наруч, второй зашел сзади. Через секунду отчаянного отца грубо впечатали лицом в деревянный прилавок, выворачивая руку за спину так, что затрещали суставы. Дерево прилавка покрылось сетью трещин.

— Что вы делаете?! — закричала Марта, пытаясь закрыть дочь своим телом. Она вцепилась ногтями в лицо ближайшего стражника, но тот лишь зарычал от боли и ударил женщину рукоятью кинжала в висок. Марта беззвучно осела на пол, раскинув руки.

Аннет со слезами на глазах наблюдала, как разворачивается их семейная трагедия. Тихий островок семейного счастья, пахнувший корицей и надеждой, поглотила ледяная волна Святого Престола.

— Священник! — нервно выкрикнула девочка, делая шаг к родителям, но один из рыцарей преградил ей путь тяжелым щитом. — Скажите, что будет с моими родителями?

Алларик медленно повернул голову. Его глаза, окруженные сеткой красных прожилок, смотрели на нее оценивающе, как мясник смотрит на телятину.

— Тебе стоит о себе беспокоиться, маленькая грешница, — прошипел он. — Твои родители умрут быстро, без приключений, очистившись болью. А вот ты... ты пройдёшь ещё долгий путь очищения. Ты даже и представить не можешь, что есть вещи куда хуже смерти.

Он щелкнул пальцами. Рыцарь сгреб сопротивляющуюся девочку в охапку, зажимая рот тяжелой латной перчаткой. Запахло ржавчиной и потом.

Ах-ах-ах-ах-ах, — рассмеялся Святой Алларик высоким, почти женским смехом, эхом отразившимся от сводчатого потолка. Звук был нечеловеческим. Он сделал знак следовать за ним и увёл кричащую сквозь кляп Аннет в сырую темноту столичных улиц, навсегда оставив позади два тела на полу разгромленной лавки.

Утренний колокол на башне храма пробил семь раз, когда площадь перед собором начала заполняться народом. Солнце еще не успело подняться высоко, но его лучи уже жадно лизали свежеструганные бревна огромного кострища.

В центре возвышались два массивных дубовых столба, вбитых так близко друг к другу, чтобы обреченные могли видеть лица друг друга до самого конца.

К ним привязали Бена и Марту. Грубая пеньковая веревка глубоко врезалась в запястья мужчины, а подол некогда чистого платья Марты теперь покрывал слой уличной грязи и конского навоза. Их волосы были коротко острижены тюремщиками — «чтобы скрыть демонические метки», как было сказано в ордере.

Святой Алларик взошел на деревянный помост, обитый алым бархатом. Он расправил сутану, наслаждаясь гулом толпы, и развернул тяжелый пергамент:

— Именем Единого Света и Святого Престола! Бен и Марта Саровских, вы обвиняетесь в пособничестве дьяволу, укрывательстве еретических книг в подвале своего дома и распространению лжеучения о равенстве всех душ пред лицом Его!

Толпа, собравшаяся на площади, взревела. Это был единый, утробный рык хищника, почуявшего кровь. Люди начали срывать с мостовой булыжники и швырять их в осужденных. Первый камень рассек бровь Бена, второй ударил Марту в ключицу. Женщина вскрикнула, но тут же закусила губу, чтобы не показать слабость перед мужем.

— Слуги дьявола! — визгливо выкрикнула торговка рыбой, целясь камнем прямо в лицо Марте.

— Любовница сатаны! Ее глаза светятся во тьме! — вторил ей подмастерье кузнеца.

— Сжечь потаскуху и приспешника дьявола! Пусть корчатся! — ревели сотни глоток.

Жители святого королевства с животной ненавистью выкрикивали оскорбления, готовые лично разорвать семью на части голыми руками. Они испытывали искреннюю, почти экзистенциальную радость от того, что семья Саровских закончила именно так. Многие из пришедших завидовали их успеху, их чистому магазину и тихому счастью.

Им до омерзения, до скрежета зубного было противно наблюдать столь счастливых мужчину и женщину с идеальной дочерью. С их точки зрения такие жизнерадостные люди просто не имели права существовать в мрачном Святом Королевстве; само их существование казалось насмешкой над всеобщей нищетой и страхом.

Рыцарь-храмовник в стальных латах шагнул вперед. Масляный факел в его руке чадил черным дымом. Не говоря ни слова, он бросил его в основание костра, где была навалена смолистая щепка. Огонь радостно затрещал, пожирая сухие дрова. Языки пламени поползли вверх, опаливая кожу жаром. Дым ел глаза, заставляя легкие гореть.

В последние мгновения жизни, прежде чем огонь объял их полностью, Марта и Бен смотрели друг на друга сквозь пляшущее марево жара. Она нашла в себе силы улыбнуться ему разбитыми губами, а он кивнул, беззвучно шевеля: «Я люблю тебя». Их мысли занимала не собственная агония, не плавящаяся кожа и лопающиеся сосуды.

Все их существо кричало лишь об одном — о будущем дочери, ведь они знали слишком хорошо, что происходит с детьми, попавшими в лапы его преосвященства. Лучше сгореть заживо здесь, чем отдать ангела в этот вертеп порока.

Когда от тел пошел жирный черный дым, Святой Алларик брезгливо отвернулся. Его святая миссия по очищению города от зажиточных конкурентов была выполнена.

Епископ немедленно назначил собственного управляющего — мрачного монаха-бухгалтера — в семейное предприятие Саровских, переписал векселя на счет Святого Престола и начал получать прибыль. Теперь оставалось только решить судьбу главного актива — Аннет.

После казни родителей девочка впала в состояние глубокого шока. Она сидела на каменном полу своей камеры в подземельях инквизиции, раскачиваясь из стороны в сторону, и стала совершенно молчаливой. Но для священника это не имело никакого значения. Он ждал покупателя.

Изначально епископ планировал устроить закрытый аукцион «Слёзы Эльфа» и продать нетронутую душу девочки на тайных торгах высшей аристократии за баснословные деньги. Однако у самых дверей его покоев возник маркиз Лоуренс. Старый, тучный мужчина с влажными, вечно бегающими глазками и запахом гнилых фруктов, исходящим от его парика.

Он даже не стал участвовать в торгах, а просто настоял на прямой покупке, выложив на инкрустированный стол изумрудный ларец, сумма в котором превышала ставки аукциона в десятки раз.

Алларик довольно взвесил ларец в пухлой ладони.

— Маркиз... — голос епископа стал масляным и тягучим. — Вы так великодушны. После такой щедрости я просто не в праве вам отказать.

Маркиз Лоуренс мелко захихикал, прикрывая рот влажной ладонью. Его толстые пальцы нетерпеливо барабанили по крышке ларца.

— Ваше преосвященство, ну полно. Вы же знаете, как я люблю милых деточек. У них такая тонкая кожа... Когда им страшно, они плачут прозрачными росинками. Когда им больно, они плачут кровавыми жемчужинами. Так похожи на маленьких эльфов из старых сказаний.

Их слёзы и мольбы приносят мне истинное счастье. Слёзы эльфа, которые я так люблю собирать! — при этих словах его зрачки расширились, затопив радужку черной мутью.

Маркиз с блаженной, слюнявой улыбкой поглаживал крышку ларца, предвкушая встречу с юной Аннет.

Девочка в этот момент находилась этажом ниже, в тесной железной клетке. Она ничего не знала о сделке. Прижимая колени к груди, она думала о своих родителях. Отчасти ее детский разум был благодарен небесам за то, что дым костра скрыл от нее их лица раньше, чем языки пламени коснулись плоти. Ей снились кошмары, где отец превращается в головешку, а мать рассыпается пеплом.

Однако она горько сожалела о том, что не смогла попрощаться с ними, не успела крикнуть, как сильно любит их. Осознание того, что больше никогда не увидит теплые руки матери и не спрячет замерзшие пальцы в широкой ладони отца, разрывало ее сердце на тысячи ледяных осколков. Эта боль выжигала ее изнутри сильнее, чем тот огонь, который забрал Бена и Марту час назад.

Дверь клетки со скрипом открылась. На пороге стоял монах-надзиратель.

— Выходи, — буркнул он. — За тобой пришли.

Аннет подняла свои огромные зеленые глаза, полные невыплаканных слез, и безропотно переступила порог, навстречу судьбе, которая действительно оказалась страшнее смерти.

Маркиз забрал девочку в своё поместье, где проводил свои извращённые игры с детьми. Он одевал девочку в платья как куколку, а затем делал ужасные вещи. Это продолжалось целых два года, пока она не надоела ему. Сначала она плакала и сопротивлялась, молила о пощаде, но это ещё больше заводило этого борова, и он начинал проявлять ещё больше жестокости.

Тогда Аннет начала молить о смерти, но и это не помогло, жестокий аристократ начал просто вдальбивать тело девочки в пол, как только она открывала рот. Однако вскоре огонь жизни Аннет угас, она смотрела пустым и безжизненным взглядом на толстяка, чтобы он не делал и как не избивал её она продолжала молчать и это привело к тому что маркиз потерял к ней интерес и решил продать.

- ты думаешь, что я жестокий, но в доме у графа ты познаешь что такое боль. Это были последние слова перед отправкой девочки.

Она полагала, что хуже уже не будет так как она повидала в доме маркиза многое, но не понимала, как ошибалась. В любом случае у Аннет не было выбора и оставалось только ждать.

Маркиз продал девочку графу, который славился пристрастием к пыткам.

Он начал отрезать пальцы и срезать кожу, проводить различные эксперименты и ставить опыты.

Каждое утро она просыпалась в жующих челюстях. Он резал, разрывал плоть девочки на мелкие кусочки. Затем собирал и размалывал, и снова собирал. Он пытал девочку в ожидании что внутри зажжётся вечное пламя. Безумный граф искал бога в её глазах.

Целый год боли и крика, пока жизнь Аннет не стала угасать.

От этого она чуть не погибла, поэтому он решил перепродать юное тело пока это еще было возможно. Так как девочка была красива он мог получить неплохую прибыль с её продажи.

В этот раз Аннет купил барон. Он любил собак и охоту. Его особое пристрастие отразилось на девочке. Он поселил девочку с псами в надежде, что у неё родятся щенки. После нескольких неудачных попыток барон решил избавиться от Аннет и продал пятнадцатилетнюю девочку в городской балаган, где дальнейшая судьба уже решиться.

В балаган приходили святые рыцари и насиловали Аннет каждую ночь. Она принимала по двадцать человек за смену и могла перепить каждого из них. Они были очень грубы с девушкой, ей вырвали волосы и выбили зубы, к двадцати годам она стала похожа на дряблую старуху.

6. Аксель Милан Готье и Аннет Саровских. Рождение их сына Павла.

Однако в жизни Аннет случилось чудо. Она забеременела.

В тот момент, когда утренняя тошнота и свинцовая тяжесть в ногах сложились в единую, пугающую картину, она поняла всё. Срок был крошечным, но для женщины её ремесла это означало лишь одно — конец. В балагане «Сфинкс» были другие девушки: моложе, свежее, с кожей, не тронутой дешевой пудрой и ночными слезами. Клиенты обходили её палатку стороной уже третью неделю кряду. Хозяин смотрел на неё как на протухший товар, цедя сквозь зубы угрозы о вычете из жалования за еду.

Чтобы хоть как-то прокормиться и оплатить крышу над головой, Аннет спустилась в подвал трактира при балагане. От едкого запаха щелочи у неё слезились глаза, а ладони покрылись кровавыми трещинами от ледяной воды. Она стала поломойкой. Тяжелая деревянная швабра казалась неподъемной, но живот требовал еды здесь и сейчас.

В последнее время у неё совсем не было клиентов, кроме одного рыцаря. Он приходил раз в седмицу, всегда молча бросал на комод серебряную монету и садился на край кровати. Он никогда не требовал ласк. Иногда он просто сидел, глядя на пляшущий огонек свечи, пока Аннет смывала с себя чужие запахи, а иногда приносил краюху свежего хлеба или кусок козьего сыра. Его звали Аксель Милан Готье, капитан Рыцарей Святого Престола. Он относился к ней с тихим, почти болезненным состраданием, словно видел перед собой не падшую женщину, а сломанную вещь, которую жаль выбросить.

Когда округлившийся живот стало невозможно скрыть даже под просторной рубахой, рыцарь пришел днем, нарушив привычный ритм их встреч. Узнав о её положении, он впервые заговорил твердо:

— Собирай вещи, — бросил он, снимая тяжелый шерстяной плащ. — Ты переезжаешь ко мне. Я снял комнату в доходном доме у западных ворот. Там сухо и тепло.

Аннет попыталась возразить, пряча лицо в худых ладонях:

— Лорд Готье, ваша репутация... Если кто узнает, что вы содержите брюхатую шлюху...

— Моя репутация сторит дотла, если я оставлю мать моего будущего ребёнка замерзать в грязи, — отрезал граф Аксель, помогая ей встать. — Иди за мной.

Но чуда не произошло. Роды начались внезапно, посреди промозглой осени. Повитуха только всплескивала руками, глядя на синюшное лицо роженицы. Кровь лилась ручьем, пропитывая соломенный тюфяк. Перед тем как провалиться в багровое беспамятство, Аннет мертвой хваткой вцепилась в рукав кольчужной перчатки капитана, который стоял у изголовья белый как полотно.

— Павел... — прохрипела она, вкладывая последние силы в этот выдох. — Назови его Павлом...

Её пальцы безвольно соскользнули с металла. Душа покинула тело раньше, чем затих последний крик младенца.

Капитан рыцарей Аксель забрал орущего ребенка прямо из окровавленных простыней и отнес в церковный приют Сен-Марри. У мальчика остался лишь отец, который не мог признать сына, рождённого от куртизанки.

Любой шепоток при дворе стоил бы ему капитанского штандарта и головы. Но каждую свободную ночь Аксель проводил у стен монастыря.

Он тайно платил настоятельнице двойное содержание, чтобы мальчик ел мясо, а не пустую похлебку, заказывал у портных одежду из мягкого сукна вместо грубых мешков и продолжал приглядывать за ним издалека.

Он дал ему имя Павел, исполнив последнюю волю Аннет.

Мальчик подрос. В свои десять лет он выглядел старше сверстников — слишком серьезный взгляд и плотно сжатые губы выдавали в нем натуру замкнутую. Он не знал своих родителей, но догадывался.

Догадывался, почему высокий мужчина в серебряных латах с церковными гербами, чей конь пугает послушников у ворот, приходит каждый месяц ровно в полдень. Почему лорд Аксель Милан Готье, капитан Святых Рыцарей, лично следит, чтобы алтарному служке Павлу доставались самые лучшие вещи.

Павел никогда не говорил открыто с отцом. Это была негласная договоренность двух людей, разделенных стеной долга. Однако каждый раз, завидев высокую фигуру капитана во внутреннем дворе, юноша замирал, а затем медленно подходил.

Он склонял голову в почтительном поклоне, но уголки его губ едва заметно вздрагивали, а в глазах вспыхивал теплый свет.

— Благословенного дня, лорд-капитан, — тихо произносил он.

Рыцарь, привыкший одним взглядом останавливать пьяные драки в тавернах, был скуп на эмоции. Суровые складки у его рта разглаживались, плечи опускались, сбрасывая невидимый груз командования.

При виде этого бледного юноши в черной сутане клирика он испытывал глухую, тяжелую гордость. Аксель мягко клал огромную, пахнущую сталью и кожей руку на плечо сына, чуть сжимая ткань сутаны, и одаривал его редкой, скупой, но невероятно тёплой улыбкой, проявляя всю свою скрытую отеческую заботу.

Время шло, стирая остроту утраты золотыми годами учения. Мальчик стал юношей. Он блестяще закончил церковную школу, показав удивительную тягу к древним текстам и риторике. Епископ Алларик, человек жесткий и властный, заметил талант ученика и приблизил его к себе. Теперь Павел служил личным помощником епископа, переписывая указы и присутствуя на закрытых советах.

Его отец к тому времени получил титул сенешаля Святого престола. Они стали часто видеться по долгу службы. Вскоре эти встречи переросли в обычай: после вечерни они шли в маленькую монастырскую трапезную, где им накрывали отдельный стол. Они сидели друг напротив друга, макая хлеб в чечевичную похлебку, и молчали. Но это было уютное, родственное молчание.

В один из таких дней, когда весеннее солнце наконец прогнало сырость из каменных коридоров, они вышли прогуляться по брусчатке Верхнего города.

— Лорд Аксель, — начал Павел, инстинктивно переходя на официальный тон, принятый между подчиненным и командором Ордена.

Аксель тяжело вздохнул, поправляя полу своего дублета.

— Прошу, не обращай ко мне столь формально, — голос капитана звучал непривычно мягко. — Мы сейчас не на плацу и не на службе у церкви. Здесь нет ни паладинов, ни клириков. Только двое мужчин. Как отец и сын.

— Хорошо... отец, — слово далось юноше с трудом, царапнув горло. — Я просто привык держаться отстраненно. Мое положение обязывает. Но позвольте спросить, зачем вы свернули с соборной площади? Зачем мы идем в ремесленный квартал? Здесь воняет сыромятными и помоями.

Они остановились на перекрестке, возле чугунной решетки канализации. Аксель положил тяжелую ладонь на плечо сына, разворачивая его лицом к широкому проспекту вниз. Там, застроенная кирпичными амбарами и купеческими домами, раскинулась территория торговой кампании.

— Сын мой, — произнес капитан, и его голос стал жестким, как старая кожа. — Я должен рассказать тебе многое. Видишь эту торговую кампанию? Вывеску «Саровских»?

— Да, отец, — Павел прищурился, всматриваясь в герб на фасаде — скрещенные ключи над золотой монетой.

— Она принадлежала твоей семье. Компанию основал твой дед, Бен Саровских. Лучшие меха и шелка Королевства шли через их руки. Но сейчас она принадлежит Святому престолу. Догадываешься почему?

Павел долго молчал. Его челюсть напряглась, а костяшки пальцев побелели, так сильно он сжал ремень своей дорожной сумки.

— Да, — наконец ответил он, и голос его прозвучал холодно и пусто. — Мою семью убил епископ. Тот самый, которому я сейчас подаю перо и чернила.

— Так и есть, — кивнул Аксель, не отводя взгляда от лица сына. — Он убил твоего деда за отказ отдать торговую компанию. А твою мать, Аннет... он продал аристократам, а когда те наигрались, она попала в балаган. Там я её и встретил. Я расскажу тебе подробности падения семьи Саровских. Всю историю, до самого дна.

Лорд Аксель говорил долго. Его слова падали камнями, разбивая вдребезги благостную картину мира, в которой Павел жил все эти годы. О предательстве духовенства. О крови на руках святых отцов. Об унижении матери. Когда рассказ закончился, они стояли посреди грязной улицы, оглушенные этой правдой.

Они отправились обратно в сторону собора в полной тишине. Однако эта прогулка стала началом пробуждения его истинной силы. По венам больше не текла кровь — там кипела лава.

Стоило Павлу переступить порог своей кельи, как ненависть поднялась изнутри черной волной. Она затопила разум, выжигая остатки детской привязанности к наставникам. Эта ярость была холодной, расчетливой и абсолютно спокойной. Она вскоре станет карающей дланью справедливости и падением Святого Королевства Орлей.

С этого дня Павел решил отомстить за смерть своей семьи. Он перестал спать, проводя ночи не в молитвах, а в пыльных подвалах архива, куда имели доступ лишь высшие иерархи. Он начал изучать тёмные искусства, некромантию и запретные гримуары, которые церковь веками прятала от паствы.

— Они называют это ересью, — шептал он своему отражению в медном зеркале, наблюдая, как тьма клубится вокруг его рук, отбрасывая на стену искажённую тень с рогами. — Но разве может быть еретиком ангел возмездия?

Он считал виновными всех: лицемерную церковь, утопающее в роскоши дворянство и покорных жителей святого королевства. Для него они перестали быть людьми. Они стали кровожадными демонами, порождениями Бездны, которые владели речью лишь для того, чтобы слащаво лгать с амвонов, но совершенно не разумели смысла собственных слов о милосердии.

Их благочестие смердело грехом и пороком. В святой церкви добродетели стали грехами. А грехи стали образом жизни. Павел намеревался стать тем огнем, который очистит эту скверну.

7. Павел в мире Нави. Испытание Духа.

Пыль в запретной секции церковной библиотеки пахла застарелой кровью, мышами и ладаном, который не мог перебить запах тлена. Павел провел здесь три недели, прячась от ночных обходов стражи под покровом иллюзий — простейшего трюка, которому он научился, едва коснувшись страниц древнего фолианта.

Книга сама легла ему в руки с верхней полки, куда десятилетиями никто не заглядывал. Обложка из черной, словно выжженной кожи, была стянута медными застывшими каплями воска. На корешке тускло мерцали руны: «Мир Нави. Царство Духов Богини Мары, исток вечной жизни и Море Души».

Священники прошлого пытались раскрыть эти тайны. Их обглоданные кости теперь покоились в оссуарии под собором, а души навсегда остались кормом для обитателей ментального моря. Церковь объявила писания языческой ересью и запечатала их здесь на долгие века. Но Павел чувствовал зов книги каждой клеткой своего тела.

Когда юноша перевернул страницу, написанную чернилами из венозной крови, реальность вокруг него пошла трещинами. Он вошел в ментальное море. Ледяной ужас сковал легкие; невидимые течения рвали его сознание на части, пытаясь растворить личность в первоизданном хаосе.

Перед глазами проносились лица одержимых монахов, чьи пустые глазницы исторгали слезы и прах. Демон тянул к нему свои призрачные щупальца, обещая блаженное забвение взамен на плоть.

Павел закричал, но звука не было. Собрав остатки воли, он направил духовный поток по меридианам своего тела, используя технику дыхания из запрещенных свитков. Вены вспыхнули синим огнем под бледной кожей. Его охватило мертво-бледное сияние, холоднее самой глубокой зимы, и юный клирик провалился сквозь пол библиотеки в бездну.

Удар о землю выбил воздух из легких. Павел открыл глаза. Вместо пыльного камня под спиной был холодный, влажный песок. Воздух пах йодом, гнилыми водорослями и озоном перед грозой. Над головой висело небо цвета индиго без единого солнца, освещаемое лишь пульсирующей зеленоватой биолюминесценцией воды. Он находился на берегу Звёздного Моря.

Вдалеке, у самой кромки прибоя, виднелась неподвижная фигура. Мужчина в грубой холщовой робе сидел на перевернутой лодке, методично чиня сеть. Павла насторожила тишина — ни криков чаек, ни шума ветра. Только противный скрип натягиваемой веревки.

Юноша поднялся, отряхивая сутану от черного песка, и пошел к рыбаку. Деревянные сабо утопали в вязком грунте.

— Добрый день, — голос прозвучал хрипло и неуверенно. Павел прочистил горло и попытался придать лицу выражение уверенного паломника. — Я хотел бы у вас спросить дорогу к ближайшему поселению. Мне нужно попасть в Твердыню Пилигримов.

Мужчина медленно повернул голову. То, что издалика казалось лицом, представляло собой сплошную массу бородавчатых присосок, между которых зиял беззубый круглый рот. Глаза навывкате были мутными, белесыми бельмами глубоководной рыбы.

Учув чужака, Удильщик перестал чинить сеть. Он начал смотреть на Павла как на лакомую закуску, спустившуюся прямо к нему на стол. С уголка его рта потянулась густая нить тягучей, фосфоресцирующей слюны.

— Зачем тебе куда-то идти? — просипел демон, и его шея неестественно вытянулась, сокращая расстояние. Голос звучал так, будто говорили через трубу, опущенную на дно океана. — Вода сегодня ласковая... Ты можешь остаться со мной. Я тебе помогу отдохнуть.

Павел инстинктивно попятился назад. Под подошвой сапога взметнулась тугая пеньковая петля. Рыбак дернул скрытый шнур, и сеть, появившаяся прямо из воздуха, взвилась вверх, надежно спутывая ноги и руки юноши.

Павел рухнул на колени, больно ударившись скулой о песок. Волокна впивались в кожу, затягиваясь всё туже при каждом движении.

— Что за хрень! Что ты такое! — отчаянно закричал священник, извиваясь в путах. Липкий страх сковывал разум, паника ледяными иглами колола позвоночник.

Неожиданно для самого себя, действуя на чистых рефлексах выжившего, Павел сунул руку за пазуху. Книга Нави удобно легла в ладонь, теплая и тяжелая. Он выставил черный переплет перед собой, защищаясь.

— Изойди, чудовище! Именем равновесия духа, изгоняю тебя! — слова древней молитвы сами сорвались с губ, смешиваясь с латынью экзорцизма.

Чернила на страницах вспыхнули ядовито-зеленым светом. Это не было теплое сияние Святого Престола — это был свет гнилушек над болотом. Древняя магия столкнулась с демонической сущностью. Удильщик заверещал, закрывая лицо когтистыми лапами. Кожа монстра начала пузыриться и дымиться там, где ее коснулись лучи книги. Сеть с сухим треском рассыпалась в пепел.

Освободившись, подросток вскочил на ноги и бросился бежать прочь от берега, не разбирая дороги. За спиной раздался оглушительный рев ярости.

Отбежав на значительное расстояние, пока берег не превратился в тонкую линию, Павел рухнул за поросший мхом валун и только тогда позволил себе перевести дыхание. Легкие горели, ребра ходили ходуном. Холодная дрожь сменялась осознанием собственной глупости.

«Это был демон-Удильщик, — напомнил он сам себе, сжимая книгу до побелевших костяшек. — Я читал о нём в бестиарии Мары. Глубоководный дух, меняющий облик. Хорошо, что он не может покинуть берег. Ему всегда нужна рядом морская вода».

— Нужно держать себя в руках, — зашептал он, глядя в одну точку. — Я не могу терять над собой контроль. Если я запаникую снова, книга меня сожрет или этот монстр закончит начатое.

Он глубоко вдохнул соленый, мертвый воздух.

— Я должен пройти испытание. Видимо, мои предшественники-священники были съедены этим монстром еще на входе. Они оказались слишком слабы.

Ведя эту жестокую дискуссию с самим собой, Павел заставил дрожащие ноги подняться. Он обогнул каменистую гряду и начал подъем по скользкому от плесени холму. Взорвавшись на вершину, его взору открылась поляна, залитая тем же нездоровым свечением.

Картина, представшая перед ним, заставила священника сжать зубы от бессильной злобы. Группа из пяти мужчин — искаженные тени, бывшие когда-то людьми, ныне покрытые костяными наростами — истязала девушку-русалку.

Её хвост бил по земле, поднимая брызги грязной воды, а руки были прикованы ржавыми цепями к каменному идолу. Один из мучителей раскаленным прутом клеймил её предплечье, и шипение горячей чешуи резало слух.

— Вот ведь черт, ни секунды покоя, — пробормотал Павел, чувствуя, как гнев вытесняет остатки страха. — Видимо, не зря это называется испытанием!

Клирик вышел из-за деревьев на поляну. План созрел мгновенно. Он подошел ближе к центру ритуала, чтобы использовать силу святого писания более эффективно, накрыв как можно больше целей.

Однако демоны обладали звериным чутьем. Заметив движение, они прервали пытку. Главный обернулся, оскалив пасть, полную игольчатых зубов, и достал из складок плаща зазубренный тесак.

— Еще один кусок мяса пожаловал, — прорычал он, сплевывая на траву. — Свяжите его. Капитан любит свежую человечину.

Демоны двинулись в его сторону, доставая кривые клинки.

Юный священник незамедлительно отреагировал. Он упал на одно колено, упер книгу в землю обеими руками и распахнул её на середине. Страницы загудели, втягивая энергию из окружающего пространства. Чернила начали сиять тем же ядовитым изумрудным светом, но в десятки раз ярче.

— Узрите истинный лик Бездны! — выкрикнул Павел, вкладывая в голос всю свою новообретенную волю.

Волна света ударила конусом. Демонов отбросило на несколько метров, впечатав в стволы деревьев. Оружие выпало из их ослабевших рук. Закрыв обожженные глаза руками, создания Нави выли от боли, сотрясаясь в конвульсиях — древний текст показывал им такие кошмары, что человеческий рассудок выгорал дотла.

Русалка воспользовалась моментом. Ослабив хватку своих мучителей, она вырвала цепи из камней вместе с кусками кладки. Её пальцы сплелись в сложный морской жест, и перед ней открылся круглый портал.

Внутри него не было леса — там разверзлось глубокое звездное небо, полное плавающих левиафанов и туманностей. Девушка, преодолевая боль, перекатилась по земле и нырнула в этот открывшийся космос. Портал захлопнулся с тихим хлопком, оставив после себя запах озона.

Демоны пришли в ярость. Боль отступила, сменившись холодной животной злобой. Какой-то мальчишка-новичок испортил им развлечение и лишил главного трофея для капитана глубин.

— Это лазутчик! Сообщник Детей Моря! — проревел вожак, тряся головой. Кровь сочилась из-под его век. — Нужно убить его! До того, как явятся силы морского народа и заберут свидетеля!

Твари поднялись на ноги. Их конечности неестественно удлинились, суставы затрещали, выворачиваясь в обратную сторону. Теперь они передвигались на четвереньках, стремительно сокращая дистанцию.

Павел понял, что стоять на месте — самоубийство. Он перехватил книгу одной рукой, резко крутанулся на пятках и вновь бросился в спасительную темноту леса, слыша за спиной тяжелый топот шести конечностей и булькающее, предвкушающее рычание погони.

Святой Павел не собирался ждать, пока демоны придут в себя. Он дал деру ровно в тот момент, когда портал за спиной русалки закрылся, оставив на поляне лишь запах солёных вод и шипящую от боли нечисть.

Спасая девушку из лап мучителей, он совершил роковую ошибку — совершенно не подумал о путях отхода.

— Как теперь спастись буду я!? — прохрипел юноша, продираясь сквозь колючий кустарник, ветки которого рвали его черную сутану в клочья. — Это же не демон-удильщик, что привязан к морю, а проклятая суша! Они люди земли, они знают здесь каждый корень. Они точно поймают меня!

Позади раздался торжествующий вой. Демоны перестроились: двое отрезали путь к лесу, остальные начали обходить с флангов. Павел бросился к отвесной скале, возвышавшейся над лесом черной стеной.

Ухватившись за узловатые корни древней ели, которая каким-то чудом проросла прямо в камень, оплетая гранит подобно японскому бонсай, он начал отчаянный подъем. Пальцы скользили по мокрому мху, ноги искали малейшие выступы.

В этот момент тонко просвистела стрела. Острые прошло в миллиметре от уха, срезав прядь волос, и с глухим стуком впилося в древесину корня прямо перед его носом. Павла

сорвало вниз. Сердце пропустило удар; он повис на одной правой руке, цепляясь мертвой хваткой. Ноги болтались над пропастью в двадцати метрах от острых камней.

Собрав волю в кулак, клирик уперся носком сапога в крошечную трещину, подтянулся и вернул себе равновесие. Страх придал сил — он продолжил взбираться выше с удвоенной скоростью, игнорируя жжение в плечах.

Просвистела ещё одна стрела. На этот раз она была точнее. Железный наконечник пробил грубую ткань сутаны между лопаток и вошел глубоко в мышцу. От приступа нахлынувшей обжигающей боли у Павла потемнело в глазах. Мир качнулся, пальцы едва не разжались, но адреналин оказался сильнее. Он перекинул тело через край обрыва, тяжело дыша.

Преследователи уже карабкались следом. Их когтистые лапы мелькали совсем близко внизу. Не вставая на ноги, Павел подполз к краю, схватил валун размером с человеческую голову и, кряхтя от натуги, перевалил его через край.

Камень рухнул вниз, сбивая первого демона. Тот увлек за собой второго, вцепившегося ему в спину. Раздался тошнотворный хруст костей и короткий предсмертный визг, поглощенный туманом ущелья.

— Это временная мера, но лучше, чем ничего, — выдохнул священник, зажимая рану рукой. Кровь липкими ручейками струилась между пальцами.

«Они ранили стрелой мое духовное тело в ментальном море», — пронеслась паническая мысль. «Но испытание неразрывно связано с плотью. Прямо сейчас, находясь у себя в комнате, я истекаю кровью на грани провала».

Увидев впереди темную стену деревьев, юноша забежал в чащу, петляя между стволами вековых дубов. Спрятавшись за гнилым пнем отдышаться, он попытался наложить простейшую печать регенерации из книги Мары, но дрожащие руки чертили неверные линии. Воздух пах прелой листвой и опасностью. Демоны быстро нашли его след — их звериное чутье работало безотказно. Свистнула очередная стрела, выбив кусок коры в сантиметре от головы Павла. Святому Павлу пришлось продолжить побег.

Ноги заплетались. Клирик подбежал к огромному серому валуну, прислонился к нему спиной, переводя дух. Холодный камень приятно остужал горящую кожу. Он чувствовал, как силы покидают его духовное тело вместе с горячей кровью, пропитавшей рубаху. Перед глазами поплыли черные пятна. Кровожадные тени уже подходили вплотную, растягиваясь полукругом, предвкушая легкую добычу.

Павел оттолкнулся от валуна, чтобы сделать последний, безнадежный рывок, но вдруг потерял точку опоры. Опора ушла из-под ног. Он повалился на бок, ожидая удара о землю, но вместо этого покатился по чему-то мягкому и теплему.

Раздался раскатистый медвежий рев, сотрясший саму твердь:

— Гра-а-а-а-а!

Это оказался не камень. Огромный голлем медленно повернул каменную голову, покрытую глубокими морщинами-трещинами. Его глаза вспыхнули тусклым янтарным светом.

— Больше всего я ненавижу демонов, — рокошующим басом произнёс каменный великан, поднимаясь во весь свой исполинский рост. Земля дрогнула.

Тело гиганта покрылось сетью огненных вен. Температура вокруг резко подскочила, плавя утреннюю росу в пар. Голлем со всей силы ударил кулаками по земле. Поверхность под ногами кровожадных людей мгновенно превратилась в лаву.

Демоны закричали нечеловеческими голосами — их кожа пузырилась, мясо отслаивалось от костей, обнажая черный дым внутри доспехов. Они начали гореть и развоплощаться, превращаясь в жирную копоть, оседающую на выжженную траву.

Те же немногие, кто успел среагировать и отступить от жара, тут же развернулись. Пробормотав гортанные слова на языке Бездны, они открыли светящийся зеленым портал и исчезли в разрыве завесы реальности.

Павел лежал на траве, укрытый тенью великана, и смотрел снизу-вверх с первобытным ужасом. Перед ним стоял каменный гигант, чья макушка терялась в кронах деревьев, покрытый пульсирующим жидким пламенем, словно живой вулкан.

— Что смотришь, человек?! — прогремел элементаль, заметив его взгляд. В этом реве не было злобы, только вековая усталость камня.

— П-п-простите! — Павел инстинктивно отполз назад, опираясь на локти. — Я знаю, это было невежливо тарашиться, но... я никогда не видел такого создания, как вы.

— Что? Никогда не видел Обитателя Недр? — в громовом голосе послышалась нотка искреннего удивления.

— Да, ведь я здесь впервые.

— Понимаю, человек. Ты пришел сюда в поисках силы, — констатировал голлем, глядя куда-то сквозь собеседника своими светящимися глазами. Затем его взгляд опустился ниже. Великан заметил расплзающееся кровавое пятно на одежде юноши.

Он тяжело шагнул вперед, отчего трава под его ступнями обратилась в стекло. — Твоя оболочка повреждена. Лежи спокойно.

Святой Павел замер, боясь пошевелиться. Гигант воздел огромные ладони. Ладони элементаля пылали чистым золотым огнем, похожим на солнечное ядро. Он медленно опустил руки к груди клирика, не касаясь ткани.

Юноша ощутил приятное, исцеляющее тепло, проникающее до самых костей. Боль в спине мгновенно утихла, сменившись чувством невероятной бодрости. Рана затянулась сама собой — края плоти сошлись, оставляя лишь свежий розовый шрам.

Изобилие жизни и духовных сил хлынуло в тело, возвращая здоровый румянец бледным щекам священника.

— Надо же! — изумленно выдохнул Павел, ощупывая исцеленный бок. — Я и не знал, что огонь умеет лечить.

— Ха, невежественный человек, — гулко усмехнулся голлем, складывая руки на груди. Огонь на его теле постепенно угас, возвращая коже обычный серый цвет гранита. — Ты ничего не знаешь о природе пламени. Это не просто уничтожение. Это печать огня, первооснова метаболизма любой клетки. Я высший элементаль. Этот мир сотворили из частиц первых элементов, таких же, как я.

— Так ты бог? — пораженно спросил священник, садясь на траву.

Великан издал звук, похожий на треск ломающегося ледника — так он смеялся.

— Нет, конечно. Боги — это дети. Капризные, шумные выскочки, появившиеся спустя эоны после нас. Я намного старше их всех. Я помню времена Хаоса и Тьмы, когда существовали только мы. Первые элементы — основы мироздания. Вы строите из нас дома и куете оружие, а все живое растет и развивается, питаясь нашей энергией. Мы и есть всё сущее во вселенной.

Осознание мощи, стоящей перед ним, пьянило. Павел понял, что если заполучит такого защитника, никакая церковь будет не страшна. В нем всколыхнулась отчаянная надежда обрести могущественного хранителя. Он поднялся на колени и низко поклонился, прижимая книгу Нави к груди.

— Скажите, господин Древний, — голос юноши звенел от напряжения. — Не могли бы вы заключить со мной контракт?

Гигантский голлем встал в полный рост, разминая массивные ноги после долгого геологического застоя. Каменные суставы издавали скрежет. Он посмотрел на хрупкого человека сверху вниз, словно оценивая муравья.

— Это невозможно, — вынес он решительный вердикт. Его янтарные глаза стали холодными. — У тебя нет нужного таланта. И я жду другого. Хвастливого мальчишку, что явится за мной через две тысячи лет. Он станет Величайшим Магом в истории этого Мира. Мой избранник — Геомант, что одолеет Легендарную Нежить и спасет планету Зион. А ты... ты дитя

Тьмы. Ты не сможешь освоить мой дар. Отправляйся к ведьме, что хранит руины старого мира. Там ты получишь желаемое.

— Но где мне их искать? Куда идти? — разочарование Павла было почти физически болезненным.

Элементаль вытянул свою колоссальную руку-кряж, указывая толстым пальцем, напоминающим колонну древнего храма, направление сквозь деревья.

— Иди прямо по этой тропинке, которую топчут твои преследователи. Она приведет тебя к ответу.

Святой Павел еще раз поклонился, благодаря не столько за отказ, сколько за спасение жизни, и отправился в путь, постепенно удаляясь все дальше от спящего гиганта.

Пройдя уже некоторое время по лесу, утопая по щиколотку в синеватом мху, он решил передохнуть. Священник сел на поваленное дерево, достал флягу с водой и сделал глоток. Лес вокруг казался обманчиво тихим, но Павел кожей спины ощущал тяжелый, незримый взгляд, следящий за ним из самой глубокой тени чащи.

— Говори, мальчишка! Что ты делаешь в этом мире? И как ты сюда попал?

Священник резко обернулся на звук властного голоса. Густой туман Нави, пахнущий прелой хвоей и озерной тиной, расступился, выпуская всадника. Он сидел верхом на огромном белом волке; шерсть зверя отливала серебром, а глаза горели холодным сапфировым огнем, словно две звезды в бездне. Сам мужчина был облачен в кожаный доспех, увешанный когтями лесных духов, а за его спиной виднелся изгиб тяжелого составного лука.

Не зная, что ответить, Павел судорожно сглотнул пересохшим горлом. Пальцы сами собой выхватили из-под полы сутаны книгу Нави. Он выставил черный переплет перед собой, закрываясь им как щитом. Юноша зажмурился в ожидании разрушительной вспышки — того, как страницы исторгнут чистую аннигиляцию, стирая наглеца из реальности. Однако ничего не произошло. Тьма внутри фолианта лишь глухо заворчала, недовольная тем, что её потревожили впустую.

Павел начал медленно, шаг за шагом, отступать назад, пока каблуки его сапог не ударились о древесную преграду. Он споткнулся о толстый корень дерева, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но центр тяжести уже сместился. Священник тяжело повалился навзничь, приложившись затылком о мерзлую землю так, что перед глазами поплыли цветные круги.

Увидев это, уголки губ незнакомца дрогнули в снисходительной усмешке.

— Так ты пришел в поисках силы, — констатировал он, неспешно перекидывая ногу через хребет зверя. — Проходишь своё испытание, смертное дитя.

Мужчина спустился со спины волка. Земля едва слышно хрустнула под тяжестью его шагов. Егерь протянул руку, предлагая подняться. Несмотря на изначальный испуг, клирик ни секунды не сомневался. Этот мужчина почему-то вызывал у него странное чувство защиты и первобытного тепла, которого так не хватало в промозглом, духовном измерении Мары. По этой причине он решил ему довериться. Павел вложил свою дрожащую ладонь в широкую, покрытую старыми шрамами руку.

Мужчина рывком поставил юношу на ноги, небрежно смахнув прилипшую к сутане грязь.

— Пойдем со мной в Клан Волка, — кивнул он в сторону чащи. Голос звучал раскатисто, как камнепад. — Здесь находится опасно. Скоро рассвет духов, и голодные тени выйдут на охоту.

Святой Павел благодарно кивнул, плотнее прижимая к груди спасительную книгу.

— Но кто вы такой? — спросил он, стараясь ступать след в след за провожатым, чтобы не хрустеть ветками.

— Я Егерь Ночной Волк.

— Рад знакомству, моё имя Павел. Вы первый в этом мире, кто не пытается меня убить или сожрать заживо.

Ночной Волк тихо хмыкнул, поглаживая загривок своего зверя по-отечески ласково.

— Хорошо, смертное дитя, но запомни одно правило: никогда больше не называй своего истинного имени никому.

— Почему? — насторожился священник, поправляя съехавший капюшон.

— Узнав твоё настоящее имя, демон сможет похитить твою душу, захватить тело и открыть проход в твой мир. А ты останешься гнить в этом измерении навсегда, став безвольным рабом Бездны. Имя — это якорь души. Не отдавай его врагам.

— Я понял... Но вам можно доверять? — Павел заглянул в пугающие, но честные глаза духа.

— Конечно. Я не настолько мелочный или падший, чтобы желать души смертного ради забавы, — Егерь позволил себе легкую улыбку. — И я не демон. Я дух Ночного Странника. Я участник Смертельной Битвы, что проходит раз в тысячу лет между мирами. Вижу, тебя уже отметил Клан Моря.

— Скажи, ты уже встречал кого-то из морского народа? — сердце Павла пропустило удар.

— Пожалуй, да. Девушка-русалка. Она открыла звездное небо прямо посреди леса и нырнула в открытый космос. Эти люди называли её Дитя Моря. Редкий экземпляр для этих земель.

— Вот как. Значит, она выжила...

— Сначала доберёмся до Сокровенной Рощи, — прервал его Егерь. — Ты передохнёшь, поешь горячей похлебки, а там и с Кланом Моря свяжемся через шамана.

Видя, что мужчина не является озлобленным духом, а говорит с мудростью старика, Павел решил:

— Скажите, господин Ночной Волк. Могу ли я заключить с вами контракт?

Егерь остановился так внезапно, что Павел чуть не врезался в его спину. Мужчина повернул голову, и в его глазах мелькнуло искреннее веселье.

— Я дух воина, Воплощение Чести и Доблести. А ты волшебник, чья сила растет из самой пустоты. Контракт со мной не сможет раскрыть весь твой потенциал. Тебе нужна Ведьма из Старых Руин. Да, и возможно, шаман нашего племени также может обучить тебя основам контроля потоков, чтобы тьма стала послушным инструментом.

— Неужели маги это такая редкость? — удивленно вскинул брови Павел.

— Ха, конечно! — громыхнул Егерь. Его волк согласно рыкнул, оскалив пасть. — Встретить Мага Тьмы всё равно что поклониться живому Будде. Даже в мире духов и магии они редкие существа. И потому настолько ценные. Они словно боги среди смертных. Их дар обычно убивает или обращает в Кошмар. Либо возвышает до демиургов.

Тем временем путники вышли из лесной чащи и увидели поселение Клана. Деревянные дома на сваях были окружены частоколом, украшенным черепами пещерных медведей. Но утреннюю тишину разорвал лязг стали.

Павел выглянул из-за плеча проводника и замер. Те самые демоны, истязавшие русалку, вернулись. Но теперь их была целая орда — десятки теней высыпали из порталов, охватывая деревню полукольцом. Люди, пытавшие девушку, напали на Клан Волка Сокровенной Рощи.

Ночной Волк тут же отреагировал. Одним плавным движением он сорвал с пояса тяжелый боевой топор. Лезвие вспыхнуло синим пламенем боевого духа.

— Беги, смертное дитя! — прорычал Егерь, становясь в боевую стойку. Широкие плечи полностью заслонили подростка от надвигающейся угрозы. — Беги к морю, пока они заняты авангардом! Я задержу их!

— Но как же вы?! Разве вы не погибните?! — взволнованно воскликнул Святой Павел, чувствуя, как горло перехватывает паника. Он понимал, что против этой черной волны даже могучий дух долго не продержится.

— Не беспокойся обо мне, щенок! — мужчина вдруг широко улыбнулся, обнажив крепкие зубы. Улыбка была абсолютно спокойной, лишенной страха. Он смотрел на испуганного подростка с надеждой и слегка подтолкнул его в плечо, указывая направление в обход поля боя. — Просто отправляйся к морю и приведи помощь. Дети Моря связаны договором с моим родом. Они помогут Сокровенной Роще. Это твоя задача сейчас!

Павел хотел возразить, остаться и сражаться бок о бок, но ледяная сталь пальцев Егеря сомкнулась на его предплечье стальной хваткой.

— И помни, — голос духа стал тише, серьезнее, приобретая пророческие нотки. — В будущем у тебя появится сын. Когда придет время, присылай его ко мне. Я заключу с ним контракт и стану его духовным наставником. А теперь беги!

С этими словами Ночной Волк развернулся. Белый волк рядом с ним утробно зарычал, обнажая клыки размером с кинжалы. Егерь издал громогласный боевой клич и бросился навстречу первой линии нападающих, исчезая в вихре кровавой пыли и звоне оружия.

Павел сжал зубы так, что заныла челюсть. Развернувшись, он сорвался с места, петляя между деревьями, сжимая в руке спасительную книгу. Теперь он бежал не просто в страхе, но с четким приказом Ночного Волка в ушах.

8. Уроки Легендарной Ведьмы Ламии в Руинах Старой Селесты.

Клирик кивнул, принимая неизбежность. Он устремился к краю скалистого обрыва, рискуя сорваться в любой момент. Внизу с ревом бушевало море. Огромные свинцовые волны разбивались о черные зубы скал, взметая фонтаны соленых брызг. За спиной юноши уже трещали ветки — кровожадные люди вырвались из чащи. Увидев добычу на краю пропасти, они незамедлительно бросились за ним в погоню, предвкушая расправу.

Павлу ничего не оставалось, как только прыгнуть с огромной скалы прямо в океан. Плотно сомкнув свои веки и прижав книгу Нави к груди, он полетел навстречу ледяной бездне.

Когда Павел открыл глаза, его взору открылось пространство, которое смертные называют космосом. Здесь не было ни воды, ни воздуха — лишь густая, осязаемая чернота первородного мрака. Вдалеке сияло множество звезд и туманностей, медленно дрейфующих в бесконечности.

В этот момент к нему величественно подплыл синий кит размером с небольшой остров. Его тело испещряли древние руны, светящиеся мягким голубым светом. Едва гигант коснулся плеча священника, всё вокруг преобразилось. Иллюзия пустоты спала.

Он узрел истинную мощь и невероятную красоту этого измерения. Множество различных духовных созданий пролетали мимо сквозь слои эфира. Гигантские полупрозрачные рыбы и черепахи, чьи панцири были сотканы из созвездий, различные духи стихий проплывали в пространстве. В отдалении показался Клан Моря.

У самого рифа, образованного костями древнего левиафана, их ждала Королева русалок. Она восседала на троне из живого коралла, а её волосы струились подобно зеленому дыму. Держа свой массивный трезубец, она грациозно поклонилась священнику.

— Смертное дитя, тебе нужна помощь? — её голос звучал одновременно везде, перекачиваясь, как подводный гул.

— Да, но не мне, — Павел шагнул вперед, падая на одно колено перед королевской особой. — Умоляю, спасите Ночного Волка! — с тревогой в глазах юноша произнёс эти слова, с надеждой вглядываясь в холодные, нечеловеческие лица морского народа.

Королева переглянулась со своими советниками. На её лице отразилось понимание.

— Как скажешь! Мы отплатим тебе за спасение принцессы моря долгом чести и прогоним демонов из Сокровенной Роши.

Она подняла трезубец высоко над головой. Острие оружия вспыхнуло, разрывая ткань реальности. Королева открыла портал, через который виднелось поле боя: горящая деревня и одинокая фигура Егеря, окруженная ордой теней.

Святой Павел увидел мужчину, отчаянно отбивающегося от троих демонов сразу, и прокричал:

— Ночной Волк!

Мужчина на мгновение обернулся, уклоняясь от когтистой лапы. Он улыбнулся Павлу разбитыми губами и ответил:

— Я верил в тебя. Ты достойный юноша.

Сотни русалок, вооруженных зазубренными гарпунами из китовой кости, бесшумно вошли в портал. Вода хлынула на сухую землю деревни, мгновенно превращая поле боя в родную стихию для Детей Моря. Они помогли отбить атаку, насаживая демонов на копыта и утаскивая их в темные глубины портала.

Наблюдая за тем, как порядок восстанавливается, Павел собрался с мыслями.

— Как хорошо, что всё закончилось, — выдохнул он с облегчением. — Но мне всё ещё нужно добраться до Ламии, что правит руинами старого мира.

Королева кивнула ему и взмахом трезубца призвала синего кита. Тот подплыл ближе, подставляя свою широкую спину.

— Он поможет пересечь Звёздное Море и доставит тебя на остров ведьмы. Храни его мудрость, клирик.

Синий Кит, хранитель моря, довёз его на своей огромной спине, рассекая потоки космической энергии, на остров Ламии — Владычицы Тьмы.

На острове раскинулось бескрайнее поле Ликорисов, растущих прямо из застывшего бытия. А за ними возвышались величественные руины старого мира — Небесного Города Селесты, где когда-то был дом великой волшебницы. Шпили башен парили в воздухе вопреки законам гравитации, удерживаемые лишь волей хозяйки места.

Святой Павел прыгнул со спины Кита, почтительно поклонился женщине, вышедшей из тени разрушенной арки, и сказал:

— Я ищу ваших наставлений, прошу, станьте моим учителем.

Он сохранял смиренную позу, сложив руки на книге, ожидая ответ.

Ламия была прекрасна той хищной, опасной красотой, что пугает и притягивает одновременно. Её волосы словно Тьма Космоса с отражением галактик, кожа напоминала бледный мрамор, а глаза пылали расплавленным золотом. Она долго молчала, изучая юношу, прежде чем поднять свой профиль и окинуть юного священника одобрительным взглядом.

— Раз ты добрался до моего острова, преодолев страх падения и гнев Завесы... — протянула она, делая плавный жест рукой. — Ты достоин получить мои наставления.

Юноша сложил ладони вместе и слегка поклонился еще раз, чувствуя, как гора сваливается с плеч.

— Благодарю, учитель! Жду ваших наставлений.

Ведьма одобрительно кивнула и повела его по тропе из лунного камня вглубь руин.

Юный клирик наконец встретил великую волшебницу и хотел задать вопрос, который беспокоил его с самого начала обучения у епископа Алларика.

— Скажите, наставница, — начал Павел осторожно, пока они шли мимо фонтана, бьющего черной ртутью. — Вы та легендарная ведьма, что правила этими руинами тысячи лет? А затем вас одолели рыцари Святого Королевства?

Ламия остановилась. Она запрокинула голову и искренне, звонко расхохоталась. Эхо смеха прокатилось по мертвому городу, заставляя пыль древних камней подниматься в воздух.

— Ха-ха! Меня не могли одолеть какие-то букашки в консервных банках, мальчик. Я сама покинула мир смертных. Я ушла в Мир Нави по своей воле, так как уже достигла предела смертной жизни и вознеслась. А Церковь просто распространила эту сказку про победу над злой ведьмой, что правила руинами старого мира и превращала глупых рыцарей в цветы Ликориса. Им нужен был идол победы.

Юноша опустил глаза и поджал губы. Вся его вера в историю Ордена дала трещину.

— Так это всё ложь... — прошептал он. — Скажите, учитель...

— Отчасти, — пожала плечами Ламия. Цветы вокруг неё начали медленно увядать от всплеска её раздражения. — Рыцари действительно приходили, и я действительно превратила их Ликорисы. Но это не имеет значения. Прошлое мертво. Я поведаю тебе настоящую историю сотворения мира. Это будет наш первый и последний урок. Так что слушай внимательно.

Она щелкнула пальцами, и они оказались на вершине самой высокой башни, откуда открывался вид на весь Мир Нави.

— Ты попал в Мир Нави. Измерение, что создала богиня Мара из своих грез, где духи древнего мира и очищенные смертные могут существовать в мире. Однако Кошмары Чистилища — лютые мертвецы и твари Падших — постоянно пытаются проникнуть в наше царство

духов через Завесу. Нам приходится вести бесконечную битву добра и зла. Наше противостояние неизбежно. Это закон мира.

— Для смертных и различных зверей это загробный мир, куда они попадают после гибели плоти, — продолжила ведьма, глядя вдаль. — Но такие, как я, что существуют достаточно давно, уже не имеют границ жизни и смерти. Наше могущество лежит за пределами мира смертных. Своим присутствием мы пытаемся сохранять баланс, чтобы реальность не вернулась обратно в первородный Хаос или не обратилась в пустоту Космоса.

Ламия повернулась к ученику. Её золотые глаза смотрели прямо в душу Павла.

— Теперь твоя очередь выбирать, дитя Тьмы. Будешь ли ты сражаться за этот баланс, или позволишь Пустоте поглотить всё сущее?

Ламия научила Святого Павла Магии Бездны и стала его духовным наставником на пути культивации Мастера Проклятий. Клирик почувствовал, как наставления Легендарной Ведьмы изменили саму структуру его ментального моря. Благодаря знаниям Древнего Мира он обрёл колоссальную мощь: кровь в венах потяжелела, а разум стал кристально чистым. Он ощутил наполняющую душу энергию — не божественный свет, но первородный мрак.

— Энергия космоса — это и есть энергия Тьмы, — вещала Ламия, пока они стояли на руинах обсерватории. Её голос эхом отражался от парящих камней. — А энергия звёзд — это Хаос. Космос — душа вселенной, а звёзды — её тело. Так и сосуд человека состоит из двух энергий — Тьма и Хаос. Они кружатся в вечном танце Океана и Луны, Инь и Ян — гармония вселенной.

В этот момент Святому Павлу приоткрылась тайна о сотворении мира. Возможность прикоснуться к миру Богов, что был выше понимания смертных, обожгла его сознание ледяным огнем истины. С этого момента он больше не нуждался в слепой вере догматов церкви. Юный клирик точно знал, что мир за пределами жизни существует.

— Значит, богиня Мара сотворила всё сущее? — удивлённо спросил юноша, глядя на свои руки, которые едва заметно подрагивали от переполняющей силы.

— Не совсем так, дитя, — ведьма усмехнулась, поправляя складки своего одеяния из теней. — Только Мир Духов принадлежит ей. Она хранитель всех светлых душ загробного мира. А измерением Чистилища правит Чернобог, где пребывают демоны и кошмары. Это темница Падших. Туда попадают души, пошедшие по тёмному пути или умершие без имени.

— Как мне узнать подробнее об устройстве миров?

— Чтобы узнать подробнее о мире, тебе нужно обрести силу. Затем покорить Башню Бога, пройдя все её испытания, и вознестись. Только так тебе откроется истина. За пределами жизни, за пределами смерти, за пределами неба, вне времени и пространства. Там ты сможешь найти свой истинный путь.

Закончив свою лекцию, ведьма отвела его на стадион разрушенного города. В центре арены росло одинокое высохшее дерево.

— Сейчас я отправлю тебя на испытание, — её золотые глаза опасно сузились. — Ты должен пройти его достойно. Если ты провалишься... я превращу тебя в цветок Ликориса, который будет цвести вечно даже после гибели миров.

Она протянула ему кинжал с рукоятью из черного стекла.

— Воспользуйся этим оружием. Клинок можно использовать только на этой локации, по завершении задания он исчезнет.

Ламия хлопнула в ладоши, открывая рябящий словно вода портал в измерение Башни Бога.

— А теперь иди, встретить свою судьбу.

Войдя в портал, Павел замер. Перед ним раскинулось поселение Монстров. Они не прятались во тьме пещер, как гласили церковные байки. Огромные рогатые существа ходили по улицам, держась за руки со своими чешуйчатыми детьми. Кто-то покупал товары в лавках,

торгуясь за пучки светящихся трав. Другие стояли у лотков со сладостями из застывшей смолы. В атмосфере витало изобилие жизни. Счастье и гармония наполняли сердца окружающих существ.

Это задание было основано на противостоянии фракций. Люди находились за пределами городка, прячась в лесополосе, и пытались захватить его. А монстры просто жили здесь, пытаясь держать оборону.

На испытании у него был выбор: помочь людям прогнать «тварей» из посёлка, или убить людей, защитив поселение от захватчиков.

Монстры неспешно перемещались по улицам, наслаждаясь мирным днем, а люди всё время пытались их убить, устраивая засады в кустах. Совершая мелкие набеги, они закалывали зазевавшихся жителей ржавыми ножами. Но было ясно одно. Человечество готовилось к последней войне, где задействуют все оставшиеся силы. И в этом бою решится, кто победит, а кто исчезнет из этого мира уже навсегда.

Святой Павел сразу понял суть урока. Убивать нужно тех, кто пришел с оружием – самодовольных агрессоров, и неважно, монстр перед ним или человек.

Пройдя немного по улице, он увидел женщину с девочкой лет семи. Пригнувшись за телегой, они сжимали в руках заточенные колья и пытались напасть на крупного минотавра, читавшего книгу сидя на скамейке у дома. Однако, увидев человеческого юношу в черной сутане, женщина тут же вскочила и решила привлечь его внимание, выдавливая из себя фальшивые слезы.

— Помогите нам! Умоляю, помогите убить это чудовище! Оно захватило наш дом! И убило моего мужа!

Клирик остановился. Он почувствовал фальшь в дрожащем голосе женщины и заметил, как девочка хищно оскалилась, обнажив нечеловечески острые клыки. Он догадался мгновенно.

— Это не ваш дом, а его, — холодно произнес Павел, доставая выданный Ламией кинжал. — Вы просто пытаетесь ограбить хозяина моими руками, мерзавки!

Святой Павел сделал выпад вперёд. Лезвие легко вошло женщине под ребра прямо в живот. Она булькнула кровью и осела на брусчатку, выронив кол. Её дочери он молниеносным движением перерезал горло одним широким взмахом, прежде чем та успела броситься на него. Девочка рухнула рядом с матерью, заливая камни густой багровой жижей.

Наблюдавшая через магическое зеркало Ламия аж взвизгнула от удовольствия, увидев это. Она восторженно всплеснула руками, словно наблюдая комедийное шоу.

— Ты действительно достойный ученик! Сразу раскусил суть испытания, в отличие от этих примитивных героев с их раздутым самомнением и тупостью.

Потирая руки в предвкушении, она продолжила наблюдать, подавшись вперед.

Святой Павел в это время уже начал кромсать людей, вышедших из леса. Он двигался как тень, вспарывая им животы и разрезая шеи. Кровь шла прекрасным дождём, стекая в ручейки городских улиц.

— Поистине, впечатляющее зрелище, — прошептала ведьма, улыбаясь безумной, счастливой улыбкой. — Он будто не огранённый алмаз, что ждал своего часа. А теперь... засиял.

Истребив всех людей-агрессоров до единого, он прошёл испытание. В центре посёлка, там, где раньше стоял фонтан, появилась каменная плита, на которой виднелся текст, источавший мягкое зелёное свечение.

Юный священник сразу понял — это Священный Скрижаль. На каменной плите была написана фраза из священного писания:

«Люди дали ей имя. А затем она вознеслась».

Эти буквы светились, источая густую духовную энергию. Она начала проистекать в виде линий света, что незамедлительно впитались в тело юноши сквозь поры кожи. Эта была скри-

жаль Старого Мира — Имя. Такие каменные плиты в эпоху богов не были редкостью, но немногие из них удалось сохранить до нынешних времен.

Впитав энергию Вознесения, Святой Павел получил откровение. Его зрачки расширились, охватывая невидимый спектр.

— Имя нужно для вознесения души, чтобы закрепить её в вечности... — прошептал он, опускаясь на колени посреди трупов. — Но это только одна из возможных скрижалей. Для полного вознесения нужны все оставшиеся. Но где их искать? И сколько испытаний мне предстоит пройти? Сомневаюсь, что Ламия так просто даст ответ. Скорее всего, каждое следующее слово будет стоить дороже предыдущего.

Немного подумав, взвешивая тяжесть только что пролитой крови на своих руках, он шагнул в портал и завершил испытание.

По возвращении его ждала Ведьма. Она стояла посреди руин, небрежно поигрывая чем-то в руках. Увидев ученика, она удовлетворенно улыбнулась уголками губ.

— Ты достоин быть моим учеником, юный чернокнижник, — произнесла Ламия, протягивая ему ладонь для рукопожатия. Из её пальцев сочилась чистая энергия Бездны. — Из тебя получится достойный маг Тьмы.

— К тому же ты сделал правильный выбор, — продолжила она, убирая руку. — Те люди, которых ты убил... они пришли из мира смертных не ради спасения, а дабы выкрасть сокровища древних духов этого острова.

— Значит, они обычные мародёры? — Павел стряхнул с сутаны невидимую пылинку, стараясь скрыть дрожь возбуждения.

— Не совсем обычные, но суть та же — Падшие, — ведьма щелкнула пальцами, и трупы на арене вспыхнули зеленым пламенем, обратившись в пепел. — Да, и демоны, которых ты встречал до этого в лесу, тоже когда-то были людьми.

— Но учитель... Я не понимаю, какая тут связь. Почему именно человек?

— Всё просто, дитя, — Ламия подошла ближе, её глаза цвета расплавленного золота заглянули прямо в душу юноши. — Только люди могут стать настолько ужасными тварями, что их отвергает Земля, Небо и даже Чистилище. Духи и элементы ограничены своей природой. И только человек может эволюционировать в злобного Кошмара, пожирая чужие души ради силы.

— И всё же наставница... — голос Павла дрогнул от восторга, который он больше не мог скрывать. — Находясь там, я ощутил, что убивать людей — это восхитительно! Их страх... он слаще нектара!

Ведьма понимающе кивнула. В её взгляде промелькнуло узнавание — она видела то же безумие в зеркале тысячи лет назад. Она внесла ясность, объясняя своему ученику суровую правду:

— Это влияние Кошмара. Энергия Падших ядовита. Постепенно эта энтропия может превратить в демона даже самую светлую душу, выжигая человечность дотла. Так что будь осторожен, когда будешь сражаться с ними. Не позволяй тьме поглотить свою личность.

Затем она протянула ему кинжал в черных ножнах, украшенных вышивкой из цветов Ликориса, на эфесе которого был выгравирован знак песочных часов.

— Это клинок Арокии, — сказала Ламия, вкладывая рукоять в ладонь Павла. — Я даю тебе его в дар. С помощью него ты сможешь создавать проклятые артефакты и запечатывать души.

— Учитель... Но кто такая Арокия? — пальцы юноши сомкнулись на холодном металле, чувствуя пульсацию спящего внутри духа.

— Хороший вопрос. Однако тебе не стоит мучить себя сомнениями о прошлом, — ведьма отступила на шаг. — Арокия — это древний элементаль Тьмы, что изготовил для меня этот артефакт. И к тому же это мой дух-хранитель.

— А я могу заключить с ним контракт? — с надеждой спросил Павел, вспоминая слова Ночного Волка.

Ламия отрицательно покачала головой. Её лицо стало серьезным, почти трагичным.

— Древние сами выбирают себе контракторов. Они видят нити будущего и ждут своего избранника. Этот юноша придет в наш мир вместе с твоим сыном через две тысячи лет.

— Моим сыном? — переспросил Павел, нахмурившись. Он никогда не думал о детях, его ум занимала лишь месть.

— Да! С твоим сыном, — подтвердила ведьма, и её тон стал жестким, как сталь. — Так что постарайся вырастить его достойным сопровождать Лорда Тьмы. И запомни! Ты должен его отпустить. Отпустить в тот самый день, иначе временная петля не запустится, и через двести тысяч лет всё сущее исчезнет из этого мира, растворившись в пустоте космоса. Время здесь течет иначе, но Закон Мира един для всех измерений.

— Я понял, наставница.

— А теперь ступай. Возвращайся в мир смертных. Твой путь только начинается.

Павел покинул остров. Вернувшись в свою комнату при соборе, он рухнул на соломенный тюфяк, сжимая подарок Ламии. Теперь он знал: его сын Лео должен встретить через две тысячи лет этого Темного Мессию.

Но каким образом он сделает это? С помощью ритуалов долголетия или контракта с духами, возможно, получится прожить столько лет самому. Теперь осталось вырастить сына, а затем отказаться от него, предоставив его пророченной судьбе.

Когда его сын Лео отправится в это измерение, он проведет тысячу лет в ментальном море и будет изучать боевые искусства у Ночного Волка. Поэтому он и станет самым могущественным воином королевства Орлей.

В будущем, уже вместе с Остином, они начнут своё путешествие по царству Духов Нави. И встретят древний дух этого измерения — дракона Сефару, что создала океан из драконьих слёз. Она является праматерью океана и многих созданий, что населяют этот мир.

9. Артефакты из человеческих тел. Месть епископу Алларику.

Получив наставления Ламии по темной магии и культивации души, Святой Павел приступил к выполнению своего плана возмездия. Его цель была близка, но для создания истинных проклятий нужны жертвы и мстительные духи, коих в городе бесчисленное множество.

Юноша открыл свои духовные каналы, впуская энергию души в меридианы тела, и начал совершенствовать своё ментальное море, идя по пути Мастера Проклятий.

Сперва он решил создать проклятые артефакты, которые чернокнижники изготавливают из человеческих тел.

Для начала Павлу требовался материал. Он спустился в катакомбы под собором, где покоились останки казненных еретиков. Воздух здесь был спертым, пахнущим пылью и сухим деревом.

— Вы послужите моему возвышению, — прошептал он, проводя рукой над рядами черепов.

Он выбрал самые черные кости тех, кто умер в ярости. Положив один из черепов на алтарь, Павел достал клинок Арокии. Он сделал неглубокий надрез на своем запястье.

— Кровью жизни и даром смерти, — зашептал он формулу, которой научила его Ламия. — Заклинаю твой гнев остаться в этом мире.

Черная кровь закапала в глазницу черепа. Как только первая капля коснулась мертвой кости, воздух в склепе загустел. Череп дернулся, челюсть клацнула. Из пустых глазниц повалил густой черный дым, принимая форму искаженного человеческого лица, беззвучно кричащего от вечной муки.

— Добро пожаловать в мою коллекцию, — ухмыльнулся Павел, наблюдая, как дух отчаянно пытается сбежать, но вязнет в пропитанной тьмой кости. Юноша чувствовал абсолютную власть над этой сущностью. Ощущение было острее любого плотского удовольствия.

После чего клирик продвинулся дальше.

Благо негодяев в городе хватало с избытком, и один из таких был доставлен капитаном рыцарей к нему лично. Лорд Аксель заранее знал о просьбе своего сына, жаждущего плоти для ритуалов, и решил помочь ему самым доступным способом — избавив город от мусора.

Дело в том, что незадолго до этого парень по имени Тибальт обокрал своих выпивших приятелей-картежников, вытащив кошель прямо из сапога одного из них. Когда они проснулись на заднем дворе таверны «Майя» и обнаружили пропажу, то сразу же отправились на поиски воришки. Они нашли его прячущимся в сточной канаве.

Сначала парни выпустили пар, долго и со вкусом пуская кровь кулаками, а затем решили сдать воришку храмовникам.

Они хотели забить его до смерти прямо там, но если об убийстве прознает церковная стража, их скорее всего повесят на площади перед храмом в назидание другим бродягам. Ничего не оставалось, как только положиться на суд божий и благосклонность капитана Готье.

Рыцари втокнули связанного оборванца в кабинет лорда-капитана.

— Лорд Аксель, мы привели задержанного.

— Хорошо, оставьте его здесь, вы пока свободны.

Тяжелая дубовая дверь закрылась. Рыцари вышли в коридор, но остались стоять у входа, инстинктивно стараясь держаться подальше от кабинета командира.

Внутри пахло воском и дорогим табаком. Алкаш сплюнул кровавую слюну на мраморный пол.

— Какая честь! — прохрипел он, криво усмехаясь разбитыми губами. — Меня, обычного бродягу, удостоил «честь» сам дворянин своим присутствием.

— О, как ты ошибаешься, — Лорд Аксель растянулся в хитрой, почти акульей улыбке и начал медленно отстукивать пальцем по рабочему столу глухой, похоронный ритм. — Это для меня великая «честь».

Сделав паузу, он подался вперед, пристально глядя прямо в глаза пойманному карманнику. Его взгляд был тяжелее латного доспеха.

— Ты и представить себе не можешь, что тебя ждёт.

Почему-то от этих тихих слов и пронзительного взгляда сердце негодяя похолодело, словно окунулось в ледяную купель, а душа ушла в пятки. У него начало собираться недоброе предчувствие, липким ужасом стекающее по позвоночнику.

Теперь он стал понимать, что попал в казематы инквизиции, в логово самого дьявола. Во вселенной всем известно, что церковь может заставить умолять человека о смерти. Ибо смерть — это спасение от бремени мучительной жизни.

Неожиданно для себя, подчиняясь гипнотическому взгляду капитана, он начал сознаваться во всём, что совершил за свою жалкую жизнь. Слова лились сами собой: он вспомнил даже своё голодное детство, украденную булку хлеба и рассказ про свою маму-прачку, умершую от чахотки. Однако лорд Аксель Милан Готье уже принял решение. Этот материал идеально подходил сыну.

Этого вороватого алкаша отправили в закрытых носилках за час до полуночи в старый собор, где его ожидал Святой Павел.

Павел стоял в крипте собора, освещенной лишь тусклым светом луны, падающим через потолочное окно. Воздух здесь был густым от запаха крови и озона. Когда носилки опустили на каменный пол, юноша откинул крышку.

— Святой отец... что со мной произойдёт? — прошептал воришка, пытаясь отползти назад, но уперся спиной в алтарь.

Павел склонился над ним. В глазах клирика зажегся голубой огонь.

— Ты даже не понимаешь, — голос Павла звучал отстраненно и спокойно, — что удостоился возвыситься в своей никчёмной жизни. Тебе оказали великую честь. Ты не попадёшь в тюрьму или на каторгу, чтобы гнить заживо. Ты обретёшь вечную жизнь, пусть даже не человеком, но приносящим славу артефактом.

Священник достал из складок сутаны кинжал Арокии. Черное стекло лезвия поглощало лунный свет.

— Это клинок Арокии, — продолжил Павел, проводя пальцем по зазубренному краю. — Он закалён болью в течении тысячи лет. Редкий артефакт, добытый в руинах Ламии. Эта ведьма превращала рыцарей в цветы.

— Что вы собираетесь делать?! — Незадачливый воришка смотрел на священника расширенными от ужаса глазами, чувствуя, как намокают штаны.

— Я изготовлю из тебя артефакт «Рука Славы», — Павел говорил это так буднично, будто разделявал рыбу. — Приносящий успех в карьере и общественное признание. Окружающие будут проявлять к владельцу артефакта благосклонность и поддержку.

— Пожалуйста, нет...

— Этот артефакт изготавливается из правой руки вора строго в полнолуние.

Святой Павел взял за запястье дрожащего негодяя. Одним резким движением он заломил руку вора на холодный камень алтаря. Затем юноша поднял кинжал Тьмы. Лезвие вошло в плоть без малейшего сопротивления, словно нож в теплое масло. Ведьмин клинок впитал в себя боль веков, и потому жертва даже не дернулась от первого удара.

Клирик начал произносить заклинание на языке Древних, которому научила его Ламия:

— Алчная душа, твой последний момент сияния славы останется в этой руке.

Воришка пытался закричать, но не мог. Проклятие парализовало его гортань. Он продолжал судорожно открывать рот, хватая воздух, и безмолвно рыдать, умоляя о быстрой смерти, которой ему не дали.

Затем священник методично перешел ко второй части работы. Он взял левую руку воришки, крепко зафиксировав её коленом.

— Мизинец левой руки отвечает за приток богатства, — пояснил Павел самому себе.

Раздался сухой хруст ломаемой кости, а следом — влажный удар клинка. Отрубленные пальцы покатались по алтарю. Ещё один артефакт — «Мизинцы Удачи». Артефакты, приносящие удачу в сфере финансов, будь то казино или лотерея; производство или любой бизнес начнёт приносить колоссальную прибыль. Этот артефакт изготавливают также из мизинцев вора в полнолуние.

Юноша аккуратно завернул трофеи в черный шелк и спрятал их в сумку. Воришка остался лежать на алтаре, истекая кровью, которая тут же впитывалась в древний камень, питая дух собора.

Клирик продвинулся дальше в своем обучении. Теперь он изучал проклятие «Слуги Нежити», требующее участия мстительных духов невинных. Для этого нужен был якорь — предмет, который станет тюрьмой для тысяч детских криков.

Он взял массивное серебряное распятие из ризницы — то самое, которое епископ Алларик прижимал к груди во время проповедей о любви к ближнему.

Павел отнес его на старое кладбище за чертой города, где в общей яме хоронили сирот из богаделен, убитых голодом и побоями наставников. Он оставил распятие воткнутым в рыхлую землю захоронения ровно на один лунный цикл, позволив земле отдать свой яд серебру.

Затем он забрал потемневший крест и опустил его в кадку с мертвой водой — жидкостью, собранной в подвалах морга, чтобы закрепить результат разложения духа.

Положив распятие на язык проклятой жабы, Павел произнес искренние слова ненависти, которые испытывал к епископу Алларiku каждое мгновение своей жизни. Каждое воспоминание об унижении стало топливом. Проклятое распятие было готово. Оно омылось болью и кровью на церковном алтаре, впитав в себя всю желчь юного мага.

Прошел месяц. Епископ внезапно начал болеть. Его кожа покрылась гнойными язвами, которые не брали никакие мази лучших лекарей королевства. Старик перестал спать, видя каждую ночь кошмары, где сотни детей тянули к нему свои изъеденные червями руки.

Священник боялся, что за ним пришли демоны Чистилища, однако он и представить не мог, что этого демона он взрастил сам. Своим лицемерием, ложью и жестокостью.

Его бесчисленное зло превратило Святого Павла в Кошмара. В живую волну тьмы, что тёмным приливом поглотит всё Святое Королевство и отправит миллионы душ в переходные земли Чистилища.

Но высокомерному епископу не суждено увидеть триумф ученика, так как его собственную душу поглотит этот юноша, которого он озлобил и сделал своим идеальным палачом.

Обезумевший епископ в припадке бешенства метался по собору, что-то бессвязно бормоча и постоянно озираясь. Его глаза, налитые кровью, не фокусировались ни на одной точке — он вглядывался в пустоту прямо над головами прихожан. А затем старик выбежал на дворцовую площадь, путаясь в полах тяжелой мантии, размахивая руками и истошно крича срывающимся фальцетом:

— Демоны! Демоны! Вы все демоны!

Святой Павел подошел к обезумевшему старику сквозь расступающуюся толпу.

— Ваше преосвященство, что с вами? — юноша склонил голову набок, улыбаясь уголками губ и продолжая наблюдать за агонией души.

А епископ в ужасе от него попятился, поскользнувшись на мокрых булыжниках. В этот момент ему чудилось в лицах зевак оскалы мертвецов и жутких тварей: у мясника выросла

кабанья морда, а у стражника вместо глаз зияли провалы черепов. К тому же призраки убитых детей всё время сидели у него на сутулой спине, вытягивая из него жизненные силы ледяными пальцами, превращая некогда властного мужчину в иссохшего старика.

Юный клирик тихо усмехнулся и начал медленно подступать к безумцу, играя на рукояти кинжала Арокии.

— Твоя душа черна, словно грех, Алларик! — голос Павла звучал сладко, но резал слух, как битое стекло. Он сделал театральную паузу. — Твои собственные грехи привели тебя к такому финалу!

Старый епископ выпучил глаза, его челюсть отвисла. Он указал трясущейся, узловатой рукой на юношу.

— Т-т-ты! Это всё ты! Ты запустил Тьму в храм Господа!

Епископ будто прозрел, находясь на самой границе миров жизни и смерти. Сквозь пелену безумия он увидел в юноше ту самую первородную тьму, что пустила корни в его сердце, оплетая разум лозой скверны, но ничего уже не мог с этим сделать.

Всё это время Павел носил с собой «Руку Славы» во внутреннем кармане сутаны. Артефакт воздействовал на окружающих, манипулируя их сознанием и внушая абсолютное доверие. Потому слова юного клирика казались горожанам неоспоримой истиной, гласом самого Неба.

— А не ты ли, епископ, своей алчностью превратил дом Господа в способ личного обогащения, выдирая последние гроши из своих прихожан?

— Ты грабил жителей! — продолжал Павел, наступая. Голос его становился громче, разносясь эхом по площади. — Убивал детей! И продавал девочек в балаган! За эти грехи ты сгоришь в очищающем огне!

Эти слова били точно в цель, разрывая остатки самообладания старика. Епископу нечего было возразить. Он знал, что каждое слово — чистая правда.

— Рыцари! Привяжите епископа к столбу и приготовьте костёр! — громко скомандовал юный клирик, обращаясь к замершей страже. — Он одержим дьяволом! Мы должны сжечь его ради спасения его бессмертной души!

Когда пламя Святого Пламени лизнуло сухие доски, а жар начал плавить кожу, епископ ощутил странное, почти детское облегчение. Боль отступила перед лицом вечности. В этот миг, сгорая заживо, он поднял взгляд и увидел в ясных глазах юноши Волю Господа. Павел мягко улыбнулся, шагнув вплотную к огненному кольцу, раскрыл рот — черный провал Бездны — и пожрал трепещущую душу Алларика. Алчный старик исчез из мироздания уже навсегда.

После казни город вернулся к обычной жизни. Торговцы снова разложили товары, дети играли в пыли, кузнецы били молотами. И всё же после смерти епископа атмосфера ощущалась как-то по-другому. Многие заметили, что после исчезновения этого коварного старика будто солнце стало ярче, а воздух чище.

Аура Святого Павла стала настолько подавляющей, что внушала священный трепет в сердца окружающих. Ему приходилось изрядно себя сдерживать, чтобы случайно не убить горожан энергией источаемой его могущественной душой — простое рукопожатие могло вызвать остановку сердца у обычного человека. Ему часто приходилось проводить время в храме в полном одиночестве, медитируя и совершенствуя дух.

После смерти Алларика Святой Павел занял его пост Верховного Инквизитора и унаследовал все предприятия епископа, в том числе и тот самый бизнес, что когда-то принадлежал его семье Саровских. Однако на этом он не остановился и продолжил реформы в королевстве железной рукой.

Ему удалось запретить торговлю детьми и решить давний вопрос с наказанием дворянства, что десятилетиями избегало ответственности за свои преступления благодаря золоту.

Правящий класс святого королевства уже перешел точку невозврата. С этого момента все их проступки будут преданы божьему суду и пройдут очищение в огне инквизиции.

Благодаря этому юноше Святое Королевство Орлей очистилось от внешней скверны и зла. Но бремя власти оказалось тяжелее, чем он предполагал. Чтобы удержать порядок и искоренить гниль аристократии, Павлу пришлось использовать те же методы, что и его враг. Шаг за шагом, сжигая врагов, он сам обратился праведным монстром.

10. Сен-Мари. Спасение Лео.

Лео был ребёнком из церковного приюта, его тайно продала старая монахиня Ирена, занимавшая пост директора. Святой долг заботиться о сиротах, потерявших семью, она превратила в прибыльный бизнес, обрекая детей на рабский труд. Однако тех, кто отличился и привлек её внимание, монахиня продавала аристократам для особых нужд. Таким образом Лео был продан местному алхимику.

Но с чего это всё началось?

Лео был крепким мальчиком, несмотря на скудное питание и режим как в ГУЛАГе. Узкие ребра выпирали сквозь застиранную рубашу, но руки уже бугрились мышцами от бесконечной тачки с кирпичами и холодной воды колодца. Он всеми силами старался выполнять все задания, пытаясь угодить монахине Ирене. Но святая дубачка, увидев его выносливость, отметила его для продажи.

Мальчик полагал, что заслужит уважение или доверие «Святой», но он даже не представлял, как жестоко заблуждался в этом.

— Преподобная Ирена, я выполнил все ваши задания.

— Как все? — старуха оторвалась от своих записей, и тусклый свет масляной лампы выхватил из полумрака её лицо, похожее на печеное яблоко. — Ты и кирпичи перетаскал на стройке! И огород полил до последней грядки! Удивительно!

Старая монахиня разглядывала мальчика так, будто впервые увидела мясную тушу на рынке. Запах ладана не мог скрыть исходящий от неё душок тлена и несвежего жира. Она сразу заприметила его товарные качества и одобрительно кивнула.

— Ты способный юноша, я тобой горжусь. Ты точно станешь героем церкви.

Она обняла Лео липкими, влажными руками, источая приторный аромат дешевых духов. Это прикосновение заставило кожу покрыться мурашками отвращения, но мальчик замер, боясь пошевелиться. Монахиня мысленно вспоминала вчерашнюю встречу с заказчиком. Она искала нужный товар и планировала уже сегодня вечером договариваться о цене.

— Как хорошо, что я тебя нашла, ты просто золотой ребёнок!

Директриса окинула жизнерадостным взглядом юное дарование, а затем, закинув руки за спину, отправилась дальше по своим делам, сохраняя самодовольную улыбку и мурлыкая себе под нос похабную матросскую песенку.

В этот момент Лео испытал непривычное для себя чувство: впервые в жизни его хоть кто-то похвалил. В своих фантазиях он будто обрёл несуществующую маму, о которой так мечтал долгими холодными ночами, свернувшись калачиком на гнилой соломе.

«Этот вредный покупатель такой придирчивый, — думала тем временем святая дубачка, шагая по гулкому коридору, где эхом отдавался детский кашель. — Искал выносливого мальчика. Черт! Сколько же он нервов мне потрепал. Его никто не устраивал. Однако Лео — это просто дар божий! Я смогу на нём заработать три годовых бюджета».

На следующий день она встретила с пожилым мужчиной в серой мантии. Он прибыл в приют сделать пожертвование и заодно осмотреть детей под видом благодетеля.

— Проходите, лорд Огюст, — учтиво лила слащавые речи предприимчивая монахиня, изгибаясь в подобострастном поклоне. Её пальцы то и дело теребили деревянные четки, выдавая хищное нетерпение змеи. Ради этого монашка готова была провести индивидуальную маркетинговую кампанию, ведь её алчная душа жаждала только власти и богатства.

— Вы так любезны, преподобная Мать Ирена, — масляно улыбнулся в ответ благородный старик, поправляя жабо из настоящего кружева.

— Пройдемте сразу в мой кабинет, обсудим все дела.

— Я бы хотел сначала взглянуть на... товар.

— Ох, конечно, сейчас его приведут.

Лео вызвали в кабинет директора. Скрипнув ржавыми петлями, тяжелая дверь отрезала его от унылого двора. Он вошел и смиренно склонил голову, лишь изредка исподлобья поглядывая на незнакомца, утопающего в бархатном кресле.

— Подними голову, мальчик мой, — с деланной любовью «святая мать» подошла и властно обняла юношу за плечи, словно закрывая его собой от сквозняка.

— Посмотрите, лорд Огюст, на его крепкие плечи и мускулистые руки, — старуха продолжала показывать и крутить мальчика, бесцеремонно щупая его бицепсы сухими пальцами. Она демонстрировала его тело, словно племенного бычка на ярмарке.

— Да, действительно, для своего возраста он хорошо сложен, — согласился пожилой аристократ, глядя на ребенка через толстые линзы очков без малейшей эмоции. Он продолжил, задумчиво потирая подбородок. — Думаю, он хорошо справится с «этим делом».

Предприимчивая «святая» начала хищно потирать ладони, предчувствуя удачную сделку. Сухая кожа трещала, как пергамент.

— Видимо, небеса сегодня на нашей стороне, лорд Огюст. Всё же я смогла вам угодить.

— Действительно, впечатляет, вам это удалось, — старик поправил очки, пристально разглядывая Лео, словно оценивая породистого пса. Затем обратился к Святой Матери Ирене. — Я остался доволен качеством товара. Поэтому я решил удвоить выделенную сумму.

— Вы так великодушны, мой лорд! Бог не забудет вашей щедрости, вы точно попадёте в рай! — монахиня всячески лебезила, продолжая хвалить своего благодетеля в надежде и в будущем получать с него прибыль. Слюна летела из её лживого рта, когда она говорила о золоте.

Лео смотрел то на преподобную мать, то на аристократа, ничего не понимая. Они говорят о какой-то сделке и товаре высокого качества, но он нигде не видит этого самого товара. Холод пробежал по спине мальчика липкой волной.

И в этот момент аристократ выходит за дверь кабинета, а директриса отправляет юношу следом за ним, подтолкнув в спину костлявым пальцем.

— Иди, тебе несказанно повезло! Это очень богатый человек. С ним твоя жизнь изменится.

— Что? Я не понимаю? Вы хотите принять меня в семью? — Лео удивлённо смотрел на пожилого мужчину, переводя взгляд с его дорогой обуви, пахнувшей новой кожей, на бледное, одутловатое лицо.

— Не задавай глупых вопросов, просто следуй приказам и обслуживай лорда Огюста как следует, — грубо отчитала его предприимчивая монашка, давая прощальный пинок коленом под зад для ускорения.

Но только они собирались покинуть двор приюта, скрипнув калиткой, как дорогу им преградили тени. Экипаж аристократа мгновенно окружили рыцари Святого Престола. Тяжелые латные сапоги ударили о брусчатку, выбивая искры. В наступившей тишине раздались уверенные шаги, и сквозь расступившийся строй вышел епископ Павел.

— Я запретил эту зверскую традицию торговать детьми, — голос епископа Павла прозвучал тихо, но ударил по ушам громче набата. Он стоял неподвижно, и осенний ветер трепал полы его черной сутаны, делая фигуру похожей на осколок ночи посреди белого дня. — Однако леопард не может избавиться от пятен, как и Святое Королевство от своих.

— Что здесь происходит?! — начал паниковать аристократ. Его холеное лицо пошло багровыми пятнами, а руки в перстнях мелко затряслись. — Преподобная мать, вы же сказали, проблем не будет!

Старая монахиня тут же сообразила и начала импровизировать по ситуации. Она мгновенно поменялась в лице: масляная улыбка сползла, уступив место маске праведного гнева. Слегка отстранившись от лорда, она изобразила наигранно-печальный вид, словно вот-вот лишится чувств.

— Да что ты несешь! — взвизгнула святая дубачка, всплеснув руками так резко, что широкие рукава её одеяния захлопали, как крылья стервятника. — Ты решил силой забрать это бедное дитя, если бы не святые рыцари! Ах... — коварная старуха вскинула руку ко лбу и начала идти, шатаясь, будто ноги внезапно отказались держать груз её грехов. Прикусив губу, она пустила струйку алой крови, делая как можно более жалкий вид.

Первое, что пришло ей на ум — разыграть карту жертвы, подставив аристократа под гнев церкви и выйти сухой из воды.

— Что-о-о?! — пожилой мужчина, выпучив глаза, начал хвататься за сердце пухлой рукой, будто у него случился инфаркт от возмущения. Он судорожно тряс кистью и указывал дрожащим пальцем на старую монахиню, брызжа слюной. — Ты же сама меня пригласила, старая карга, а теперь решила предать?!

— Предать? Ха-ха-ха-ха! — смех Ирены звучал скрипуче и безумно, отражаясь от каменных стен двора. — Я служу только Господу! А не грязным аристократам!

— Что за чепуха! — Пожилой лорд с пеной у рта, будто у него начался приступ бешенства, продолжал разоблачать коварную старуху, топая ногами. — Ты служишь не Господу, а лишь своим интересам, паскуда старая! Набиваешь карманы, наживаясь на должности директора приюта для сирот!

Их показная перебранка выглядела столь театрально и нелепо, что Лео на секунду показалось, будто он смотрит дешевую ярмарочную пьесу. Но это был лишь животный страх, попытка сохранить себе жизнь.

Когда на пороге появляются святые рыцари в глухих шлемах, закрывающих лица забралами, в этот день обязательно кто-нибудь умрет. В народе их давно прозвали вестниками смерти. Однако монахиня и аристократ надеялись, что смогут убедить юного священника в своей невиновности, спихнув вину на другого — в таком случае выжить удавалось хотя бы одному.

— Хватит! Довольно! — громко остановил их представление епископ Павел. От звука его голоса вороны испуганно сорвались с крыши собора.

Павел сделал шаг вперед, оказавшись прямо перед съежившейся Иреной. Его взгляд стал тяжелым, давящим, высасывающим воздух из легких.

— Исполняющая обязанности директора Ирена, именем Святого Престола вы обвиняетесь в торговле детьми. Вас казнят через повешенье, а затем разместят тело на площади перед храмом, чтобы птицы выклевали ваши лживые глаза.

Затем он медленно перевел холодный взор на аристократа и продолжил тем же ледяным тоном палача:

— Да, вас тоже повесят вместе с преподобной матерью. На одной перекладине, как парочку влюбленных грешников.

— Вы не можете так поступить! Я молю о милосердии, ваше преосвященство! — Лорд Огюст сложил ладони в молитвенной позе и смиренно склонил голову, а затем искренне заглянул в глаза молодого епископа. Он надеялся разжалобить наивного юнца, используя весь свой опыт придворных интриг, но увидел в этом взгляде лишь абсолютное, звенящее презрение.

— Странно слышать о милосердии от мучителя, — Павел чуть наклонил голову вбок, рассматривая старика, как насекомое под стеклом.

— Если бы я опоздал хоть на минуту, мальчик мог погибнуть! Клянусь честью рода! — залепетал алхимик, пытаясь спрятаться за словами.

Епископ приблизился к аристократу вплотную. Теперь они стояли нос к носу, и запах ладана смешивался с запахом дорогого парфюма и страха.

— Вы же алхимик, лорд Огюст. Вы покупаете живой товар не для утех. Вы ставите эксперименты на детях, превращая их плоть в реагенты. Они умирают в ваших подвалах, прикованные цепями к столам, крича от боли, пока кислота разъедает их кости. Таким образом вы

убили уже несколько сотен невинных жертв. Так не лучше ли избавить вас от бремени жизни сейчас, чтобы в будущем никто больше не пострадал от ваших рук?

Святой Павел забрал Лео из приюта, крепко взяв его за плечо — впервые прикосновение взрослого не несло угрозы, а дарило защиту. Епископ лично проследил, как казнили старую монахиню, что продолжала проклятую традицию и тайно продавала детей. Её костлявое тело долго дергалось в петле на промозглом ветру.

Аристократа-лжеца он повесил рядом с ней на главной площади в назидание другим грешникам. Золотые цепи сняли с него еще живого, оставив висеть в одном белье, чтобы каждый нищий мог плюнуть в лицо тому, кто считал себя выше закона.

Позже он назначил нового директора приюта — не из церкви, а гражданское лицо, не имеющее отношения к Святому Престолу. Это был юноша из квартала ремесленников. Его родители вели небольшой бизнес, изготавливая хлебобулочные изделия; запах свежего теста и корицы всегда стоял в их переулке плотной стеной. И как раз в это время к ним обратился молодой епископ с предложением.

— Добрый день, господин Салеван, — голос Павла прозвучал мягко, но от этого торговцу стало только хуже.

— Ваше преосвященство... — мастер Салеван в испуге склонил голову так низко, что едва не ударился лбом о прилавок, ожидая смертного приговора.

Всем известный факт, что церковь убивает и сжигает людей заживо, сдирает кожу и запирает в Железной Деве любого, кто противится воле Святого Престола. И Салеван не исключение, он также придерживался мнения, что церковь — это ад, а священники — демоны в рясе.

Он ожидал подвоха, однако его волнения были напрасны. Всё же этот молодой епископ был выходцем ремесленного квартала, его дед основал компанию Саровских. Так что Павел испытывал некую привязанность к этим местам и достаточно хорошо относился к честным торговцам. К тому же он был ровесником сына мастера — Лукаса.

Павел поклонился торговцу в ответ, чем поверг того в абсолютный ужас. Мастер решил, что у святого отца начался солнечный удар или приступ ереси.

— Ч-ч-что? Что вас привело в нашу скромную компанию? — нервно выпрашивал господин Салеван, судорожно вытирая руки о грязный фартук.

— Прошу, не волнуйтесь, — епископ сделал плавный жест рукой, словно успокаивая норовистую лошадь, и продолжил:

— Я не собираюсь вредить вам или вашей семье. Я пришёл с деловым предложением.

— Простите, но с каким? — брови торговца сошлись на переносице. — Разве у церкви не принято забирать всё даром? Или вы пришли не как священник, а как представитель компании Саровских?

Торговец, опираясь на своё чутьё, предположил, что раз его ещё не потащили в пыточную, то может быть действительно этот молодой человек пришел как бизнесмен, а не как инквизитор.

— Да, я представитель компании, но ещё и служу святому престолу. И сегодня мне нужна ваша помощь.

— Простите, ваше преосвященство, но какая помощь?

— Я предлагаю вам заключить договор на поставку в приют и все церковные организации вашей продукции по разумной цене, — Павел говорил четко, глядя прямо в глаза собеседнику. Однако! — предприимчивый епископ сделал паузу, давая словам осесть в воздухе, и собирался уже сказать истинную причину своего интереса к их компании. — Мне нужен ваш сын Лукас!

Торговец округлил глаза, втянув воздух сквозь зубы, но затем, подумав немного, понял, что в этом есть какой-то холодный замысел. Он знал, что Лукас обладал талантом и навыками, так как воспитывался в семье потомственного купца.

В отличие от аристократов, которые живут на ренту, ремесленники и торговцы опираются на свой ум и навыки, а не на титул. И чтобы достичь нужного результата, им приходится трудиться практически без выходных всю жизнь, считая каждый медяк.

— Что вы имеете в виду, Павел? — наконец выдавил мастер, крепче сжимая край дубового стола.

Молодой клирик улыбнулся, увидев, что торговец не отвергает его идею сразу и проявляет интерес. Он явно уже отбросил свои предрассудки о церкви и увидел во мне потенциального бизнес-партнёра.

— Я желаю получить талант вашего сына взамен на эту сделку. Он займёт пост директора приюта и временно возглавит административный штаб при церкви. Срок контракта — пять лет, а дальше он сам решит, как поступить: продлить контракт или нет.

— Вы знаете, молодой человек... — Салеван откинулся на спинку скрипучего стула, и в его глазах зажегся огонек азартного игрока. — Эта сделка принесет хорошую прибыль, учитывая масштабы закупок для Церковной Корпорации. Моё чутьё торговца подсказывает, что я просто обязан согласиться. Мой мальчик засиделся, пора расправить крылья.

Господин Салеван протянул мозолистую руку священнику. Сделка была успешно заключена.

Святой Павел, будучи магом тьмы, тут же составил Контракт Душ, закрепив слова печатями прямо на пергаменте души. Чернила въедались в душу, скрепляя волю сторон нерушимой клятвой. Этот жест лишь укрепил доверие господина Салевана и вызвал уважительный трепет у его сына.

После этого Лукас приступил к работе в Святом Престоле. Сидя в кабинете приюта Сен-Мари, он дистанционно решал логистические задачи и различные закупки для всей организации через сеть доверенных курьеров. Попутно составив примерный план экономической реформы на ближайший год, исписав формулами несколько рулонов пергамента.

Так как до этого церковь опиралась на грабёж, вымогательство и индульгенции, бюджет организации, основанный на убийствах и взятках, нужно было менять. Для начала изменив внутреннюю политику и финансовую зависимость в сторону малого и среднего бизнеса.

В руках столь крупной структуры это превратится в самую мощную торговую сеть в королевстве, где каждая кулинару и ресторан будет платить налог напрямую Павлу, минуя жадных дворян.

Компания Салеван сильно выросла после начала сотрудничества, открыв филиалы в соседних городах. Старый мастер уже задумался о продлении контракта сына на более долгий срок, подсчитывая в уме прибыли от продажи просфор и вина для причастий.

11. Святой Павел и Граф Готье. Лео обрёл семью.

Тем временем Павел начал проживать спокойные деньки в кругу семьи, ведь у него теперь был отец, а рядом шагал сын. Тот самый мальчик из церковного приюта по имени Лео стал его приёмным ребёнком, но от этого епископ не стал относиться к нему хуже или жестче.

Наоборот, он проявлял куда больше терпения и сочувствия, так как слишком хорошо помнил ледяные сквозняки казенных коридоров и вкус пустой похлебки.

Его собственная мать умерла на соломенном тюфяке, а отец не мог забрать сына из-за церковного запрета. «Рыцарь не может взять ребёнка грязной шлюхи», — именно так Святой Престол тогда клеймил Аннет Саровских.

Сейчас всё это казалось дурным сном.

Лорд Аксель Милан Готье обрел внука с явным боевым талантом. Развитое тело мальчика, закаленное выживанием в приюте, говорило о том, что однажды он сможет стать достойным Капитаном Рыцарей. И всё же у самого Павла были свои планы на Лео.

Он с самого начала планировал сделать мальчика своим личным учеником, чтобы открыть его ментальное море и направить на путь культивации проклятий. У юноши изначально был редкий дар — талант Тьмы. Священник собирался превратить этот изъян в абсолютное оружие.

Это была опасная специализация — Падший Рыцарь. Такой воин владеет тёмной магией и колдует интуитивно, оставаясь при этом мастером меча в латном доспехе. Он стоит на много выше своих воинственных коллег и заурядных чародеев.

Так у епископа появился первый ученик. Лео официально стал подмастерьем тёмного мага. Для юноши из приюта священник стал наставником и тем самым заменил отца, которого тот никогда не знал.

Мальчик испытывал искреннюю благодарность, но холодная логика не давала ему забыть, как церковь уродует души людей ради власти. Он знал, что его благодетель балансирует на краю пропасти. По возможности Лео поклялся удержать его от окончательного падения во Бездну.

Солнечные лучи падали сквозь высокие окна тренировочной арены цитадели Готье, освещая клубы пыли.

— Молодец, ты хорошо держишься, но не позволяй противнику пробить брешь в твоей защите! — голос лорда Акселя звучал сухо и требовательно, лишенный отеческой теплоты. Сейчас он был Капитаном, а не дедом.

— Да, дедушка, — тяжело дыша, отозвался Лео. По его вискам градом катился пот, мышцы рук гудели от напряжения.

Суровый старик не давал никаких поблажек своему внуку и продолжал непрерывно атаковать. Его выпады были скупыми, экономными, но чудовищно мощными. Каждый удар тяжелого деревянного клинка обрушивался на защиту юноши, грозя раздробить кости.

Юному мечнику приходилось только отбивать удары, отступая шаг за шагом, и собирать синяки на предплечьях. Как только Лео терял бдительность, делая лишний вдох, лорд Аксель наносил молниеносный хлесткий удар плашмя, выбивая тренировочный меч из рук подростка. Деревяшка со стуком улетела на край арены.

— Не выпускай меч из руки, если тебе её не отрубили! — рявкнул капитан, даже не сбив дыхания. — Подними его и продолжай тренировку. Усталость — это ложь плоти. Дух решает всё.

Лео закусил губу до крови, поднял тяжелое оружие дрожащими пальцами и снова встал в стойку.

— Контролируй зону передвижения противника и по возможности ограничивай, — продолжил лекцию Аксель, начиная медленно обходить парня по кругу, заставляя того вращаться вокруг своей оси. — Ты должен заставить врага споткнуться о собственные ноги. Смотри!

Граф резко сократил дистанцию, сделал обманный выпад в корпус, а когда Лео инстинктивно опустил меч для блока, лорд Аксель подсек его опорную ногу древком. Юноша рухнул на колени прямо в пыль, хватая ртом воздух.

Наблюдавшие за этим с галереи рыцари ордена удивлялись природному таланту мальчика и немного сочувствовали, видя, сколько холодного, методичного усердия их Капитан вкладывает в эти тренировки. Они знали: такой учитель либо сделает тебя воином, либо сломает пополам.

Лео занимался фехтованием с лордом Акселем три раза в неделю, а в остальные дни учился магии у священника

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в цвет запекшейся крови, место действия сменилось. Вместо запаха пота и стали ноздри щекотал аромат ладана и пергамента.

Во дворце епископа в библиотеке где стены издавали тихий гул, сидел Павел. Перед ним стоял Лео,

— Опусть центр тяжести, — голос епископа звучал глухо, отражаясь от сухого камня. — Ты пытаешься выталкивать энергию. Не нужно. Тьма — это космос. Она не сопротивляется, она поглощает. Представь пустоту между звездами.

Лео выдохнул, пытаясь сбросить напряжение после утренней порки деревом. Он закрыл глаза.

— Я... я вижу темноту, учитель.

— Это лишь отсутствие света. Мне нужна изначальная Тьма. Душа это космос. Почувствуй тяжесть вакуума в своей груди.

Внезапно воздух в библиотеке ощутимо похолодел. Факелы на стенах затрещали и погасли один за другим, поглощенные рваной волной голубой энергии, исходящей от сидящего подростка. Лео открыл глаза — вместо белков их заливал непроглядный черный туман, в котором мерцали две голубые искры.

Павел удовлетворенно кивнул.

— Душа источник твоей силы. Запомни это чувство.

— Прекрасно, — Павел подошел ближе и положил тяжелую ладонь на плечо ученика, гася бушующую вокруг ауру. — Отныне твой график утвержден окончательно. Три дня ты служишь моему отцу, учась держать сталь. Четыре дня ты служишь мне, познавая истинную власть над материей. Помни: клинок убивает тело, но слово убьет душу твоего врага заживо.

Епископ Павел открыл ментальное море Лео через чакру на лбу. Он приложил палец к точке между бровей ученика и направил туда тонкую струю духовной энергии, холодную, как межзвездный вакуум. Это дало стимул для пробуждения его спящих сил: аура юноши вспыхнула на мгновение пронзительным голубым светом, от которого тени в комнате съежились и отступили к углам. Теперь он мог использовать темную ауру и силу мастера проклятий. В последующем Лео научит этому приёму Остина.

12. Мир Нави: обучение Лео в Клане Волка. Шаман Дарлок и Егерь Ночной Волк.

Однако в данный момент он отправился в мир Нави. Его духовное сознание перенесло на берег моря, где пахло ветром, звёздами и луной. Святой Павел заранее предупредил его: нужно идти от берега прямо в лесную чащу к каменному великану, и там он уже увидит дорогу в Клан Волка.

Лео поднялся по скользким, покрытым водорослями камням от полосы прибоя и углубился во мрак леса. Под кронами вековых елей царил полумрак, но вскоре деревья расступились, открыв залитую призрачным лунным светом поляну. Перед ним возвышался голлем — не творение магов, а сама суть мироздания, сердце планеты Зион.

— Господин Древний! — окликнул его юноша, стараясь звучать уверенно, хотя сердце пропустило удар.

— Что? Ещё один человеческий мальчишка! — возмущённо пророкотал Обитатель Недр, открывая светящиеся оранжевым пламенем глаза. Огромный валун медленно повернулся, превращаясь в исполина, чья тень накрыла Лео с головой.

— Я сын того человека, что приходил в этот мир несколько лет назад, — сделав шаг вперед, ответил Лео, чувствуя, как вибрирует грудная клетка от низкого баса существа.

— Гра-а-а... Значит, тебя привело пророчество!

— Так и есть, господин Древний, — юноша смиренно склонил голову перед каменным великаном в ожидании ответа.

— Иди по этой тропинке, Ночной Волк ждет тебя, — камень указал толстым пальцем, похожим на обтесанную колонну, направление сквозь заросли папоротника. — Не задерживайся, смертное дитя, ночь здесь длится долго, а демоны всегда голодны.

Затем каменный великан снова неподвижно застыл, будто огромная статуя, пребывающая в вечном сне. Лишь едва заметная пульсация голубого света в его гранитной груди выдавала жизнь внутри мертвого минерала.

Юный рыцарь отвесил низкий поклон массивной фигуре и отправился вглубь роши. Вскоре деревья расступились, открывая вид на поселение. Его встретили взгляды жителей: они не были удивлены или испуганы.

Воины, чьи лица были раскрашены ритуальной сажей, и женщины смотрели на него с радостным узнаванием, будто знали, что он явится именно сегодня под бой шаманского бубна. Это сильно удивило Лео. Они молча расступались перед ним, образуя живой коридор, указывая путь к центру деревни, где дым костров уходил прямо в звездное небо.

Он подошел к большому шатру из шкур ночных волков в центре поселения. Откинув тяжелый полог, обитый медвежьими когтями, он вошел внутрь. Там, у небольшого костра, горящего ровным белым пламенем без дыма, его ожидали двое: Егерь Ночной Волк и Шаман племени Дарлок.

— Ты пришёл, — первым нарушил тишину Ночной волк. На его суровом лице отразилось удовлетворение, словно наконец сошлись детали сложного механизма.

— Да, учитель, — Лео сделал два шага вперед, встав на почетное место гостя.

— Как и было предсказано, ты придешь именно сегодня, — добавил шаман Дарлок. Старик сидел на корточках, перебирая в руках кости какого-то зверя, которые тихо стучали друг о друга в такт его дыханию.

— Жду ваших наставлений, учитель! — юный воин сложил ладони вместе в молитвенном жесте и выказал своё уважение наставнику.

— Хорошо! Но обучать тебя буду не только я, но и шаман нашего племени, — Ночной Волк кивнул в сторону старика. — Тебе нужны обе руки, чтобы держать меч судьбы. Одной силы мало, нужен дух.

— Приму ваши наставления как волю неба, учитель, — без колебаний ответил Лео.

— Тогда приступим, — Ночной Волк тяжело поднялся со шкуры белого медведя. — Защищайся.

Его тренировки продолжались на протяжении тысячи лет. Однако в реальном времени прошла всего одна ночь. Будто он лёг спать и всего лишь проснулся. Течение времени в мире духов подобно временной аномалии.

Исходя из этого, тренировки в этом измерении проходят намного эффективнее. Ментальное море Лео расширялось, поглощая густую духовную энергию этого царства, которая оседала в каналах тела прохладной росой. Для магического мечника это была идеальная среда культивации духа, а тем более для будущего Падшего Рыцаря.

Лео сражался с Ночным Волком на мечах. Деревянные клинки сталкивались с грохотом пушечной канонады, отдающимся в зубах. Оборотень был беспощаден: он не давал поблажек, используя инерцию своего огромного тела, чтобы выбивать почву из-под ног подростка.

— Контролируй дыхание! Думаешь, враг будет ждать, пока ты отдышишься?! — ревел Ночной Волк, нанося сокрушительный удар снизу-вверх, от которого заныли запястья.

Лео парировал, уходя в перекат по жесткой земле, и тут же вскочил, переходя в рукопашный бой. Его удары были быстрыми, хлесткими, но бессильными против гранитной твердости мышц оборотня.

В то же время, сидя у огня, Дарлок учил его технике тёмной медитации.

— Смотри на пламя, но не глазами, — шептал шаман, и его голос казался шелестом сухих листьев. — Видишь, как тени танцуют за пределами света? Это граница Завесы. Опusti свою душу ниже земли. Магия Тьмы не приходит сверху, она поднимается из могилы, она тяжелее свинца...

Шаман бил ритуальным бубном, обтянутым человеческой кожей, в такт ударам мечей. Ритм вводил в транс, заставляя кровь пульсировать в венах в такт вселенной. Спустя тысячелетие практики, тело Лео стало идеальным сосудом, готовым принять истинную мощь Духа.

На своих занятиях Шаман Дарлок поведал Леоморду историю клана Волка, и теперь юноша видел её отголоски в каждом жителе поселения. Все они — оборотни, Дети Семаргла, чьи глаза порой вспыхивали первобытным золотом. Святилище Зверя возвышалось над Сокровенной Рощей — древний храм Бога-Отца, сложенный из замшелых валунов, где пахло хвоей, озоном и старой кровью. Оборотни этого края соблюдали традиции с фанатичной строгостью и чтили предков, вплетая их имена в защитные обереги.

Но их история не была единой.

— Слушай ветер, мальчик, — говорил Дарлок, сидя у ритуального костра. — Он помнит тех, кто предал кровь ради чужого неба. Те, что ушли в мир смертных, испугались собственной тени. Они надели на себя ошейники из Лунного Света и стали жалкими последователями богини Луны. Она укротила природу зверя холодным серебром, дала им возможность сопротивляться лунному циклу и произвольному превращению. Но цена этой свободы — рабство духа. Теперь они несут обеты добродетели Богини Дивии Святилища Луны. Так появился Клан Луны. Они потеряли ярость, но обрели амбиции и коварство.

Шаман посмотрел в огонь, и тот зашипел, выпуская облако сизого дыма.

— А есть те, кого мы вычеркнули из родовой памяти. Клан Солнца. Они произошли от оборотней, что трусливо отказались от своей природы зверя, решив остаться людьми. Это предатели нашего рода! Этот клан основали колдуны, чернокнижники, что подавляют своей грязной магией саму суть, дар нашего Бога-Отца Семаргла. Они отвергли благородство звериного

духа, променяв её на фальшивое лицемерие смертных. Они живут среди людей и подражают их худшим качествам. Скрывая гнилую суть человечества под масками благочестия.

Во время глубокой медитации с Шаманом юный рыцарь созерцал гладь Озера солнечных Вод. Вода казалась жидким янтарём, впитавшим свет тысячи рассветов. Лео сидел на плоском камне у самой кромки, скрестив ноги, и всем своим существом впитывал густую духовную энергию источника.

— Не пытайся поймать её разумом, она сожжет твой рассудок, — голос Дарлока звучал низко и раскатисто, как камни, перекатывающиеся в горном потоке. — Почувствуй, как сила течёт по меридианам твоего тела! Она ищет преграды. Ломай их дыханием!

Лео закрыл глаза, сосредотачиваясь на тепле, зародившемся в его душе. Пульсация стала ровной, а затем превратилась в мощный поток, устремившийся к кончикам пальцев.

— Наполни сознание водами священного озера, — продолжал наставник, и его слова эхом разносились в голове ученика. — Открой своё ментальное море! Пусть оно обратится Океаном и Луной. Гармонией Вселенной! Стань её проводником, прежде чем попытаешься удержать шторм.

Колдун продолжал наставлять своего ученика, сидя рядом в неизменной позе лотоса. Его морщинистые веки были плотно сомкнуты, дыхание едва уловимо, но при этом ему открылся весь окружающий мир: он слышал, как бьется сердце рыцаря, как ползет муравей по корню старого дуба в десяти шагах позади, как преломляется свет в каждой капле тумана.

— Хорошо, учитель, — выдохнул Лео, чувствуя, как испарина выступает на лбу. — Я ощущаю, как во мне начинает скапливаться энергия. Она слишком плотная... ей тесно. Она расходится по меридианам тела, словно расплавленный металл по литейным формам. Кожа горит.

Внезапно боль схлынула. Тело стало невесомым, прозрачным. Лео медленно начал ощущать потоки энергии и смог открыть талант «Тёмной Медитации». Дар исцеления пробудился глубоко внутри — любая рана на теле будет мгновенно заживать, сила абсолютной регенерации. Эта техника наделяла даром бесконечного восстановления, возвращая утраченные ресурсы и конечности. Воин становился практически бессмертным и неутомимым титаном, способным одолеть тысячи врагов в одиночку, пока держится его воля. Только Падший сможет овладеть такой техникой.

Следующее занятие прошло с Ночным Волком на утоптанной площадке перед святилищем. В руках мастера покоился двуручный меч, лезвие которого казалось выкованным из застывшего северного сияния.

Они сражались до последнего вздоха, до дрожи в коленях и звона в ушах. Выносливость этого великого воина была за пределами понимания смертных. Во время тренировок он никогда не уставал, двигаясь со скоростью атакующей гадюки даже после сотого обмена ударами, когда сам Лео уже тяжело опирался на свой клинок, глотая воздух пересохшим ртом.

— Ты достоин зваться воином! — прорычал Ночной Волк, резко остановившись и вонзив меч в землю. По поляне прошел низкий гул. Сталь клинка еще мелко вибрировала. На широкой груди учителя не вздымалось ни единого тяжелого вздоха. — Твоя стойка всё ещё похожа на пьяного медведя, но дух не сломлен. Ты выдержал темп.

— Спасибо, учитель! — прохрипел Лео, пытаясь стереть заливающий глаза едкий пот тыльной стороной ладони.

— Теперь ты можешь освоить технику двенадцати духовных зверей-хранителей.

Ночной Волк достал свой лунный клинок, перехватив его обратным хватом, и начал показывать движения. Его тело текло, перетекая из одной смертоносной формы в другую: вот он обрушивается сверху тяжестью льва, а через мгновение уходит вбок броском скорпиона. Ученик внимательно наблюдал за каждым миллиметром движения своего наставника, запоминая углы наклона суставов.

— Двенадцать духовных зверей-хранителей — эта техника боевого танца меча Сокровенной Рощи. Древняя клятва крови. Только истинный мастер овладеет всеми движениями духовного зверя, познав его благородство и его мудрость.

— Очисти разум от страха смерти и доверься инстинктам, — инструктировал Волк, делая плавный выпад. — Почувствуй энергию мира вокруг, обрети гармонию с небом и землёй. Двенадцать шагов что завершают круг. Двенадцать месяцев, четыре сезона, жизнь и смерть. Цикл всегда повторяется.

Юный рыцарь, созерцая мастерство учителя, испытал легкую гордость за то, что такой легендарный воин тратит на него свое время, смешанную с благоговейным трепетом. Он встал в начальную позицию.

Он начал повторять движения мастера. В каждом взмахе клинка и повороте тела постепенно проступала аура и грация зверя. Величие и красота боевого танца Сокровенной Рощи захватили поляну; казалось, сами деревья склонились ниже, чтобы не мешать уроку.

Когда танец завершился финальным росчерком, разрубившим воздух с тонким свистом, Лео замер. Он идеально исполнил последовательность всех двенадцати шагов, вложив в них остатки сил без остатка. Ночной Волк опустил оружие, и на его суровом лице впервые отразилось искреннее удивление.

— Молодец! У тебя хорошо получается для того, чья человеческая природа еще борется со звериной, — кивнул он, признавая полное поражение ученика в спарринге, которое обернулось чистой победой в искусстве.

— Благодарю, учитель, — Лео сложил ладони лодочкой у груди и сдержанно поклонился, пряча усталость, а затем продолжил чуть тише: — Позвольте спросить, учитель. Кто передал клану Волка такое безупречное мастерство владения мечом? У людей нет ничего подобного.

Ночной Волк кивнул своему ученику, жестом приглашая сесть на поваленное бревно, и поведал эту старую историю:

— Феи Сокровенной Рощи владеют всеми искусствами мира. Их знания — это река времени. Они передают дары всем, кто приходит в Круг Камней Сердца Леса и заключает с ними контракты, скрепленные первой кровью. Так у смертных появилась сила эсперов. Та самая разрушительная мощь, которую люди используют во зло, разрушая собственные жизни. Однако по условиям контракта люди должны отдавать одарённых детей феям. Плоть за магию. Кровь за знание.

— Но учитель... клан Волка тоже платит эту дань? — удивленно спросил юноша, крепче сжимая рукоять тренировочного меча.

— Нет, — отрицательно покачал головой мужчина. Его желтые глаза блеснули в сумерках. — Мы — духовные звери, наша плоть священна, нам нельзя навязывать контракт. К тому же мы союзники. Обычно королева фей сама призывает нас на службу, когда небеса темнеют, и дарует своё благословение добровольно. Нам не нужны их трюки, чтобы быть сильными.

— Все жители Нави не используют магию как инструмент, — вступил в разговор незаметно подошедший Шаман Дарлок. Его посох глухо ударил о землю. — Они и есть эта магия, так как полностью состоят из духовной энергии. Для них колдовать — всё равно что для тебя моргнуть. В мире смертных магия — лишь маленький источник, что проистекает из духовных царств, питая скромные способности людей-эсперов. Но даже так коварным людям, алчным до власти, удаётся превзойти чистые силы Сокровенной Рощи.

— Их хрупкий мир держится только на контракте между смертными и феями, — добавил Ночной Волк, глядя на первые звезды. — Как только они нарушат его, прольется первая кровь одарённого ребенка, и начнется война, которая выжжет оба мира. Однако я на этом закончу. Тебе не стоит волноваться об этом сейчас. Придёт время, и ты сам всё увидишь своими глазами.

— Как скажете, наставник. Благодарю за столь интересный рассказ, — Лео снова склонил голову.

— А теперь я заключу с тобой контракт духовного хранителя и передам благословление нашего Бога-Отца Семаргла, — голос Ночного Волка стал тяжелым, давящим, требующим полного подчинения. — Тебе будет доступна истинная сила зверя. Быть может, ты, как и я однажды, отправишься от лица нашего царства на Смертельную Битву, что проходит раз в тысячу лет в Городе Богов. Где боги оценивают таланты своих детей.

— почту за честь, наставник! — с неподдельной благодарностью и огромным уважением юный воин рухнул на одно колено, склоняясь перед воином.

В этот момент из теней бесшумно выступил шаман.

— Нет, дитя, — отрезал Дарлок, выступая вперед и загораживая собой ученика. — Ты не сможешь участвовать в битве от лица мира Нави. Твои корни в другой земле. Ты принадлежишь миру смертных. Только пройдя вознесение сквозь смерть или абсолютное просветление, ты сможешь выбрать одну из сторон и принять участие в великом испытании – добавил шаман, опираясь на посох.

— А сейчас ступай, отдохни. Восстанавливайся, — велел Дарлок. — Нам нужно поговорить с Ночным Волком. Без лишних ушей. Приходи на рассвете, если твои мышцы позволят тебе встать.

13. Дикая Охота. Фенрис и Мира.

В свободные от изнурительных тренировок дни Лео уходил в самую чашу Сокровенной Рощи на Дикую Охоту вместе с волчатами — внуками нынешнего шамана Дарлока, братом и сестрой. Для них лес был родным домом, а для юного рыцаря — лучшей школой выживания. Фенрис и Мира постоянно меняли облик прямо на бегу: вот только что рядом бежал мальчишка в домотканой рубахе, но стоило ему споткнуться о корень, как через мгновение землю лапами взрывает поджарый серый зверь. Их трансформации были настолько привычными, что казались лишь игрой света и тени.

Часто играя с ним по законам стаи, волчата нападали из засады. Пышный папоротник или старый выворотень внезапно оживали, и двое тел одновременно сбивали юношу с ног, придавливая к влажному мху всей своей тяжестью.

— Попался! Теперь ты наша добыча! — рычал Фенрис-волк, упираясь мокрым носом в шею Лео.

В следующий миг их шерсть втягивалась обратно в кожу, острые когти исчезали, оставляя лишь розовые царапины на доспехе, и они начинали ластиться к юноше, облизывая его лицо своими шершавыми языками.

— Сдаюсь! Ваша взяла, маленькие демоны! — Лео весело смеялся, пытаясь защититься руками, переворачиваясь в траве и щекоча им животы. Он часто спал прямо в лесу, укутавшись в походный плащ, в обнимку с этими маленькими проказниками, согревавшими его лучше любого костра.

Так случилось и сегодня. Проснувшись от того, что кто-то усердно жевал завязки его сапога, он осторожно высвободился из-под теплых детских тел и отправился к озеру. Утренний туман цеплялся за ноги холодными пальцами, над водой стоял густой пар.

— Лео! Куда ты?! — звонко воскликнули маленькие сорванцы, выпрыгивая из кустов позади него. Они всё ещё были в волчьей форме, но глаза уже смотрели осмысленно, по-человечески хитро.

— Умыться к озеру. А вы что так рано проснулись? — улыбнулся юноша, зачерпывая ледяную воду ладонями. — Фенрис, Мира.

— Мы пойдем с тобой, братик Лео! — хором отозвались они.

Волчата приняли человеческую форму почти мгновенно. Мокрые волосы прилипли ко лбу, на шеях виднелись следы ночной росы. Они взяли юношу за руки с двух сторон, словно младшие брат и сестра, повиснув на нем всем весом. От их кожи пахло диким медом и псиной.

— У тебя пальцы холодные, — пожаловалась Мира, пряча свою ладонь в рукаве туники Лео.

— Зато твои горячие, будто печка, — фыркнул Фенрис, бодая плечом рыцаря. — Поймаем сегодня кого-нибудь жирного?

Он охотился на духовных зверей не ради трофеев — шкуры и кости шли общине, — чтобы пить горячую кровь тысячелетних созданий и умываться водой из озера Солнечных Вод.

— Сегодня пойдем на настоящую охоту! — объявил Лео, когда солнце поднялось выше, окрасив янтарную гладь в цвет расплавленного золота. — Мне нужно мясо, напитанное силой земли, для следующего этапа медитации.

— Ура! — подпрыгнул Фенрис, тут же перекидываясь на лету. Его одежда истлела серебряной пылью, а вместо неё проступила густая серая шерсть. — Догоняй!

— Дикая Охота! — поддержала его Мира. Её зрачки расширились, затопив радужку чернотой. Она упала на четвереньки, суставы хрустнули, перестраиваясь, и через секунду две тени бесшумно растворились между вековых елей.

Они выследили оленя. Но это было не простое животное — его рога светились изнутри мягким голубым светом, а копыта оставляли в мху прожженные следы. Тысячелетний дух леса, чья сила могла исцелить смертельную рану. Бой был коротким и жестоким. Лео отсек ему голову одним точным ударом своего клинка, впитавшего благословение Семаргла, прежде чем зверь успел призвать гнев самой земли.

Брат и сестра помогали свежевать тушу. Юноша тепло смотрел, как они ловко орудуют обсидиановыми ножами, снимая шкуру. Ни единого лишнего пореза на мясе, ни капли ценной крови не пролилось на землю — дети шамана знали цену дарам природы. Их движения были пугающе взрослыми, экономичными и смертоносно точными.

Когда работа была закончена, волчата снова приняли человеческий облик и уселись вокруг небольшого костерка. Они жарили шашлычки на длинных ивовых прутьях, нанизывая куски мяса духовного зверя. Жир капал в огонь, шипел и источал одурманивающий аромат. Лео сидел, скрестив ноги, и тихо улыбался, наблюдая за ними сквозь языки пламени.

— Ешьте, не торопитесь, — мягко сказал он, подбрасывая сухую ветку в костер. — У нас целая туша оленя. Мы сможем нажарить ещё, пока не лопнем.

Маленькие сорванцы жадно поглощали мясо тысячелетнего зверя, пачкая щеки и пальцы в соке. Они впитывали колоссальную духовную энергию, и Лео видел, как она работает внутри них. У юноши создавалось такое стойкое впечатление, что они растут не по количеству прожитых зим, а по уровню накопленной силы. Чем выше концентрация духовной энергии в пище, тем быстрее вытягиваются их кости. Они стали подростками всего после нескольких Диких Охот: голоса начали ломаться, плечи Фенриса раздались вширь, а стан Миры приобрел угловатую девичью грацию хищницы.

И всё же он находился в мире Нави, где законы времени подчинялись воле богов, так что это не сильно удивляло юного рыцаря. Тем более что он сам владел чудом магии Тёмной Медитации и знал о существовании высших сущностей не из старых книг. Так что стремительной эволюцией оборотня, питающегося силой убитых духов, его давно нельзя было удивить. Единственное, что вызывало у него странную тоску — мысль о том, увидит ли он их снова, когда вернется в мир смертных, или разница в течении времени сделает их чужими друг другу навсегда.

Годы в Нави сплелись в тугую нить бесконечных сумерек. Для Лео это была эпоха культа стали и духа: он впитал суть двенадцати зверей так глубоко, что его кости изменили свой состав, став легче птичьих и тверже титана. Тёмная Медитация текла по его венам вместо крови — абсолютная регенерация сделала его практически неуязвимым.

Фенрис и Мира за эти годы расцвели окончательно. Из неуклюжих волчат они превратились в идеальных детей Семаргла. Фенрис стал широкоплечим юношей с глазами цвета грозовой тучи, а Мира... Мира стала воплощением хищной грации. Её движения обрели кошачью мягкость, способную в мгновение ока взорваться смертельным броском.

Однако вместе с красотой пришло томление плоти. Взгляд Миры всё чаще задерживался на лице рыцаря слишком долго, а её улыбка приобретала горьковатый оттенок, когда Лео этого не видел. Он же оставался слеп или намеренно глух к этим переменам, видя в ней лишь ту самую маленькую сестру, которая когда-то грела ему бок во сне.

Однажды в полночь, когда луна висела над Озером Солнечных Вод огромным серебряным диском, она позвала его.

— Я ждала тебя здесь, братик, — голос Миры дрогнул, выдавая напряжение. Она стояла у самой кромки воды, сжимая в руке что-то маленькое, завернутое в белый шёлк.

Лео подошел бесшумно, его доспехи из кожи ночного волка поглощали звуки шагов.

— Что случилось? Ночной Волк снова гоняет Фенриса до седьмого пота?

Девушка покачала головой. Сделав шаг вперед, она разжала ладонь.

— Я хочу разделить с тобой Свет Луны и встретить Сияние Рассвета, — прошептала она, протягивая тонкий амулет из лунного камня. Его грани мягко пульсировали в такт биению её сердца. — Стань моим спутником, Лео. Не как соученик, и не как брат. Будь моим.

Она краснела так сильно, что даже лунный свет не мог скрыть румянец на высоких скулах. Еле дыша ей удалось вытолкнуть эти слова наружу, прежде чем страх сковал горло.

— Мира... — неловко начал Лео. Он смотрел на амулет, но не делал попытки коснуться его. В его глазах плескалась только холодная вода сочувствия. — Прости. Но я не могу принять Свет твоей Луны.

Услышав ответ, девушка пошатнулась. Амулет выпал из ослабевших пальцев и тонул в прибрежном иле беззвучно, словно маленькая утопленница. По её щекам покатились слезы — обжигающие, соленые, словно воды Звёздного Моря. Ей было невыносимо стыдно. Она предложила ему себя, своё тепло, своё сердце, а парень, в которого она вложила всю душу детства, отверг её ради своего холодного пути меча. Это ранило сильнее любого клинка. Мира резко развернулась, чтобы убежать в темноту роши, спрятать свой позор.

Но Лео оказался быстрее. Он не схватил её за руку — это было бы грубостью. Он просто встал на её пути, преградив дорогу своим телом, от которого веяло долгом и честью после медитации.

— Постой, — тихо сказал он. Его голос впервые за долгое время звучал без стального эха тренировок. — Я выражу тебе свои чувства через мой клинок. Окажешь ли ты мне честь, Волчица Мира?

Он осторожно, кончиками пальцев, стер слезу с её правой щеки. Кожа девушки горела.

Мира замерла, глядя на него снизу-вверх сквозь мокрые ресницы. Затем медленно кивнула. Достав свой парный меч — изящную серебристую Иглу — она сделала шаг назад, принимая боевую стойку «Спящего Феникса».

— Как скажешь! Я тоже выражу свои чувства с помощью клинка.

И начался танец. Они скрестили лезвия, и звон металла рассыпался серебряными искрами. Это был не спарринг для проверки выносливости. Это был самый прекрасный танец меча во вселенной. Небесные нимфы и феи, прятавшиеся в кронах вековых ив, затаили дыхание, наблюдая за ними с завистью. Если бы наставник Дарлок видел это, он бы понял, что его уроки превзойдены чистой эмоцией. Четыре сезона раскрылись в их движениях. Любовь стала толчком к просветлению.

В этом бою Лео был копьём, пронзающим небеса — прямым, неумолимым, обжигающим и горячим. Каждое его движение отсекало лишнее, стремясь к идеальной линии. А Мира была нежным облаком на склонах гор, парящим среди цветов зимней сливы — она уклонялась, обвивала его атаки своей гибкостью, отвечая касаниями, полными тоски, словно ранняя весна на склонах Морозных Гор.

Они кружились, скрешивая клинки снова и снова. Их тела двигались в унисон, повторяя движения духовных зверей, но вкладывая в них новый смысл. Девушка и юноша передавали все чувства прямо в ауру клинка. Когда их мечи сталкивались, вспышки голубых искр были не просто трением металла — это вспыхивал огонь в их глазах, страсть, которую нельзя было утолить иначе. Очертив на песке круг из двенадцати знаков Зодиака, символизирующих полный цикл жизни, они закончили свой танец. Лезвия замерли в миллиметре друг от друга.

Лео первым разорвал дистанцию, сложив ладони перед грудью в молитвенном жесте.

— Благодарю тебя, сестра Мира. За этот танец.

— И я тебя благодарю, брат Лео, — ответила она, возвращая поклон. Её плечи опустились, приняв поражение, но глаза оставались сухими. Воительница внутри неё победила плачущую девочку.

Повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом бамбука.

— А теперь предлагаю помедитировать, — нарушил молчание рыцарь, указывая на плоский валун посреди мелководья. — Ты присоединишься ко мне?

— С удовольствием, — выдохнула Мира, чувствуя, как ком в горле наконец растворяется.

Девушка, словно благоухающий, но дикий лесной цветок, расположилась рядом с юношей. Приняв позу лотоса, они закрыли глаза. Лео тут же провалился в глубокую трансформацию: его дыхание остановилось, кожа стала бледной, а вокруг тела закружились едва заметные потоки голубой энергии.

Мира осталась на границе миров. Юная воительница тайно роняла слёзы в душе, но внешне оставалась неподвижной статуей. Она знала, что никакая красота не может заставить камень желать дождя. Она смирилась с тем, что навсегда останется для него сестрой и никогда не сможет разделить Свет своей Луны с Океаном полным далёких звёзд.

Её разум унесся в прошлое. Она вспомнила, как в детстве, будучи пушистым волчонком, она зализывала царапины на щеках этого парня. Их тогда будто окутывала невидимая связь чистого счастья, что каждый день источал Лео, сам того не зная. Мира каждую ночь засыпала в его объятиях, свернувшись клубком под тяжелым походным плащом, и вместе с ним встречала рассвет у костра. Это было лучшее время в её жизни, когда она могла выражать эмоции, не скрывая свои истинные чувства.

Однако повзрослев, они утратили эту связь навсегда. Лео перестал пускать её в свою постель, выстроив стену из вежливости и дистанции. Он больше не позволял той близости, которая между ними была. Это ранило глубже всего, ведь именно на тот момент, когда стена начала расти, она уже осознала свою влюбленность. Теперь оставалось только смотреть, как он уходит всё дальше в бездну своей Тьмы, оставляя её одну на берегу озера Солнечных Вод уже навсегда.

Отказ Лео не сломил Миру — он перековал её горечь в негибемую сталь. Девушка перестала искать тепла в его взгляде и нашла утешение в острие собственного меча. Она посвятила себя тренировкам до полного истощения, пока однажды во время спарринга с Ночным Волком не произошло озарение. Пропустив удар огромной палицей, который должен был переломать ей ребра, она лишь пошатнулась. Ударная волна прошла сквозь тело, но плоть устояла.

Она открыла в себе талант Защитника. Благодаря природе зверя она обрела невероятную стойкость и выносливость: будь то испепеляющее пламя или сокрушающий физический удар, полученный урон никогда не превышал девяти процентов от здоровья.

Её брат Фенрис пошел иным путем. Пока Мира училась принимать удары на себя, он пробудил талант Синоптика. Его дар управлять погодой и молниями, ярость штормов и сила льда.

— Братец! Выше! Подави его справа! — кричал Лео, уворачиваясь от клешней гигантского крабоподобного монстра внизу.

Небо ответило ему раскатом грома. Юноша стоял на вершине скалы, воздев руки. Тучи сгустились вокруг него воронкой.

— Есть! — выкрикнул Фенрис, и ослепительно белая ветвистая молния сорвалась с небес, вонзившись точно в стык панциря монстра. Монстр взорвался фонтанами едкой слизи.

Так сформировалась команда покорения диких земель за пределами Сокровенной Роши. Лео стал наконечником копья — быстрым, смертоносным клинком. Мира превратилась в несокрушимый щит, принимая на грудь удары когтей и заклинаний. А Фенрис кружил над ними ястребом, обрушивая гнев небес по команде Лео.

Они часто охотились на демонов Бездны, которых, казалось, Ночной Волк намеренно оставлял для тренировки начинающих воинов. Большинство этих тварей были жалкими тенями, низкоуровневой нечистью, чьи души гасли от одного вида освященной стали Лео.

Но удильщик оказался совсем иным.

Это случилось на берегу моря, где песок скрипел под ногами как битое стекло. Демон тысячелетиями пожирал заблудшие души рыбаков, привязанный к берегу Звёздного Моря. Он выглядел как исполинский остов кита, покрытый гниющими водорослями, с единственным тусклым фонарем-приманкой на длинной костяной нити, свисающей из пробитого черепа.

— Не смотрите на свет! — прорычал Лео, выставляя клинок. — Это ловушка разума!

— Принято! — отозвалась Мира. Она шагнула вперед, закрывая собой рыцаря. Её глаза затянула мутная пелена волчьего зрачка. — Попробуй прокусить мою шкуру, глубоководный!

Демон издал звук ломающихся корабельных мачт и бросился. Мира приняла удар своей головой, буквально вбивая иллюзии в песок. Девушку протащило на десять шагов, оставив две глубокие борозды, но она стояла. Девять процентов урона — магическая стойкость работала даже против первобытного ужаса.

Фенрис спикировал вниз, используя «Воздушный шаг», чтобы не коснуться ядовитого прибора.

— Ливень! – Удар молнии! – комбинируя навыки для большей эффективности.

С неба хлынул дождь, а затем прошёл разряд электричества что разбил защиту и оглушил чудовище. В этот же миг Лео исчез. Для наблюдателя это выглядело как порыв черного ветра. Он возник прямо под брюхом твари, которое не было защищено панцирем. Талант «Тёмной медитации» позволял телу двигаться быстрее боли.

Клинок вошел снизу-вверх, пронзая орган-источник света. Демон-Удильщик лопнул с тихим звоном хрустала. Чудовище издало последний булькающий вздох и осыпалось горсткой мокрой соли.

На следующий день после этой победы шаман Дарлок призвал их к Древним Камням. Старик выглядел обеспокоенным больше обычного. Он указал посохом на дрожащий воздух между двумя валунами.

— Я запечатал разрыв, через который просачивались кошмары, — тяжело выдохнул старик, опираясь на дерево. — Но энергия всё ещё здесь. Садитесь. Так начался их импровизированный урок анатомии мироздания.

Лео, Мира и Фенрис опустили на траву полукругом перед учителем.

— Знаешь ли ты, что такое Завеса, Лео? — голос Дарлока звучал глухо, будто шел из-под земли.

— Нет, учитель.

Шаман кивнул и достал из складок одежды мешочек с толченым нефритом. Рассыпав порошок по камню, он начертил схему миров.

— Я поведаю общую информацию. Однако я уверен, что вы обязательно туда попадете. Нави слишком плотно прилегает к ней. Вам следует знать об опасностях этого измерения.

Дарлок щелкнул пальцами. Порошок вспыхнул изумрудным огнем, формируя полупрозрачный купол над головами учеников.

— Завеса – это пространство или коридор духов. Промежуточное измерение между царством духов, чистилищем и миром смертных. Представьте туман, в котором утонула реальность. Здесь обитают различные демоны, голодные духи и потерянные души, которые забыли, как попасть домой.

Изображение внутри купола помутнело, показывая искаженные болью лица.

— Смертные приходят туда во снах. Тень завесы касается их разума, и некоторые находят там дары, становясь магами... — (взгляд учителя скользнул по Фенрису) — ...или же становятся пищей для демонов. Кошмары настигают свою добычу во сне. Страх парализует волю, и жертва становится одержимой. Её душа остается в Завесе навсегда, служа пищей для твари.

— Как нам сражаться с тем, кто живет в наших кошмарах? — тихо спросила Мира, инстинктивно положив руку на плечо брата.

— Сражение магов тьмы с одержимыми происходит обычно в самой тени, — продолжил Дарлок. — Но для этого нужен сильный медиум. Проводник, чья воля тверда, а вера крепка. Он войдет в чужую тень и сразит чудовище на его поле. Если он проиграет — погибнут оба. Спасая других медиум рискует потерять собственную душу.

Старик перевел тяжелый взгляд желтых глаз на Лео.

— Будь готов, когда попадешь туда сам. Запомни три правила.

Первое: это всегда игры разума. Сила воображения, если твой разум решит, что земля — это потолок. Не верь всему что видишь.

Второе: не доверяй никому. Демоны носят маски и голоса существ из твоей памяти.

Третье: не атакуй всех подряд. В Завесе обитают не только демоны, но и светлые духи-хранители, запертые там веками. Они могут выглядеть страшнее самих монстров. Так что прежде чем принять решение находясь в этом измерении...

Дарлок замолчал, давая словам повиснуть в воздухе.

— Нужно в первую очередь научиться видеть, — закончил за него Лео, глядя на свои ладони. — и полагаться на ту часть меня, которая не спит. Тьма не видит сны — она моя сущность.

— Именно, — кивнул шаман. — На того, кто сидит в центре бури. На этом наш урок закончен.

Медитации, сражения и Дикая Охота стали повседневностью Лео. Время в Нави текло иначе: оно не лечило раны, оно застывало янтарем, сохраняя моменты абсолютного счастья. Тем не менее теперь он был не один. Тепло плеча Миры, готового принять удар, и потрескивание молний Фенриса над головой наполняли его странным, забытым чувством покоя. Юный рыцарь был счастлив как никогда прежде. Он старался запомнить эти моменты до мельчайших деталей: запах озона после заклинаний брата, вкус жаренного мяса духовного оленя, тепло костра.

Проживая эту идеальную жизнь в мире Нави, он старался не думать о том, что ждет его в мире смертных. Слово «возвращение» висело над ним дамокловым мечом. Рано или поздно ему придется сделать выбор: вернуться назад, потеряв этот рай тренировок, или остаться здесь уже навсегда, став частью Нави.

По прошествии тысяча лет обучения пришло время возвращаться. Время внутри Лео замерло на пике рассвета, но он чувствовал, как ткань мироздания начинает истончаться.

Шаман Дарлок вознес руки к небу над центральной площадью поселения. Его бубен из человеческой кожи гудел низким басом, сливаясь с гулом крови в ушах. Старик вонзил посох в землю, и камни брусчатки дрогнули. Пространство пошло рябью, искажая очертания тотемов, а затем лопнуло, открыв идеально круглый портал. Из него пахло не просто воздухом другого мира, а запахом пыли, ладана и чего-то давно забытого — это был аромат его дома.

Все местные жители и подростки волчата провожали прошедшего обучение воина. Они не плакали. Сокровенная Роща знала, что такие гости уходят навсегда. Площадь взорвалась радостным смехом, улюлюканьем и ритмичным стуком барабанов. Кто-то бросил под ноги Лео венок из таволги и красных ягод. В этот момент прощание переросло в стихийный фестиваль, где центром внимания стал темноволосый юноша с глазами цвета грозового неба.

К Падшему Рыцарю подошла Мира. Она больше не пыталась скрыть свою природу: её глаза были волчьими, а из-под верхней губы едва заметно блестели острые клыки. Девушка порывисто обняла его, прижавшись щекой к латному наплечнику, а затем поцеловала в щеку — быстро, горячо, почти отчаянно.

— Я не забуду тебя, Лео... — её голос сорвался. Она пыталась улыбнуться сквозь слёзы, которые катились градом, но глаза сияли радостью за него. — Прощай.

Лео мягко, но твердо положил руки ей на плечи, удерживая дистанцию.

— Прости, что разочаровал. Но ты мне как сестра. Не более.

Мира лишь горько усмехнулась, отступая назад. Она уже приняла эту боль, и теперь она делала её только сильнее.

Фенрис тут же фыркнул, встав рядом с сестрой и закинув руку ей на шею в жесте защиты:

— Я же говорил тебе, глупая сестрёнка! Нельзя влюбляться в братика Лео! Он же рыцарь, Долг и Честь выше любви!

Он толкнул Миру локтем в бок, пытаясь разрядить обстановку шуткой, но его собственный голос предательски дрогнул на высокой ноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.